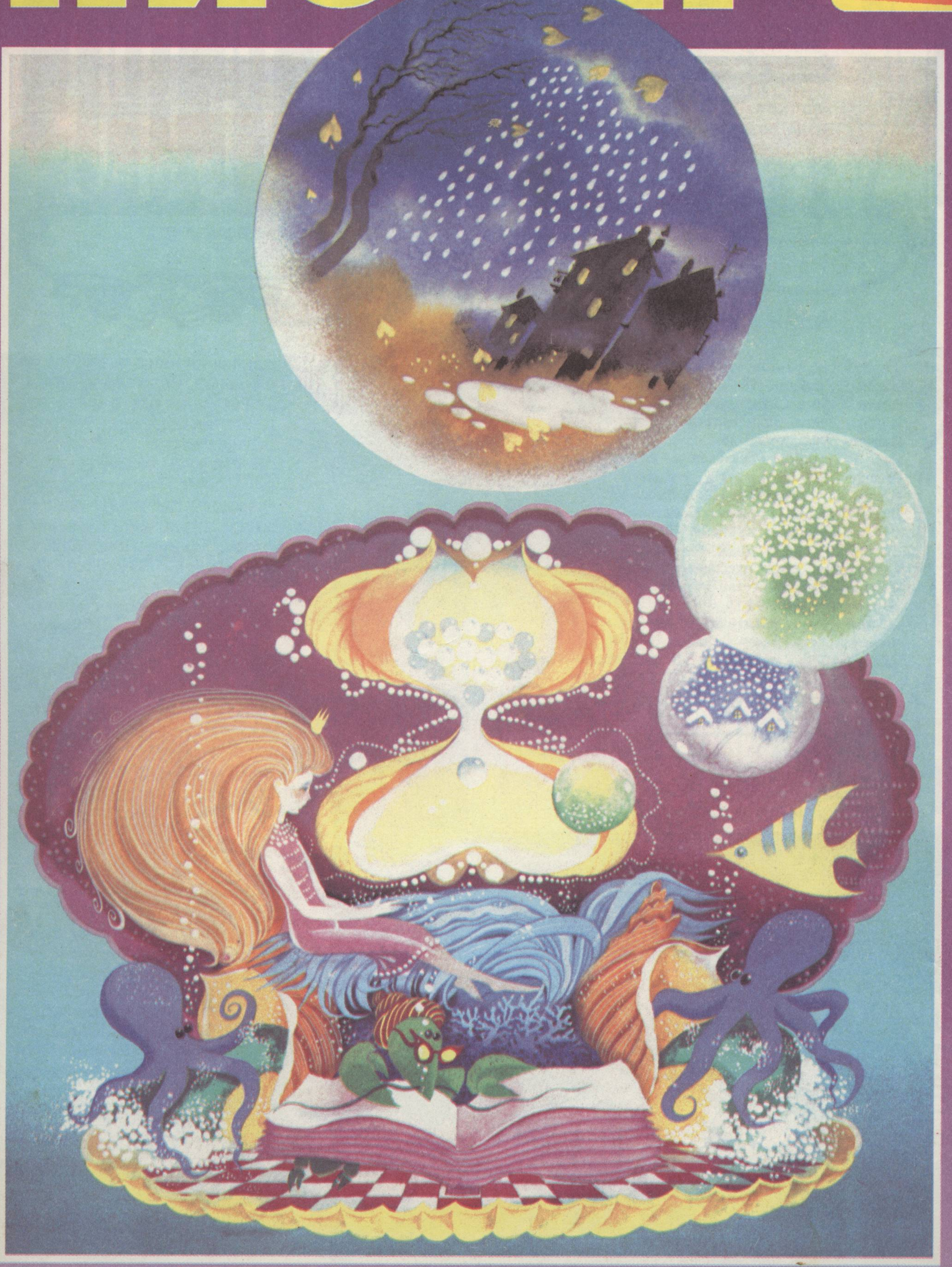
ISSN 0130–8009

ПИОНЕР

11'90

ПИОНЕР

Выходит с 15 марта 1924 г.

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

Москва, 1990
Издательство «Правда»

11

ЧИТАЙ В НОЯБРЕ

... обратного хода быть не может. С. 24.

Тоже мне, человек за бортом! С. 31.

С. 58.

РАЗМИНКА-РЕТРО

Сегодняшняя наша разминка не вполне обычна. Ведет ее девочка, которая жила на свете много лет назад. Звали девочку Антося Сухомлин.

Надобно сказать, что до революции в России выходило немаленькое число детских журналов: одни были тоненькие и скромно иллюстрированные, другие — занимательные и нарядные. И почти все старались научить чему-либо интересному и полезному, а заодно и развлечь маленьких читателей, проверить их смекалку и сообразительность. Ничего удивительного: ребята в ту пору любили поиграть ничуть не меньше, чем ты сейчас. Особенно модными были игры «в слова»; сегодня их названия звучат как нечто почти совсем забытое, не вполне понятное: метаграмма, логогриф, омонимы, шарада...

Были среди давних твоих ровесников и чемпионы, которые решали все задания просто и непринужденно. Антося Сухомлин могла легко справиться с самой заковыристой задачей, за что ее не однажды хвалили и ставили в пример сразу в нескольких журналах, даже таких солидных, как «Задушевное слово» и «Детское чтение». Вот из них-то мы подобрали несколько простеньких заданий. Антося справилась с ними без труда. А ты?

Ждем ответов до 15 декабря.
Удачи!

РЕБУСЪ БЕЗЪ КАРТИНЪ

, Хищная птица	„ Мужеское имя	Нарѣчіе мѣста
Лакомство	Личное мѣстоименіе	Дремучій лѣсъ
Предлогъ	Рѣка в Африкѣ	О

Найти слова въ каждой клѣткѣ и изъ словъ этихъ составить фамилію извѣстного русскаго поэта и названія двухъ его произведеній, помня, что знакъ' требуетъ отбросить букву въ началѣ или въ концѣ, а слово, написанное наоборотъ, читать тоже наоборотъ, т. е. первую букву его считать послѣдней и т. д.

МЕТАГРАММА

Съ буквой «и» я — сладкій плодъ.
Съ буквой «о» насъ всякъ найдетъ
Много, много здѣсь въ журналѣ,
Что же я? Чай, угадали?

ЗАДАЧА СЛОГОВЪ

№	
1	2
3	4

Поставить на мѣсто каждой цифры по одному слогу, чтобы при сложении 1 и 2 получилась изгородь, 3 и 4 — рѣка во Франціи, 3 и 1 — цвѣтокъ, 4 и 2 — смѣсь разныхъ сортовъ конфетъ, изъ одного 2 — дремучій лѣсъ, изъ 1 — предлогъ и изъ 4 — предлогъ.

ШАРАДА

Когда бываетъ намъ смѣшно,
Слогъ первый пригодится.
На двухъ слогахъ же прокатиться
Хочу по Волгѣ я давно,
Хотя на нихъ одни дрова
сплавляютъ,
А цѣлое худой постройкою бываетъ.

Борис СЛУЦКИЙ

Вася с Булей

Первый образ сошедших с круга:
камчадалы, два глупых друга,—
Вася Лихарев с Галкиным Булей.

Класс
то забормочет, как улей,
то от ужаса онемеет.
Класс контрольной только и дышит.

Вася с Булей контрольных не пишут.
Вася с Булей надежд не имеют.

Вася с Булей на задней парте
вне компаний, группок, партий
обсуждают с наглой улыбкой
тщетность наших поползновений.

Сами, сами на почве зыбкой:
Вася — дуб, и Буля не гений.
Оба, оба школы не кончат.
Буля — потому что не хочет.
Вася — потому что не может.

Эта мысль не томит, не гложет,
не страшит, не волнует, не мучит —
целый год уроков не учат!

До секунды время исчисля,
Вася ждет звонка терпеливо.

Бродят дивные пошлые мысли
вдоль по Булиной роже счастливой.
Чем он думает? Даже странно.
И о чем? Где его установки?
Путешествует, видимо, в страны,
где обедают без остановки.

Мы потом в институтах учились,
на симпозиумах встречались,
в санаториях южных лечились
и на аэролиниях мчались.

После вечера выпускного
через год, через два, через сорок
мы встречались снова и снова,
вспоминая о дружбах и ссорах.

Где же Вася?
Никто не слышал.
Словно в заднюю дверь он вышел.
Что же Буля?
Где колобродит?
Даже слухи давно не ходят.

Словно за угол завернули
Буля с Васей,
Вася с Булей.
На экзаменах провалились
и как будто бы — провалились.

Велосипед

Обгон.
Рванем?
А что ж, рванем.
Рванулся, как бек.
Рулю рулем,
юлю линем.
Наш бог — бег.

Свариваюсь со сваренной из трубок
машиной,
легкой, как крыло.
Ввязываюсь в серию сеч и рубок
с серией спин. Пошло, повело.

Руки вросли в рули.
Ноги — в педали.
Пошли
За далями дали.

Словно млечных путей молоко —
асфальт асфальтовых трасс.
Легко!
Нажмем еще раз.

Хорошо!
Передо мной
чьей-то рубахи парус,
и вот уже чувствую
уже спиной
обогнанную ярость.

Камнем в колодец лечу вперед,
пулей — по стволу дороги.
Наша берет!
Наши колеса
Наши ноги.
Что-то про себя реву.
Из майки выпрыгивает душа.
Все!
Рву
ленточку
фи
ни-
ша!

* * *

Хорошо никого не бояться.
Даже
в маске шута и паяца
Хоть весь век
проваляй дурака,—
жизнь без страха светла и легка.

В страхе что-то есть от краха,
ожидающего тебя,
и от праха,
засыпающего тебя.
В страхе нет ничего от духа,
оживляющего плоть,
и какая начнется скука,
если страха не побороть!

Рисунок Д. ГОНЧАРОВОЙ.

Пой, жаворонок

Звон
бубенца иль телефона,
неведомо, откуда он —
далекий звон.

Звук
необычный, небывалый,
не дело человечьих рук —
тончайший звук.

Мост
между небом и землею,
от преисподней и до звезд —
стеклянный мост.

Птах
жаворонок,— вот он, вот он
с прозрачной песней на устах —
удалый птах,

Вмиг
миры стянувший в крепкий узел
и распевающий для них,—
продлись на миг.

Пой,
жаворонок, над полями.
Тяни мотивы над тропой.
Немолчно пой.

* * *

Боевые слоны со времен Ганнибала —
трудовые, а не боевые слоны.
Кони тоже отчислены от войны,
и собак эта чаша уже миновала.

Из животных, которых Марс отобрал,
чтобы в войнах мужались они и терпели,
только свинки морские свой аврал
отработать ему до конца не успели.

Снова вздрагивает разнесчастная плоть,
изгибается многострадальная спинка.
Я презрением вас не хочу уколоть,
свинка!

Я ни разу взглянуть не решился в глаза
этим тварям бессмысленным и безымянным,
когда бедные мышцы хлестала лоза
смерти,
слабенький мозг одуряя дурманом.

Богоравные люди! Пристало ли вам
обижать беззащитных, бездарных, безмозглых.
На эстрадах судьбы, на высоких погостах
долго ль прыгать тупым и пустым головам?

Кандидаты наук и наук доктора,
бакалавры, магистры наук зарубежных,
отпустить морских свинок
давно вам пора,
распустить их по норам,
несчастных и бедных.

Про воробьев

Воробьи не влетают в форточку.
Вот они присели на корточки
на снегу. Им тяжело.
Но они не летят в тепло.

Эта птица, что так измучена,
почему-то мало изучена.
Но известно одно: не летят
к людям, в дом, в тепло — не хотят.

Псы приручены, скот использован:
подобрались каким-то способом.
Даже гордый, как лебедь, верблюд
на горбах перевозит люд.

Все нас кормят, и все нам лают.
Лишь одни воробьи не желают.
Крошки склюнут и сразу прочь
улетают в холод и ночь.

Публикация Юрия Болдырева.

ПОСЛУШАЙТЕ

В первом выпуске нашего «Агентства» был опубликован материал о верующем мальчике, которого не хотели принимать в пионеры. Редакция получила много откликов читателей на это письмо. Вот некоторые из них:

«У каждого человека может и должна быть своя вера. Сейчас, к счастью, не рушат церкви, не губят таким образом души людей. Не понимаю, почему мальчик должен быть обязательно атеистом? Если он верит, значит, ему помогает разобраться в жизни не пионерская организация, а церковь».

И. М.

«Почему мальчика, о котором вы написали, не приняли в пионеры? Почему он позорит честь школы, класса? Я сам ношу крестик и так же, как этот мальчик, верю в Бога, и никто из моих товарищей мне на это не пеняет. Я бы хотел узнать, в кого верят Игорь и его одноклассники? Ведь когда человек умирает, он, наверное, думает не о пионерской организации и не о комсомоле, он думает о Боге или о Матери».

Артур Андреян,
Кемеровская обл.

«Борьба с религией! Разрушили десятки храмов, церквей; разорили, нажились на этом. Казнили священников. Между прочим, Божьи заповеди «не убий», «не укради» удерживали многих от грехов. Я верю в Бога и считаю, что кто хочет, может верить!»

Катя, г. Ленинград.

«Почему вы хотите, чтобы мальчик непременно вырос атеистом? Кому вредны «нравственные проповеди», которые мы слушаем по ТВ каждое воскресенье? Можно верить не в Бога как такового, который сидит где-то, на «тверди небесной»,— Бога надо иметь в душе!

Я не отвергаю пионерскую организацию. Мне кажется, эти несовместимые на первый взгляд вещи вполне могут ужиться. Если бы пионеры занимались более серьезными и нужными делами, чем торжественные линейки».

О. В., г. Саратов.

А это письмо «Факт» решило выделить. Есть повод для разговора.

Во что верить?

«Всю свою сознательную жизнь я жила верой. Сначала в хорошие сказки, потом в добрых волшебников, в людей, которые «собственные интересы ставят ниже общественных», в комсомол, партию, в любовь, наконец. А сейчас?

Для меня этот вопрос не пустые слова. Кругом только и слышишь: это плохо, то был обман. Раньше я знала, что если и есть зло, то добро обязательно победит его. Хорошие люди есть, их много. А потом я убедилась: злых людей больше. В нашей школе все отношения строились на лжи, подхалимстве, наше «гуманное» общество не могло бы придумать учреждения более жестокого, чем школа. И я перестала верить в сказки. Я горела пионерскими сборами, всей душой болела за свой класс, но и это прошло, когда я поняла, что все эти дела никому, кроме меня, не интересны.

Потом появились новые идеалы: перестройка, гласность, демократия... Я читала от корки до корки газеты, искренне радовалась переменам, происходящим в нашей стране.

Но прошло и это. Я устала от вашей болтовни, товарищи журналисты!

Скоро я выйду из пионерского возраста. А в комсомол вступать не хочу и не буду. Зачем?

Помоги, «Пионер»!

Хотя чем ты можешь мне помочь? Ты скорее всего выбросишь мое письмо, ведь куда приятнее писать о хороших девочках и мальчиках, так спокойнее».

Наташа, г. Воронеж.

От «Пионер»ского Агентства «Факт»

Наташа не надеялась, что мы ее письмо опубликуем.

Ребята, а, правда, во что же верить? В коммунизм, а может быть, в Бога? Или же наша вера где-то посредине?

«Факт» не бросает эту сложнейшую тему. Мы ждем ваших писем.

Адрес: озеро Ладожское, остров Валаам. Называют его кто диковиной, кто жемчужиной земли русской. Рассказывая о нем, мы продолжаем путешествие «Пионера» по самым интересным местам на нашей карте.

Евгений КРЫЛОВ

Диковинка земли русской

(Письма с Валаама)

Зеленый, почти изумрудный, берег медленно возносится над гладью Ладожского озера и растет на глазах. Белый пароход плавно надвигает на вас скалистую махину. Но вот уютно распахивается бухта, подставляет плечо причал: «Выходи!»

Ненароком заглянешь в глаза тех, кто сходит на берег. Ребят — особенно. Ревниво слежу я: поймут ли, что увидят? Не удивления жду я, скорее — смятения. Все ни на что не похоже, кажется: нет, не бывает такого...

Хорошо, конечно, везде побывать. Но только помните, что говорил Лис Маленькому принцу? «Вот мой секрет,— сказал Лис,— он очень прост: зорко одно лишь сердце. Самого главного глазами не увидишь». «Самого главного глазами не увидишь»,— повторил Маленький принц, чтобы лучше запомнить.

Я согласен с Лисом. Но думаю, что для разглядывания главного хорошо бы иногда подключать еще разум и душу. Поэтому и решил я написать вам три письма: от сердца, от разума и от души.

Письмо 1. От сердца. О ЯБЛОКЕ

Вообще-то с Валаамом у меня связан вкус яблок. Их иногда привозили с острова на большом катере в наш северный город. Плотные, свежие, с подрумяненными боками яблоки. Они были сочные, с какой-то пронзительной кислинкой — может, и не всякому по вкусу.

Валаамские яблоки! Для нас, мальчишек, это был знак «того самого» острова. Какая-то тайна бытия пряталась от нас совсем недалеко, на клочке земли в Ладоге, за дымкой у окоема. И загадочная земля манила своей близостью.

Года три назад смотритель Спасо-Преображенского собора на Валааме Василий Павлович подъезжает ко мне на инвалидной коляске, приветливо кивает:

— Так это ты в лодочке на Валаам пришел? Тогда еще, в пятидесятых? Помню, помню. Двух пацанов все отлавливали, хотели обратно на пароходе отправить. Отчаянные ребята. А ну как шторм? Сорок километров никак. Смелость, бывает, что глупость... Все равно молодцы! Значит, говоришь, повидал Валаам? А в собор-то заходил тогда? Много чего еще тут на месте было...

В памяти разом вспыхнуло: резные двери собора распахнуты. Жара летнего дня стелется по паперти, не решаясь проскользнуть в храм. А там прохладно, высоко, гулко. Я задираю голову под купол. Какие-то мальчишки с крылышками словно зовут меня с собой, а бородатые благообразные старцы смотрят со стен молча и пристально — спросить что-то хотят или рассказать? Глаза спокойны, внимательны. Из трещинок, завитков усохшей краски, с осыпающихся стен они смотрят на меня. Оттуда — из прошлого. Я смотрю на них. Туда — в былое.

— Иконостас-то видал? Еще цел был тогда,— возвращает меня на землю Василий Павлович, чуть покачиваясь вперед-назад вместе со своей коляской.— Потом порастащили. Кое-что и на лучину извели... Яблочко-то хочешь? Валаамское.

Я поднес яблоко к губам. Надкусить не решился, словно боялся, что оно не будет уже таким, как в детстве. И еще я не хотел вспоминать то давнее-давнее лето.

Наша лодчонка приближалась к сказочным островам. Храмы, сады, невиданные деревья. На когда-то голом — одни скалы — острове. И вдруг на берегу люди; подпрыгивают, машут руками. Безрукие, безногие, слепые, кривые. Что это? Почему все рядом, все вместе? И сказочный берег, и монахи, и люди, заброшенные судьбой на забытую землю, и мы, мальчишки, со своей лучезарной мечтой повидать остров. И вечная тишина кругом, и гортанные крики калек и чаек. Почему все смешалось? Зачем?

Да, здесь был еще и инвалидный дом: коротали дни калеки, и многие — после славной Великой Отечественной. Те, у кого никого-никого не осталось из близких.

И валаамские сады... Некоторым из них сто сорок лет. Да, был здесь русский православный мужской монастырь. После революции на двадцать с лишним лет остров стал финским. А после финской военной кампании (войны, одним словом) опять стал советским. «Крах оплота мракобесия!» — сообщили тогда газеты, и о Валааме слегка подзабыли — лет этак на сорок. Крах так крах — значит, все кругом «не наше». Земля, сады — «не наши». А храмы, скиты и кладбища — те и вовсе «не наши». Красота земли — и то, похоже, представлялась как «тяжелое наследие». Но разве у яблони, к примеру, есть монашеское звание? Разве бывает «буржуазная» трава, как об этом поговаривали в тридцатые годы?

Вот так и пребывал Валаам в забвении. Почти все пути-маршруты скользили мимо него. Как забытая люлька покачивался он на ладожской волне и хлеба, как говорится, до поры до времени не просил.

Но задул ветер перемен. Пришло время всмотреться в эти и прочие «провинциальные диковинки». Из них, удивительных, и складывается Россия.

Получалась картинка из немого кино. Стоят какие-то старые здания. По разъезженным дорогам бродят лошади и собаки. Трепещет листва умирающих, но еще могучих деревьев. Сады роняют перезрелые плоды. В прудах и озерах все еще ловится рыба. На скамьях и завалинках молча сидят люди. Кто-то еще ходит, что-то латает: крышу ли прохудившуюся, забор ли покосившийся. Иные размахивают руками друг перед другом — видимо, спорят.

Как живой музей, не правда ли?

— У вас, говорят, здесь инвалиды жили? Был инвалидный дом? — спрашивают их.— А монахи есть?

— Было. Полно было,— ответят вам.— И хромые, и слепые — всякие были. Их с берега сослали, чтобы не мешались там. До сих пор в старых кельях все стонут, стонут по ночам. За стенкой где-то. Давно их уж вывезли, семь лет как, а все ворочается, ворочается кто-то. А на Игуменском кладбище белый монах в темень разгуливает. У скита Всех святых тоже. Зимой его следы на снегу видали. А тень-то его в сумерках — шмыг в церкву. Вот уж страху-то! Не ходили бы вы одни по острову-то...

Потешаются этак над заезжим людом...

Видели: сиреневые костры заполонили дворы. Просто какой-то взрыв сиреневый получился в стенах монастыря. А на скамеечках так привычно, по-городскому, сидят местные старушки. Оживлены: ныркают глазами, цокают губами. Мимо них пестрой толпой туристы проплывают: наши, иностранные. Валаамские пацаны, что помладше, крутятся меж ними — вдруг что-нибудь и перепадет от гостей.

Поодаль, в дубовой рощице, проходят два монаха в черных длинных ризах. Первый десант от духовенства. Старые штрихи в новом быте Валаама. Остров нелегким шагом возвращается в свою изначальную ипостась — в монастырскую сущность, значит.

А пока пестрота на Валааме. Заметили? Пестрота в одежде, во взорах. Пестрота в разговорах и даже мыслях. Одно слово — смятение.

...Однажды, когда осень совсем уж упала на Валаам, я зашел в один из старых садов, что повыше пристани. Поднял с земли упавшее яблоко. Горьковатое, недозрелое. Не здесь ли росли яблоки моего детства? Неужели одичала яблоня? Погибает?

Нет, не должен заснуть Валаам. Его растолкают после полувековой спячки. И когда-нибудь я опять попробую настоящее валаамское яблоко. Сочное, с резковатой северной кислинкой.

Письмо 2. От разума. О КАМЕННОМ ИДОЛЕ

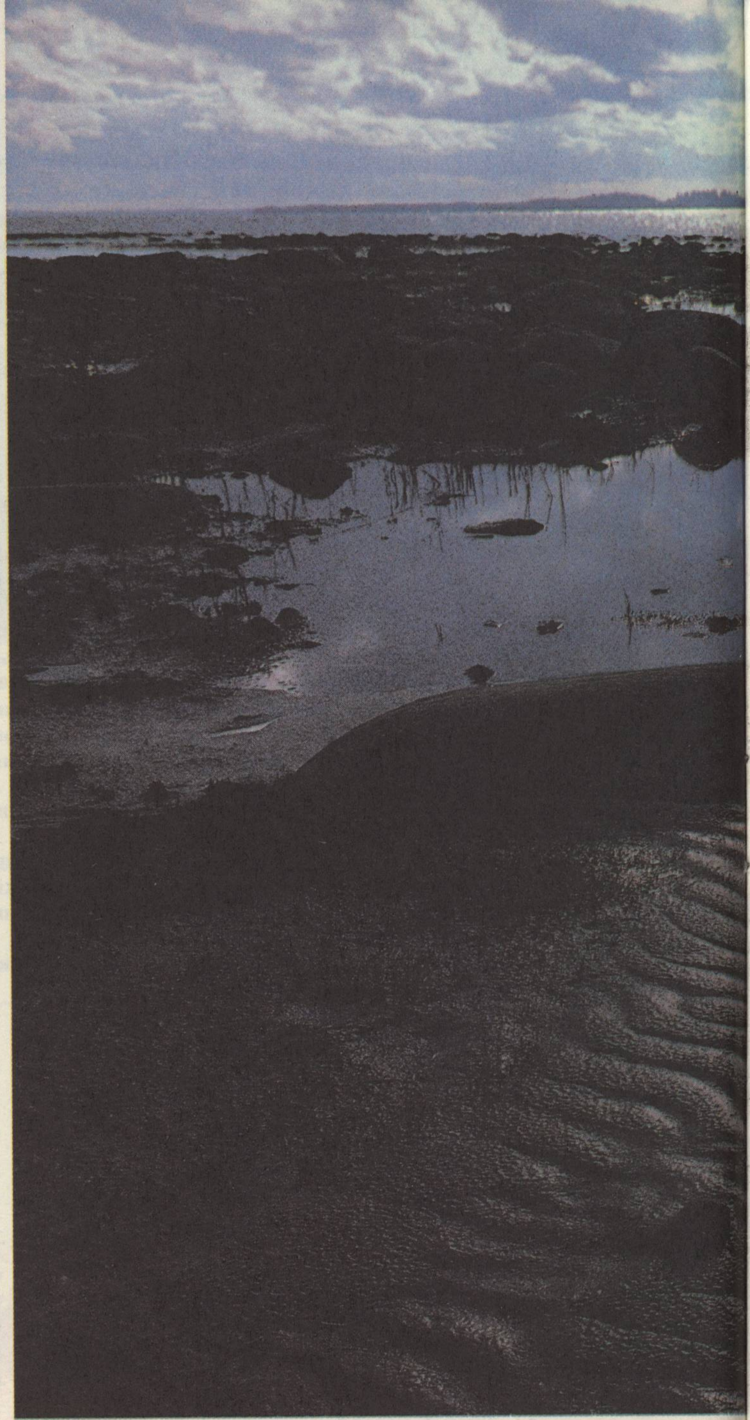
Впрочем, об идоле потом. А пока...

Для начала заглянем в газету прошлого века:

«Шесть месяцев здесь суровая зима. Ветер, разгулявшись по обширным льдам Ладоги, свистит и гудит с ужасною силою в темные окна келий, и серенькое утро, едва сменив ночь, снова сменяется темнотою. В половине третьего часа ночи раздается звон колокола. Монахи сходятся в церковь посреди глубокой ночи. Один фонарь только горит посреди двора...»

Заканчивается корреспонденция так: «...В десять монастырь утих, только звонарь зорко следит за часами и звонит их число».

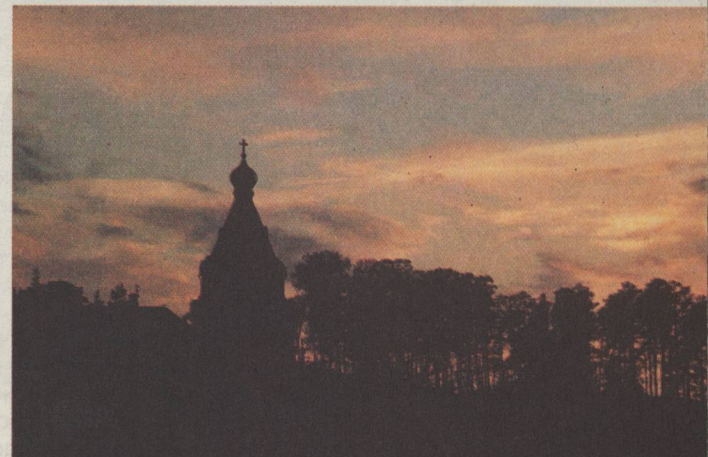
В «десять» — это уже вечером. Так и молились

с ночи до ночи? Тогда откуда такое хозяйство? Как умудрились при «шести месяцах зимы» на этих скалах вырастить райские сады, уютные парки, диковинные аллеи?

Переместимся на сто лет назад.

Куда пойдем? На смолокуренный завод или кожевенный, что по дороге на Никольский скит? Или хотите здесь, у собора, осмотреться? Вот там, во внешнем четырехугольнике вокруг храма, размещены мастерские: иконописная, резная, сапожная, переплетная, ну, и прочие. Там и хлебопекарня, фотография, «рухлядная», библиотека, канцелярия. А может быть, к Водопроводному дому пройдем? Там «механическое сердце» монастыря — паровая машина. Она насосами подымает воду из Монастырской бухты на 25-метровую высоту и расталкивает по трубам-жилам по всем «отсекам». Она крутит через привод станки многочисленных мастерских, мелет зерно, пилит доски.

«На Валааме вы можете встретить любое ремесло,— сообщает нам очевидец тех времен писатель Иван Шмелев.— Здесь есть портные, токари, столяры, маляры, кровельщики, резчики по дереву и металлу, медники... Здесь работают несколько заводов. Валаам — точно маленький промышленный городок, убежавший от мира...»

Почему люди так упорно возвращались на суровый скалистый остров? «Не раз меч шведа посекал главы святых отшельников,— сообщают летописи,— и пламень войны обращал в пепел мирные кущи...» Но снова и снова возжен был «светильник монашества на святых горах». Люди с поразительным упорством возвращались на свои пепелища.

В один из моих приездов мне очень повезло: удалось «нырнуть» в историю, пообщаться с каменным идолом древних язычников.

Археологи делали раскоп у Монетных ворот монастыря. Века лежали разноцветными пластами. На срезе можно прикоснуться поочередно к веку семнадцатому, шестнадцатому, пятнадцатому...

Пласты раскопа рассказывают о валаамских взлетах и падениях, о годах благоденствия и запустения.

И всегда люди скептически посматривали на такое единение с природой и жизнью: гордыня и самомнение!

Прогнали мы сами потом монахов — остались здания, часть библиотеки, хозяйственная утварь, иконы. Остались сады и редкостные деревья. Осталась возделанная земля. А как создавали ее!

На голые скалы, на лысые луды бросали мелкие камешки, сверху настилали хворост, лесной перегной, солому и присыпали все это щебнем и золой с добавками извести. Получившуюся «подушку» покрывали слоем земли от полуметра до двух метров. Привозили ее с материка лодками, баржами, а нередко и прихожане в мешочках. В особых случаях такой участок обкладывали с торцов диабазовыми плитами, которые, нагреваясь на солнце, долго держали тепло для корней растений.

На таких землях выращивали невиданные для Севера урожаи овощей, фруктов, ягод.

Вот что может сделать на этой земле человек, одухотворенный единой верой! Не обязательно же верить только в Бога — есть вера в себя, в свои силы, в дедовские заветы и навыки, которыми наделили нас.

— Почему мы не хотим воспользоваться тем, что люди делали более ста лет? И делали хорошо! — спросил меня как-то председатель поселкового Совета Анатолий Михайлович Свинцов.

— Просто мы забыли предостережение предков: не разрушай Храм, если не можешь поставить новый,— ответил я и думал, что ведь совсем недавно, каких-нибудь двадцать—тридцать лет назад, остров мог сам себя прокормить. И даже на материк отсылал излишки продуктов этот «рассадник мракобесия». А если заглянуть в века? Кто расселял грамоту, кто переписывал книги? Кто вводил новые системы хозяйствования и выводил новые сорта плодов?

Кому-то выгодно было бросить тень огульно на все монастыри и под этой тенью справно жить и ловко прикрывать свою хозяйственную беспомощность. Вот и на Валааме один из директоров дома инвалидов вещал: «Моя бы воля, весь остров крапивой засадил бы. Сколько уж я церквей перерушил! А вы что! По-монашески жить нас учите?» Невдомек было, что Жизнь богаче его «глубокомысленных», самонадеянных представлений.

Вот так стоял я у археологического раскопа, смотрел на вековые пласты и чуть не забыл, что музейный историк Олег Яровой пригласил меня взглянуть на каменного идола, обнаруженного где-то на краю архипелага.

Когда мы заглушили лодочный мотор, на нас обрушилась тишина.

Перед нами на скалистом утесе стоял каменный идол языческих племен.

Долго молчали мы. Долго молчал двухметровый идол. Сколько же веков люди стремились оживить голый каменный остров?

Письмо 3. От души. О НАС

Каменный идол. Земные пласты. Дно Ладоги. Это все, конечно, поддается разуму. Монастырское хозяйство можно умом постичь, понять, как собирались такие богатые урожаи на скалах. Даже арбуз при желании можно вырастить.

Но как понять людей? Ни грамоты особой, ни навыков зодческих, а вот ведь создали Валаам. Кто помог им, кто надоумил? Десятки лет провели отшельниками в одиночестве. Как услышали, как почуяли лад? Умом не постичь. А душой?

...Денис Макаров, школьник из Ленинграда, приехал на Валаам навестить своего отца — реставратора по иконам. Я так и подумал — отдохнуть приехал, рыбку половить. Но однажды... Денис показал мне свой дневник валаамских наблюдений. Я сразу обратил внимание на почерк. Не по-ученически аккуратный, с буквами, наклоненными в обратную сторону. Упрямый парнишка, подумал я. Оказалось, что я был не совсем прав. Денис не упрямый. Одержимый, что ли. Хотя слово для мальчишки чересчур громкое. Денис выдал предложения, которые, по его мнению, могли бы спасти Валаам. Конкретные дела предлагал. К этой «программе действий» Денис сделал небольшую приписочку.

«Валаам — удивительное место! — пишет Денис.— Здесь с необыкновенной силой сконцентрировано все, что воздействует на самое главное в человеке,— на его духовность. Тонкая, высокая красота природы, в которой — совершенство, мудрость и гармония всего Космоса. Здесь и красота устремлений

человека, желавшего постичь все это и оставившего следы этого постижения. К сожалению, человек может очень быстро уничтожить эти следы. Что же останется тогда? И куда приведет нас путь, направленный почему-то в обратную сторону?»

Я прочитал это и немножко успокоился. Похоже, для Дениса, как и для меня в детстве, остров стал точкой отсчета, опорой для собственного миропонимания. Если бы всем так...

Вот любят говорить о гармонии мира. Все — от букашки до человека, от хилой былинки до роскошного дуба — участвуют в создании этой гармонии. Вернее даже — сосуществуют, не нарушая ее. Почуять гармонию, не затронуть единого лада Вселенной, соотнести свои деяния с движением мира. Не в этом ли и заключается миссия человека на Земле?

Денис Макаров, похоже, почуял этот лад. Бродит по Валааму, уходит на лодке по внутренним заливчикам, проливчикам, каналам. Смотрит, впитывает в себя эту гармонию, сотворенную за века Природой и Человеком. А на Валааме именно так: уже не отличить, где сама природа, а где деяния рук человеческих. Редкий пример единения. «Природа и человек тут «смягчали друг друга» — как заметил академик Лихачев.

А вы, ребята, увидели, как нежные сады укротили суровость скал на склоне у монастыря? Как дубовые аллеи смягчают дикость лесов у Коневских озер? Как несколько искусно посаженных деревьев на берегу усмиряют огромное пространство без горизонта и делают его уютным, каким-то домашним, прирученным? И уже не холодом, а теплом веет от него.

У поэта Федора Тютчева стихи есть об этом:

...Природа:
Не слепок, не бездушный лик —
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...

Не зря остров в свое время называли «натурным классом» Петербургской Академии художеств. Сотни художников заманил Валаам — Шишкин, Васильев, Куинджи, Рерих.

Как оазис в холодном море. Словно привела судьба человека на этот берег и сказала: «Вот тебе первозданность бытия».

Сейчас мы все живем как бы не только на своем клочке земли, а словно бы во всем мире. Ветер перемен заставил нас жить не только в своем веке, а во всех столетиях сразу. Все сравнивают, сталкивают между собой прошлое и настоящее. Им хочется оглянуться назад, чтобы по вехам истории, как по ориентирам, обозначить предстоящий путь.

А на Валааме все виднее, не правда ли? Все-таки пятачок нашей земли. Все рядом. А на самом деле — отражение целого мира.

Фотографии В. ГРИЦЮКА.

НОВИНКА

Ау, юные коллекционеры!

Чего только не собирают взрослые люди?! Марки, календарики, открытки, фантики от конфет и шоколада плюс мотоциклы, мотороллеры, мопеды и автомобили выпуска до 1950 года. Да еще в придачу обменивают и покупают зубную пасту (только в коробках).

Коллекционируют этикетки и вкладыши от жевательной резинки, коробки. Меняются различными видами решеток для ограждений, аквариумными рыбами. Не говоря уже о бабочках, жуках, старинных ключах, скрепках для бумаги различных конструкций...

А помогает им в этих вопросах обмена **Информационный Банк Коллекционеров (ИБК) СССР.**

Любой школьник от 7 до 14 лет может написать в ИБК: что он собирает, ищет, какая у него коллекция, какие интересные находки. Редколлегия ИБК готовит к изданию «Адресную иллюстрационную книгу юного коллекционера СССР», каждый раздел которой будет предваряться статьей о том или ином увлечении: рыбках, фантиках или же о школьных анекдотах, записках учителей, адресованных родителям их учеников, стиральных резинках. Все желающие юные коллекционеры могут написать в ИБК (обязательно на почтовых открытках), сообщив:

1. фамилию, имя, отчество;
2. возраст;
3. вид коллекционирования;
4. домашний адрес;
5. текст своего объявления (не больше тридцати слов).

У «Адресной книги юного коллекционера» есть перспектива: предполагается, что она вольется в советско-американское предприятие «Хобби—Детство-92».

Пишите в ИБК по адресу: 103104, Москва, Б. Бронная, 6, ИБК — «Юный коллекционер».

Информацию дал председатель редколлегии ИБК Николай Каланов.

ХОЧУ ПОНЯТЬ

Кто охраняет природу?

«У нас в учебнике биологии говорится об охране природы: «Более эффективно эти задачи решаются в СССР и других социалистических странах, где на защите природы стоит государство». Так в книге, а на самом деле...

Рядом с нашим селом стоит завод, из которого все отходы сбрасываются в речку. Невозможно стало купаться, на дне полно грязи. Рыба исчезает, уже и в лес стали сбрасывать мусор...

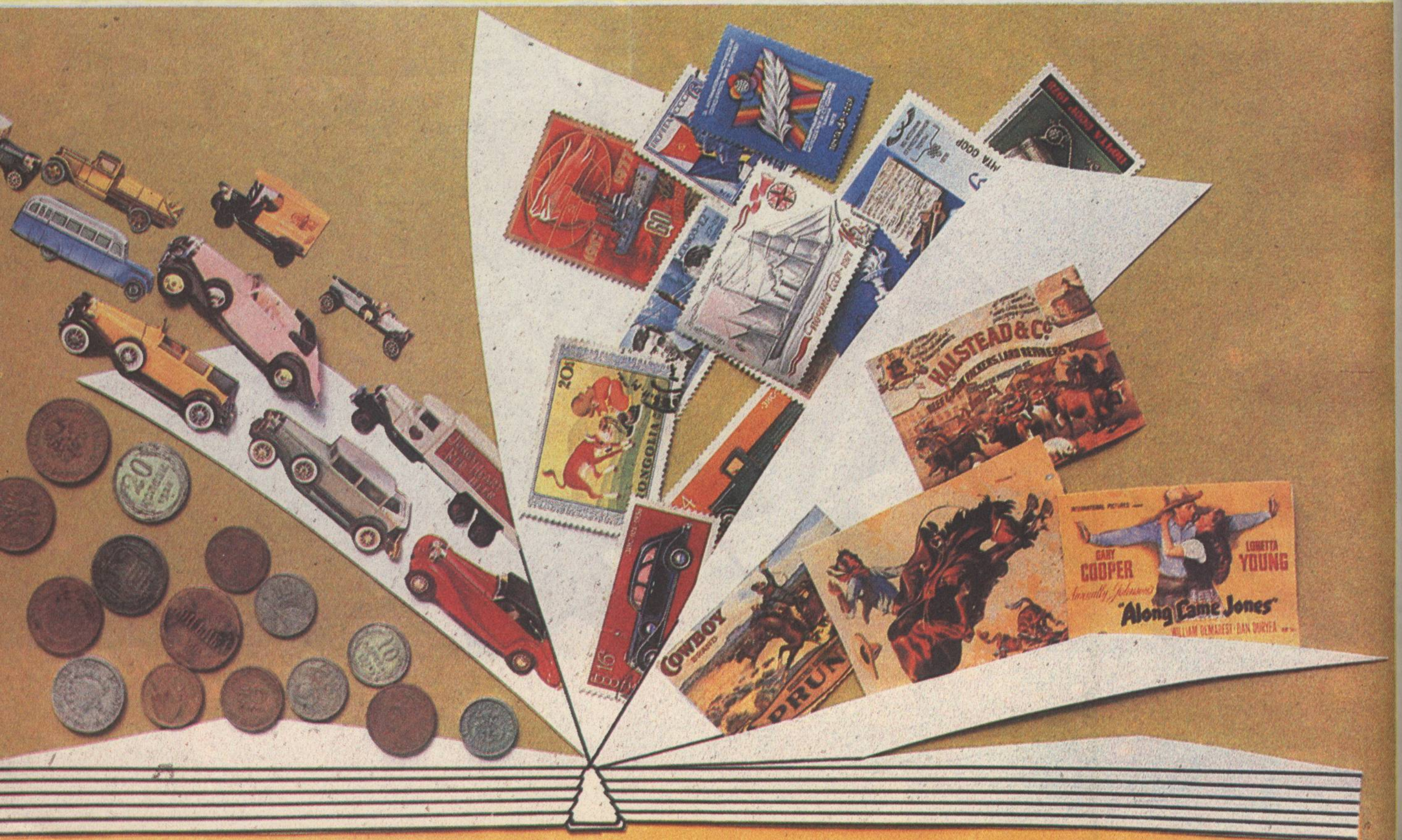
Так что же, в учебнике враки?»

Светлана Лучиникова, г. Киев.

На этот ехидный вопрос нам отвечает **заместитель начальника Главного учебно-методического управления общего и среднего образования Госкомитета СССР по народному образованию Маргарита Романовна ЛЕОНТЬЕВА.**

— Учебники по общему курсу биологии за 6—11-е классы были написаны 20 лет назад. Когда во всех книгах и газетах, со всех трибун идеализировалось наше общество. Сейчас мы не можем исправить учебник, Всесоюзное агентство по авторским правам запрещает кому-либо, кроме создателей учебников, вносить в них что-то новое. А авторы... Кто стар, кого уж нет в живых. Надо создавать новые учебники, объективно рассказывающие о нашей стране. Но пока-то они появятся... А школу нельзя оставлять сейчас без книг. Так что в ближайшее время придется заниматься по старым.

Другое дело, что школьники не должны долбить учебник, не должны учить его наизусть. Нужно иметь собственную голову, смотреть по сторонам. Лично я предполагаю обсуждение материалов учебника на уроке. Это пойдет на пользу и ребятам, и учителю.

Коллаж И. КЛИМОВА.

Владимир МАЛОВ

ДВЕНАДЦАТЬ МЕСТ В МАШИНЕ ВРЕМЕНИ

Рисунки К. БАТАШЕВОЙ.

Повесть о необыкновенных событиях и о необыкновенной дружбе в самые обычные времена: восьмидесятые годы двадцатого века и шестидесятые годы двадцать третьего века.

Несколько вступительных слов

Вероятно, некоторые из читателей уже знают о том, при каких необыкновенных обстоятельствах начиналась необыкновенная дружба, о которой идет речь: об этом рассказывалось в повести «Зачет по натуральной истории», опубликованной в 3 и 4-м номерах «Пионера» за 1989 год. Но тем, кому имена Кости Костикова, Петра Трофименко, Бренка и Златко, а также Лаэрта Анатольевича и некоторых других людей пока неизвестны, надо кое-что объяснить.

Костя и Петя — наши современники; они живут в Москве и учатся в школе № 1441. Бренк и Златко тоже школьники, но живут тремя веками позже. Познакомились они так: Бренка и Златко послали в наше время, чтобы они подготовились к зачету по натуральной истории — сняли фильм об учебе и быте школьников двадцатого века.

Однако не все благополучно проходило во время съемок этого фильма. Сначала разладилась стабильность хроноперенoса, а Бренк и Златко даже не заметили отклонения. Потом — еще хуже — исчез эффект кажущегося неприсутствия, и ребята из будущего попросту стали видимыми. Наконец, в довершение всех бед вышел из строя блок аварийного возвращения...

Надо сказать, что вот это как раз совсем не надо считать чем-то необычным, исключительным. Детали, конструкции, устройства, как все мы знаем, обязательно выходят из строя именно в самый неподходящий момент, и век их изготовления не имеет никакого значения. Однако ситуация сложилась не из приятных, общение представителей двух разных эпох, как понимает каждый, грозило поворотом в ходе истории с совершенно непредсказуемыми последствиями. Вот и пришлось шестиклассникам Косте Костикову и Петру Трофименко прятать своих новообретенных друзей из будущего до тех пор, пока не сработали страховочные каналы хроноперeброса; и хорошо еще, что у Петра оказалась все понимающая и ничему не удивляющаяся бабушка, которая вдобавок была не кем-нибудь, а доктором педагогических наук!

Тайна, видимо, так и осталась бы тайной, однако о появлении ребят из будущего узнал все-таки молодой преподаватель физики Лаэрт Анатольевич, человек, одержимый изобретательством. Вскоре об этом был осведомлен и весь педагогический коллектив школы № 1441. После бурных споров на экстренном педсовете было решено: для школы великая честь, что именно ее снимают, чтобы показать в XXIII веке, а раз так, пусть пришельцы из будущего продолжают работу, правда, чтобы сохранить тайну для всех остальных, под видом иностранных корреспондентов.

Однако, чтобы не ударить в грязь лицом перед будущим, педагоги предприняли кое-какие меры: обычная, ничем не блещущая школа усилилась отличниками, собранными со всех концов Москвы, и даже здание школы успели перекрасить, правда, только со стороны фасада, в торжественный розовый цвет.

Но едва только успел обнаружиться подвох (Бренк и Златко, люди будущего, были невероятно поражены: зачем нужно показывать не то, что есть на самом деле, а стараться выглядеть лучше), как сработали наконец каналы страховочной переброски, и ребята из будущего мгновенно перенеслись в свой родной XXIII век.

И здесь необыкновенная дружба должна была бы вроде закончиться — никогда больше не вернутся в наше время Бренк и Златко (по крайней мере видимыми), иначе и в самом деле произойдут непредсказуемые изменения в ходе истории. Косте Костикову и Петру Трофименко осталось только с грустью вспоминать своих друзей, отделенных от них тремя веками.

Но одержимый изобретательством Лаэрт Анатольевич, которому волей случая достался обрывок схемы маломерного хроноаппарата Бренка и Златко — устройства для перемещения во времени,— не терял надежды постичь принцип действия этого необыкновенного прибора.

Костя и Петя окончили шестой класс, быстро пролетели каникулы, ребята стали семиклассниками, и вот в один из сентябрьских дней...

1. В класс приходит диплодок

Вера Владимировна, учительница истории, постучала указкой по столу, требуя внимания, и сказала:

— Князь Ярослав Мудрый очень любил чтение и часто читал книги. В этом смысле он мог бы служить примером некоторым учащимся нашего класса.

Она хотела было в воспитательных целях сначала немного поговорить об общей культуре, о громадной пользе чтения и о том, как обкрадывает себя тот, кто предпочитает книгам телевизор или

видеомагнитофон, но поскольку прежде всего была историком и вдобавок историком по призванию, то тут же увлеклась основным материалом.

— Правление Ярослава Мудрого — это прекраснейшая страница в истории Древней Руси,— начала она воодушевленно.— Представьте, ему удалось наконец разбить печенегов, которые до этого то и дело совершали набеги на русские земли. Он устраивал школы при монастырях, и дети могли учиться. По приказу Ярослава в Киеве были построены прекраснейшие здания — Софийский собор, новые городские стены, знаменитые Золотые Ворота. Он собрал в Киеве замечательных художников и архитекторов. Именно в княжение Ярослава стали складываться своеобразная русская живопись и архитектура. Правда,— она немного подумала,— по большому счету поначалу в ней явно прослеживается византийское влияние, и все же...

Учительница взяла со стола какой-то свиток, развернула его, и он превратился в большой красочный плакат.

— Вот как выглядит знаменитый Софийский собор,— сказала Вера Владимировна.— И хотя качество печати здесь просто изумительное, потому что плакат печатался в Лейпциге, в действительности же выдающееся произведение древнерусского зодчества, конечно, несравненно прекраснее, чем на любом изображении, и производит на каждого неизгладимое впечатление. Кто-нибудь из вас, ребята, был в Киеве? Кто-нибудь видел этот каменный шедевр своими глазами?

Долговязая отличница Марина Букина густо покраснела, словно ее уличили в том, что она не выучила урок, и медленно покрутила головой. Многие потупились, испытывая чувство жгучего стыда. Молодую учительницу истории все в седьмом «А» очень любили, и всем сейчас было ее очень жаль, потому что, раз никто из ее учеников не видел Софию Киевскую своими глазами, она должна была огорчиться чуть ли не до слез. Но тут же по классу пронесся вздох облегчения — с последнего стола донеслись слова Петра Трофименко:

— Я видел! В последний раз родители уплывали работать в Африку из Одессы на теплоходе, и мы с бабушкой их провожали. Несколько часов были в Киеве, были и в Софийском соборе.

Вера Владимировна посмотрела на вихрастую, как всегда, голову Петра Трофименко с большим уважением.

— И какие же у тебя остались впечатления? — спросила она, с нетерпением ожидая ответа.

Петр поерзал на стуле, посмотрел на своего соседа Костю Костикова.

— Неизгладимые, конечно,— ответил он наконец.— И бабушка тоже так сказала. А папа, помню, тогда сказал, что в городе Бамако, это в стране Мали, он видел...

Но договорить он не успел: в коридоре раздался нечеловеческий крик. Плакат с Софийским собором выпал из рук Веры Владимировны. Ученики вскочили на ноги. Крик повторился. Потом дверь кабинета истории с треском распахнулась, и на пороге появился бородатый и всклокоченный человек с очень бледным лицом. В мгновение ока он

закрыл за собой дверь и изо всех сил уперся в нее плечом, словно боялся, что за ним войдет кто-то еще.

— Стол, стол придвиньте! — задыхаясь, крикнул он.— Сдвигайте все столы! Стройте баррикаду! Быстро!

— Лаэрт Анатольевич...— пролепетала Вера Владимировна.

Было видно, что учитель физики изнемогает. В класс ломился кто-то большой и сильный. В конце концов Лаэрт Анатольевич отлетел в сторону, и в распахнувшихся створках показалась голова, похожая на змеиную, но увеличенную в несколько раз, с двумя горящими голубыми глазами. У головы равномерно из стороны в сторону, как жернова, двигались челюсти, словно они перетирали какой-то твердый предмет. Мельком оглядев оцепеневший седьмой «А», голова, покачиваясь на длинной шее, которая стала вытягиваться из коридора, двинулась над столами вслед за пятившимся по проходу смертельно бледным Лаэртом Анатольевичем.

Вера Владимировна без сил опустилась на стул; кажется, она была в глубоком обмороке. Девчонки подняли отчаянный визг. Увлекающаяся биологией отличница Букина, у которой были очень крепкие нервы, машинально определила:

— Да ведь это же диплодок, ящеротазовый динозавр. Но он ведь вымер еще в юрском периоде... так откуда же... почему...

— Боже мой, боже мой! — выкрикнул учитель физики.— Неужели он способен меня съесть? Но за что, за что?

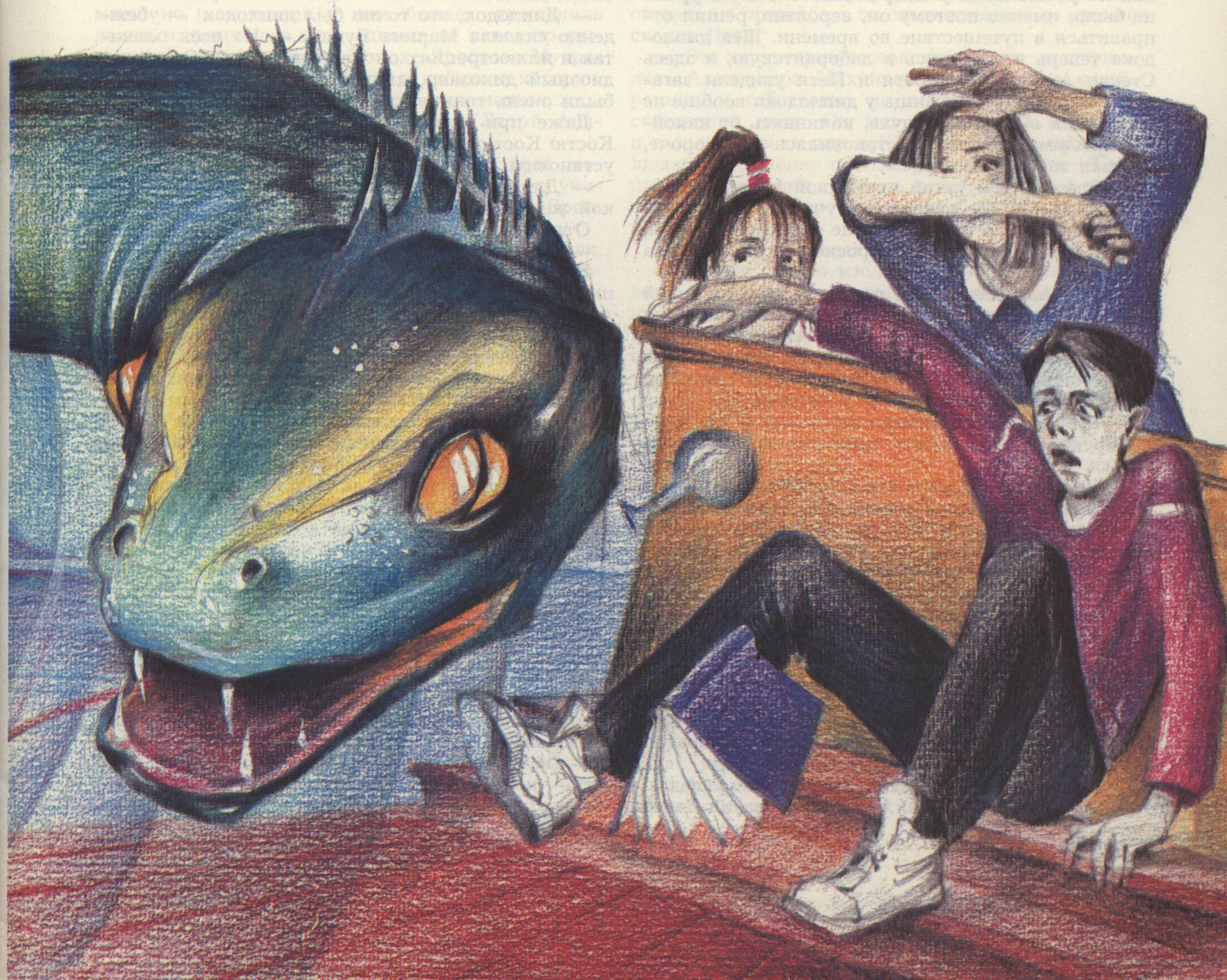
— Диплодоки были травоядными,— машинально ответила Марина.

Пятясь, Лаэрт Анатольевич наткнулся на стол, за которым сидели Петр Трофименко и Костя Костиков. Дальше отступать было уже некуда. Учитель закрыл глаза и, по-видимому, приготовился к худшему. Голова диплодока, задумчиво двигающая челюстями, была уже в двух шагах от него. Шея, на которой она сидела, протянулась через весь класс, но туловища еще и не было видно.

Однако в этот момент вновь, как и во многих критических ситуациях, ярко блеснули отвага и твердость духа Петра Трофименко. Пусть он ничего еще не понимал в том, что происходит, но действовать надо было немедленно, и он схватил учебник и замахнулся на диплодока.

— Эй,— крикнул он во весь голос,— топай отсюда, пока из тебя котлет не сделали!

Диплодок растерянно моргнул маленькими глазками. Челюсти его, вероятно, от удивления, остановились. Чтобы не терять инициативы, Петр бросил учебник и взялся за более тяжелый и увесистый портфель. Диплодок с явной опаской взглянул на портфель, и шея чудовища, извиваясь, стала медленно исчезать в дверях, унося с собой голову. Петр перепрыгнул через стол и смело двинулся на диплодока. Костя Костиков, тоже еще ничего не понимая и даже не успев испугаться, вдруг подумал: так ведут себя, вероятно, мужественные испанские тореро. Голова чудовища уже скрылась в дверях, Петр выскочил за ней в коридор. Костя, воодушевленный примером то-

варища, тоже схватил, как оружие, портфель и выскочил следом. За ним, пошатываясь, из класса выбрался бледный учитель физики. Петр наступал на диплодока. Но в этот момент на поле сражения появился еще один мужественный человек.

— Это еще что такое! — загремел грозный голос директора школы Степана Алексеевича Бегункова.— И опять, конечно, ЧП не где-нибудь, а в физическом кабинете! Ну сколько же можно!

— Степан Алексеевич,— пробормотал, побледнев еще больше, Лаэрт Анатольевич,— он ведь... это ведь...

Напротив кабинета истории был кабинет физики, и шея встревоженного диплодока в самом деле постепенно втягивалась туда. Лаэрт Анатольевич прижал руки к груди.

— Степан Алексеевич,— вымолвил он дрожащим голосом,— это ведь не я, это он сам... Он ведь из прошлого... Я машину времени все-таки построил... Весь отпуск на это ушел, ночами не спал...

— А ну! — голосом заправского укротителя крикнул директор.— На место! В вольер! — И, словно бичом, Степан Алексеевич с силой хлопнул себя рукой по бедру.

Голова диплодока вздрогнула, и шея потянулась в глубь кабинета физики еще быстрее. Степан Алексеевич наступал на пришельца из прошлого, как укротитель на арене цирка. «Боже мой,— подумал Костя Костиков,— сколько же метров в этой шее?»

Вслед за чудовищем директор отважно вступил в кабинет физики. Он был в этот момент пуст, так как по расписанию у Лаэрта Анатольевича урока не было, именно поэтому он, вероятно, решил отправиться в путешествие во времени. Шея диплодока теперь втягивалась в лаборантскую, и здесь Степан Алексеевич, Костя и Петя увидели загадочную картину: туловища у диплодока вообще не было, шея висела в воздухе, начинаясь от какой-то невидимой черты, и становилась все короче, исчезая за этой чертой.

— Здесь очень узкий временной канал,— пробормотал, как бы извиняясь, учитель физики.— Туловище сквозь него никак не могло бы пройти, а шея, как видите, успела проскользнуть вслед за мной.

Степан Алексеевич еще раз хлопнул себя рукой по бедру, и диплодок, укоризненно взглянув на директора, исчез в пустоте. Лаэрт Анатольевич тут же кинулся к какому-то пульту на стене и стал выключать многочисленные рубильники. Потом он тяжело опустился на стул и вымолвил:

— Все! Временной канал перекрыт.

Директор школы тоже позволил себе расслабиться.

— Уф! — сказал он почти добродушно.— Двоюродный брат у меня, знаете ли, замдиректором в зоопарке работает, так что и мне приходится иногда с разным зверьем общаться. Придешь, бывало, к брату в зоопарк вечером в пятницу...

Степан Алексеевич замолчал, и вообще наступила долгая тишина. Лаэрт Анатольевич постепенно отходил, лицо его стало розоветь. Степан Алексеевич, напротив, мрачнел на глазах.

— Значит, теперь еще и машина времени? — спросил он устало.— Значит, мало нам всех этих электронных замков, закрывающихся перед комиссиями из руно, мало компьютеров, аппаратов для обучения во сне и так далее?!

— Так ведь, Степан Алексеевич, это такое ведь... это ведь машина времени,— слабо возразил Лаэрт Анатольевич.— Я ведь построил ее по обрывку схемы, оставленной этими, помните, школьниками из будущего...

— Первый раз опробовал? — хмуро спросил директор.

— Первый...

Степан Алексеевич устало отмахнулся.

Петр и Костя быстро переглянулись. Теперь им все было ясно: изобретатель совершил невозможное и все-таки нашел ключ к принципу путешествия во времени. Впрочем, от него можно было ожидать всего, и именно этого они и опасались.

В лаборантскую стали несмело заглядывать приходившие в себя после невиданного потрясения ученики седьмого «А». Учитель физики между тем становился все оживленнее и разговорчивее.

— Понимаете,— увлекаясь, рассказывал он каждому, кто входил в лаборантскую, начиная все снова и снова,— я вообще-то для начала хотел отправиться на машине времени в будущее, лет на двадцать вперед, посмотреть, что там такое будет. Но, как выяснилось, я свою машину плохо еще отрегулировал. Я врубил рубильник и вдруг оказался не в будущем, а в далеком прошлом, прямо перед мордой этого зверя...

(На этом месте каждый раз Лаэрт Анатольевич снова слегка бледнел.)

— Тут же, конечно, я кинулся назад,— продолжал рассказывать учитель,— но что-то случилось, и этот... диплодок... попал своей шеей прямо во временной коридор. Ох, что же я пережил, когда увидел, что благополучно вернулся в кабинет физики, а голова его все равно рядом со мной! Это было, знаете...

— Диплодок, это точно был диплодок! — убежденно сказала Марина Букина.— На всех плакатах и иллюстрациях он точно такой же. Это грандиозный динозавр, длиной до 25 метров. У него были очень тонкие хвост и шея.

Даже при самых необычных обстоятельствах Костю Костикова прежде всего отличало желание установить научную истину.

— Длинная шея? — поинтересовался он.— Какой же примерно длины?

Отличница ответила без запинки:

— Ну, метров десять, наверное.

Костя недоверчиво покачал головой. Он подошел к той невидимой черте, за которой исчез диплодок, и начал отсчитывать отсюда шаги. Ему пришлось пройти половину лаборантской, кабинет физики, пересечь коридор и, наконец, пройти весь кабинет истории. Вера Владимировна, потрясенная, все еще сидела на стуле и смотрела прямо перед собой широко раскрытыми глазами. Костя понял, что пока ее лучше не трогать и ничего ей не говорить, и вернулся в лаборантскую.

— Да нет,— сказал он Марине,— шея была метров двадцать пять, не меньше, если туловище не могло пройти временной коридор.

Эрудированная отличница усмехнулась.

— Остатки диплодоков,— отчеканила она поучительно,— были найдены в Соединенных Штатах в отложениях юрского периода. Ученые произвели измерения, и сомневаться в них не приходится.

Костя пожал плечами.

— Значит, шея у него просто могла очень сильно вытягиваться. Посуди сама, если туловище диплодока так и не появилось в нашем времени.

— Ой,— сказала Марина, схватывающая все на лету,— не появилось? А может, мы сделали важное научное открытие. Никто не знал, что шея

диплодока могла вытягиваться, а мы теперь знаем. Давай напишем статью в научный журнал, а?

Степан Алексеевич поправил галстук и откашлялся. Увлекающийся все больше и больше Лаэрт Анатольевич смолк. Вид у директора был теперь суровым и непреклонным. Степан Алексеевич должен был дать оценку всему, что произошло.

— Значит, так, Лаэрт Анатольевич,— произнес он,— завтра же вы представите мне подробную объяснительную записку. Я понимаю, что машина времени — это великое изобретение, но вы тоже подумайте и поймите. Вы представляете, чем все это могло кончиться? А что, если бы этот временной канал, как вы говорите, оказался пошире и этот, как его... диплодок, прошел бы его целиком и стал разгуливать по школе, вышел бы в город? А нам происшествий, сами знаете, и без того хватает.

— Но это машина времени, Степан Алексеевич, это эпохально,— слабо возразил Лаэрт Анатольевич,— мы опередили свое время...

Степан Алексеевич одернул пиджак.

— По машине времени я приму отдельное решение,— сказал он твердо.— Пока же на кабинет физики будет наложен засов и дверь опечатана. Занятия по физике пока будете проводить,— на мгновение директор задумался,— ну, скажем, в столярной мастерской.

На пороге лаборантской уже некоторое время стояла Вера Владимировна. Она была все еще бледна, но уже окрепла духом.

— Ребята,— начала она тихим голосом,— я все поняла. Лаэрт Анатольевич построил машину времени, но, как всегда у него бывает, произошла какая-то неполадка. Это, однако, не повод прерывать начатый разговор об эпохе Ярослава Мудрого. Прошу всех занять места в кабинете истории.

— Верочка, это же непедагогично, нельзя же... при них,— униженно пробормотал Лаэрт Анатольевич.

— Да, занятия надо продолжать! — строго сказал директор и неодобрительно посмотрел на учителя физики.— Диплодоки диплодоками, а Ярославы Мудрые Ярославами Мудрыми. Идите!

В лаборантской появился еще один человек, грузный и краснолицый, одетый в грязный рабочий халат. Это был завхоз Петр Филиппович, он же по совместительству слесарь и столяр.

— Шум тут был,— сказал он с порога.— А я не сразу услышал, потому что дырку на крыше заделывал. Она как раз над кабинетом физики. И, как я чувствую, я здесь сейчас нужен больше, чем на крыше. Может, Степан Алексеевич, замок электронный надо опять взломать? Это же, сами понимаете, кабинет физики и здесь преподает Лаэрт Анатольевич...

— Засов надо на двери повесить,— мрачно сказал директор, думая о чем-то своем,— да потяжелее и понадежнее. И замок чтобы был надежным... Машина времени теперь в школе появилась! И ведь надо же: именно в нашей!

2. По плану доктора наук

Александра Михайловна ходила по комнате, украшенной, помимо обычной мебели, индейскими луками и стрелами, африканскими масками и барабанами, бивнями слонов и носорогов, шкурами леопардов; ходила взад и вперед и на ходу размышляла вслух. Сидя на диване, где когда-то ночевали Златко и Бренк, Костя и Петя следили за ней, поворачивая головы то в одну, то в другую сторону.

— Давайте всесторонне оценим ситуацию,— говорила Петина бабушка.— Общение человека будущего с человеком нашего времени опасно, правильно? Потому что наш человек может получить преждевременные знания, которые в корне изменят закономерности исторического процесса, и тогда человечество неминуемо ждут непредсказуемые беды. Никогда нельзя забегать вперед, развитие должно быть совершенно естественным!

Костя Костиков, уважительно глядя на доктора педагогических наук, позволил себе вставить:

— Александра Михайловна, в одном фантастическом рассказе, не помню автора, я прочитал, что сведения о ядерной энергии и некоторые другие научные мысли попали в наше время из будущего именно случайно и преждевременно, когда человек еще не был готов к ним, и этим во многом объясняются неразрешимые проблемы, стоящие сейчас перед человечеством.

— Любопытно,— промолвила Александра Михайловна,— мне всегда нравится, как ты мыслишь, Константин, потому что ты всегда мыслишь нетривиально, пусть в данном случае ты пересказываешь идею другого человека, писателя-фантаста. Идея эта, конечно, заслуживает внимания. И тут не имеет никакого значения, попадет ли человек из будущего в наше время или наш человек, как этот... Лаэрт Анатольевич Ковригин попадет в будущее и тоже нахватается там преждевременных идей.

— Пока что не в будущее, пока что по ошибке он попал в прошлое, в эпоху диплодоков,— мрачно сказал Петр.

— Это характеризует человека,— тут же отозвалась Александра Михайловна,— человека несобранного и, собственно, не умеющего добиться поставленной цели. Он мог бы попасть случайно и в средние века или в XIX век и тоже принести людям совершенно преждевременные идеи... В общем, двух мнений тут быть не может: такой человек, как ваш Лаэрт, становится социально опасным.

— Так что же делать? — спросил Костя.

— Лучше бы его изолировать от общества, совсем,— ответила бабушка, задумчиво поглядывая на лук со стрелами.— Но как его изолировать? В общем, ребята, нам сейчас предстоит принять очень важное решение. В наших руках судьба человечества. Пойдет ли оно естественным, разумным путем развития? Или же, из-за того что Лаэрт преждевременно проник в тайну изобретения, которое было совершено в далеком будущем, произойдут непредставимые и непоправимые исторические катаклизмы?

— В будущее Лаэрта пускать нельзя никак! — мрачно сказал Петр.

— И в прошлое тоже,— отозвался Костя.— Это же однозначно: и там, и здесь неминуемый временной катаклизм. Хорошо еще, что на первый раз ему попался неразумный диплодок.

Александра Михайловна еще раз прошлась по комнате.

— Эх, жалко отца твоего на родине сейчас нет! — сказала она с горечью.— Вот уже полгода вместе с твоей матерью он работает в Верхней Вольте и опять строит горно-обогатительный комбинат, уж не знаю, какой по счету, потому что по всей Африке строил. А он сейчас очень мог бы помочь человечеству. Мой сын решителен, собран,

отважен, словом, он унаследовал лучшее, что у меня есть.

Бабушка погладила бивень носорога, лежащий на книжной полке. На минуту она задумалась.

Она сделала паузу.

— Этот маломерный хроноаппарат, который был у наших друзей из XXIII века, совсем ведь небольшого размера?

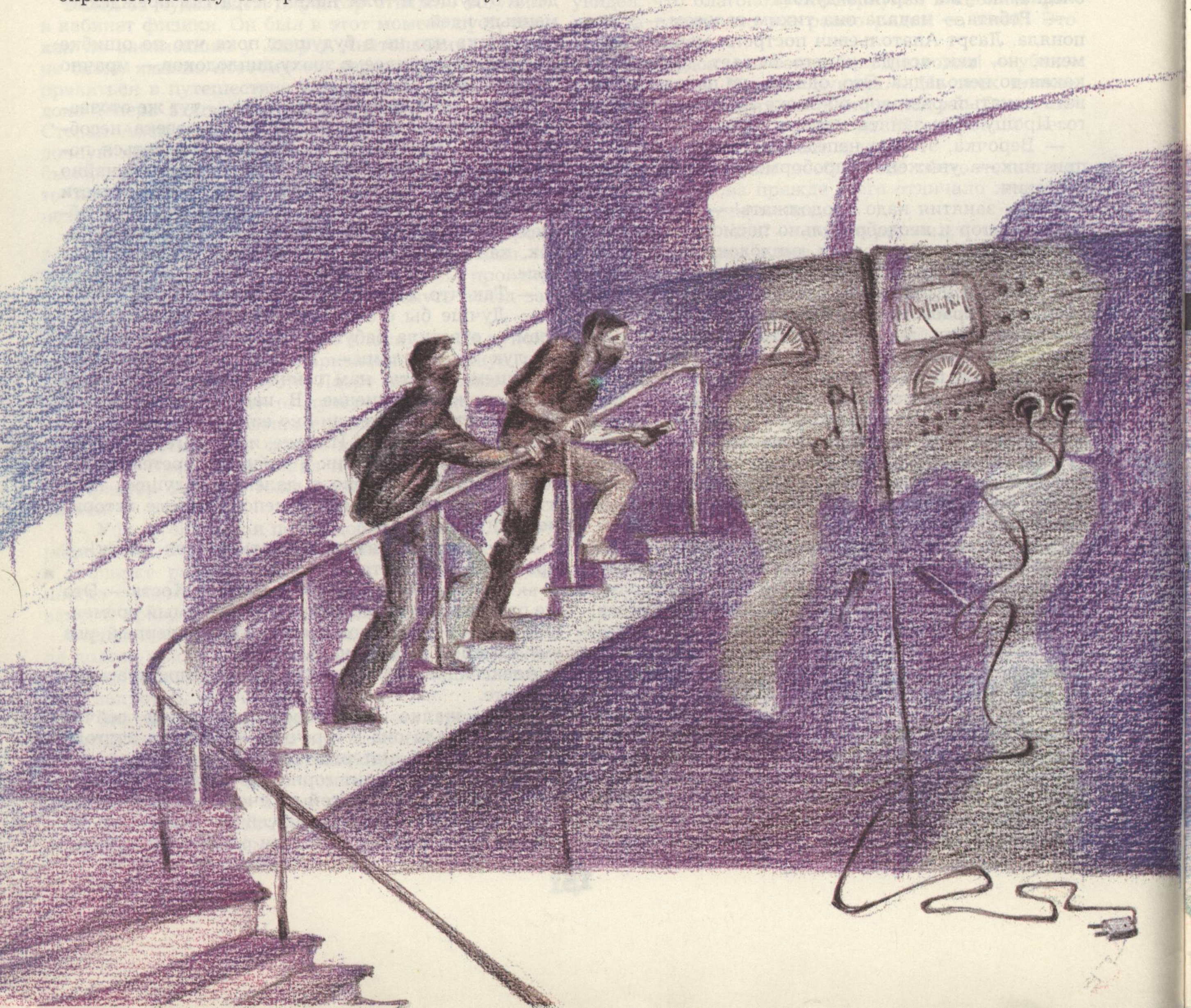
— Примерно как отечественный магнитофон «Весна»,— сказал Петр.— Побольше, чем там «Нэшнл» или «Сони».

— Вот и надо похитить собранную Лаэртом машину времени из кабинета физики! — решительно сказала Александра Михайловна и взглянула на Петра и Костю так, как мог бы, скажем, посмотреть на своих воинов Александр Македонский, окончательно решивший перейти Геллеспонт и вступить на территорию персидского царя.— То, что кабинет сейчас на засове, ничего не значит. Этот ваш директор на меня тоже производит неблагоприятное впечатление, и кто знает, что ему может прийти в голову. По-моему, у него нет царя в голове. Так что аппарат надо похитить в интересах человечества и укрыть, а пока ваш Изобретатель построит новый, мы придумаем что-нибудь еще...

— Бабушка,— растерянно начал Петр,— ты всерьез предлагаешь...

— Петр,— сказала Александра Михайловна,— до аспирантуры я некоторое время сама преподавала и знаю, что по ночам школы нередко никто не охраняет, потому что брать в них нечего. Ну, какому, скажи, жулику придет в голову взять ручную центрифугу в кабинете химии или скелет в кабинете биологии? Правда, я знаю,— добавила бабушка, немного подумав,— что в кабинете физики есть разные там компьютеры и прочие технические штуки, которые построил Лаэрт. Это представляет некоторую ценность, но в вашей школе учатся честные люди, а другие про них не знают.— Бабушка еще немного подумала.— Он, конечно, мог позаботиться о сигнализации, но я знаю людей. Вряд ли такой легкомысленный человек, каким представляется учитель физики, подумал о мерах предосторожности. Но даже если и так.— Бабушка помолчала.— Петр, я не хотела тебе говорить, но теперь, видно, пришло время. Дело в том, что еще два-три года назад твой взбалмошный отец привез тебе ради забавы в подарок откуда-то там... из Новой Зеландии, что ли, игрушечный набор «Юный гангстер». Ну, знаете, как у нас, скажем, выпускают для детей наборы «Юный повар», «Юный парикмахер» и так далее. На всякий случай я его припрятала подальше... в воспитательных целях, но инструкцию прочитала. Как я поняла из английского текста, все это действительно игрушки и, скажем, для настоящего банка они не годны. Но это там, у них, а у нас, знаете ли, вполне могут пригодиться, потому что многое у нас, чего скрывать, делается совершенно не должным образом...

Петр Трофименко вдруг выдвинул вперед нижнюю челюсть, и лицо у него сразу стало решительным и волевым. Костя Костиков непроизвольно

поежился, представив, как он будет первый раз в жизни вскрывать чужие замки. Но тут же, вспомнив, что другого выхода действительно нет, он тоже постарался придать своему лицу мрачное и решительное выражение.

Александра Михайловна нашла в кармане ключ и на минуту вышла в другую комнату, чтобы принести пестро оформленную коробочку с картинкой, на которой человек в маске и шляпе, вскрыв сейф, доставал из него пачки с долларами. Вскоре ребята вертели в руках предметы неизвестного уголовного назначения, а бабушка переводила английский текст:

— Это набор игрушечных отмычек,— говорила она.— А вот это нейтрализатор сигнализации... Любопытно... Как я понимаю, он автоматически настраивается на нужную частоту, и звуковой сигнал нейтрализуется... Да, вот еще две полумаски, кляп на пружине для сторожа или водителя такси...

— Такси нам, наверное, не понадобится,— сказал Костя.

— А вот немного потренироваться вам необходимо,— ответила бабушка и посмотрела в окно.— В сентябре еще не скоро темнеет, время есть...

Она снова углубилась в инструкцию, шевеля губами и переводя про себя с английского на русский.

— Отмычки,— сказала она наконец,— прежде всего надо освоить отмычки. Входную дверь в квартиру, конечно, лучше не трогать, но в моей комнате есть старинный комод, его сделали еще до Февральской революции. Значит, пользуются отмычками так...

С помощью игрушечной отмычки Петр вскрыл старинный замок с первого раза.

— Однако...— молвила бабушка, поразившаяся легкости операции.— Может, у них там, в Новой Зеландии, замки совсем другие? Игрушка ведь, а как сработала! А вообще, Петр, ты, оказывается, прирожденный взломщик!

Игрушечный нейтрализатор сигнализации представлял собой маленькую плоскую коробочку с кнопкой, которую по инструкции следовало нажать перед дверью объекта. Его испытания тоже прошли легко и успешно, правда, нейтрализована была не сигнальная система банка с долларами, а просто включенный на полную мощность радиоприемник. Потом бабушка задумчиво повертела в руках пружинный кляп.

— Вставляется в рот,— пояснила она, сверяясь с инструкцией,— и тоже нажимается кнопка, вот она. Пружина распрямляется и... м-да... сторож или шофер такси уже не может ни сказать, ни крикнуть. Чтобы убрать пружину, надо нажать на другую кнопку. Ну, кляп вам вряд ли понадобится, хотя на всякий случай возьмите. Да, вот и фонарь. Словом, вы снаряжены полностью!

— Нам, наверное, пора,— не очень бодро произнес Костя.— Почти восемь, когда дойдем до школы, будет совсем темно...

Про себя он подумал: «Надо было сказать: «Пора на дело», потому что люди преступного мира всегда называют свои деяния «делом». И, словно

угадав его мысли, Александра Михайловна слегка дрогнувшим вдруг голосом сказала:

— Ну что же, действительно пора! Но вот что я считаю своим долгом сказать вам в назидание... как педагог. Дело, на которое вы сейчас пойдете, конечно, не совсем обычное. Надо, пожалуй, отдавать себе отчет, что вы преступаете кое-какие законы, а делать этого никогда не стоит. Но вами движет не преступная, а благородная цель, потому что вы, может быть, спасаете человечество от катастрофы. Исторические примеры такому бывали. Ну, например,— на минуту бабушка задумалась,— вот, например, по телевизору нередко повторяют фильм «Берегись автомобиля». Ситуация не аналогичная, но в общем сходная. Так что...

Лицо доктора педагогических наук стало озорным и лукавым; Александра Михайловна вдруг словно бы помолодела лет на двадцать.

— Ну, как говорится, ни пуха ни пера! Попасться вы не должны, потому что я надеюсь на твою решительность и отвагу, Петр, и на твою нетривиальность мышления, Костя. Но на всякий случай, знаете, заметайте следы. Не возвращайтесь домой пешком, покатайтесь на автобусах туда, обратно, но не привлекайте к себе никакого внимания. Дважды в один и тот же автобус не садитесь, запоминайте номера. Ну, пора! — Бабушка вдруг отвернулась.— А я пока приготовлю место для блока хронопереноса где-нибудь на антресолях. Да, Костя, если позвонят твои родители, я скажу, что вы с Петей ушли в кино. Сейчас же, кстати, позвоню и узнаю, что идет в ближайшем кинотеатре.

Не глядя больше на ребят, Александра Михайловна вышла из комнаты.

— Все-таки бабка у меня молодец! — восхищенно произнес Петр.

Было уже совсем темно, когда Петя и Костя подошли к подъезду школы № 1441 — шли они, как и подобало в такой ситуации, в полном молчании. Только в небе горели звезды да тусклая лампочка слегка раскачивалась над дверью от сентябрьского ветра.

— Надо маски надеть,— прошептал Петр и натянул на лицо черную повязку, оставляющую открытыми только глаза.

— А шляпы мы не взяли,— шепотом отозвался Костя.

— Ладно,— тихо сказал Петр,— обойдемся без шляп. Ты отойди в сторонку, постой, как это в детективах... на стреме. Может, придется повозиться. Все-таки это школа, а не старый комод.

Костя послушно отошел в сторону и стал зорко смотреть по сторонам, но уже через несколько секунд до него долетел удивленный шепот:

— Готово! Ну прямо как по маслу!

Юные гангстеры оказались в школьном вестибюле и прикрыли за собой дверь. В вестибюле было темно, но они наизусть знали каждый его квадратный метр. Медленно и осторожно Петр и Костя двинулись к лестнице. Обоим было немного не по себе, но в то же время ощущался и какой-то подъем, потому что в конце концов необыкновенные приключения и благородная цель нечасто, надо признать, выпадают на долю школьников восьмидесятых годов двадцатого века.

— Подумать только,— прошептал Костя,— днем здесь шум, множество людей, а сейчас никого, кроме нас.

Ощупью они поднялись по лестнице и свернули в коридор четвертого этажа. Ощупью нашли дверь кабинета физики. Здесь пришлось включить фонарь, и луч уперся в тяжелый засов с огромным висячим замком. Петр посмотрел на него с большим сомнением.

— Уж больно велик! Наверное, даже в Новой Зеландии таких нет.

Костя спохватился. На всякий случай надо было включить нейтрализатор сигнализации, и он нажал его кнопку. Вполне возможно, Александра Михайловна недооценила Изобретателя, и какую-нибудь сигнальную систему при своей одержимости техникой он все-таки соорудил. Петр перебирал связку заграничных игрушечных отмычек.

— Вот эта, наверное,— решил он, выбрав самую большую, и отмычка в самом деле не подвела: огромный замок тут же, даже с какой-то готовностью щелкнув, откинул вверх дужку. От восхищения Петр тоже прищелкнул языком.

— Если у них дети играют такими игрушками, так что же у настоящих гангстеров?

— Пошли,— нетерпеливо сказал Костя и осторожно снял засов.

Когда открыли дверь, сигнализация не сработала, а может быть, ее и действительно не было. Минуту спустя ребята были уже в лаборантской и Петр обшаривал ее лучом фонаря, но ящичка блока хронопереноса, такого, как у Бренка и Златко, нигде не было видно. Однако в лаборантской появились какие-то громоздкие железные шкафы, не меньше десяти, каких раньше ребята никогда не замечали. Впрочем, в лаборантской им случалось бывать не так уж часто, только если Лаэрт Анатольевич просил вынести оттуда в кабинет какой-нибудь необходимый в данный момент урока прибор, и поэтому поиски были трудными. Луч фонаря безуспешно обшаривал самые укромные уголки. Наконец в душу Петра закралось сомнение:

— Слушай, он, может, уже успел как-нибудь незаметно вытащить свой блок хронопереноса?

Костя помотал головой.

— Вряд ли! Он выбежал из прошлого в наше время, а потом постоянно был на виду, и засов наложили сразу же. Надо искать, может...

Он вдруг замолчал: ему показалось, что он слышит чьи-то дальние шаги. Молниеносно среагировав, Петр погасил фонарь, и юные гангстеры оказались в кромешной тьме. Теперь шаги были слышны совершенно отчетливо; они затихли у дверей кабинета физики, и кто-то, вероятно с удивлением, покачал засовом, висевшим на одной дужке.

— Неужели в школе все-таки есть сторож? — еле слышно прошептал Петр и приготовил кляп. «Вот с кляпом потренироваться не успели,— подумал он,— а стоило бы»...

Кто-то открыл дверь кабинета, шаги приближались к лаборантской. Петр бесшумно пробрался к ее двери и встал наготове. Но испытать кляп в деле ему так и не пришлось, потому что, несмотря на всю свою решительность, секунду спустя он растерялся от неожиданности. В лаборантской вспыхнул свет, и на пороге Петя и Костя увидели учителя физики Лаэрта Анатольевича с всклоченной прической и бородой.

3. Второе путешествие во времени

Несколько секунд Изобретатель смотрел на ребят, а Петр и Костя растерянно смотрели на него. Потом Лаэрт Анатольевич с бесконечным удивлением задал вопрос:

— А как же вы отключили сигнализацию? Она должна была сработать и здесь, и на первом этаже, также у меня дома. Впрочем, дома меня уже не было.

— А это наш секрет! — растерянно ответил Костя и подумал, что Изобретателя Александра Михайловна все-таки недооценила: сигнализация в кабинете физики была.

Изобретатель в любой ситуации прежде всего оставался Изобретателем. Он задумчиво переложил маленький, но крепкий ломик из правой руки в левую и почесал затылок.

— А я думал, что ее секрет никто никогда не сможет разгадать,— сказал он с бесконечным огорчением.

Лаэрт Анатольевич прошел через лаборантскую и сел на стул в углу. Ломик он положил на пол.

— Да, кстати, а вы кто? Несмотря на маски, мне кажется, передо мною Петр Трофименко и Константин Костиков. Такой вихрастой головы, как у Трофименко, в школе больше ни у кого нет.

Костя снял черную полумаску. Отпираться было бесполезно. Немного подумав, Петя сделал то же самое: вставлять учителю в рот пружинный кляп было поздно, да и как-то уже неловко.

— Ну, и зачем же вы сюда проникли? — спросил Изобретатель.

Петр и Костя виновато потупились, но Костю тут же осенило: у Лаэрта Анатольевича тоже была уязвимая позиция, и он, видимо, как они сами, готов был преступить закон.

— А вы? — спросил Костя, поглядывая на ломик.

Изобретатель проследил за его взглядом и слегка покраснел. Возникла пауза. Потом Лаэрт Анатольевич встал и прошелся по лаборантской, поглядывая на тяжелые шкафы.

— Вот что,— начал потом Изобретатель смущенно.— Вы ведь поняли, что я машину времени построил? По тому обрывку схемы, что попал мне в руки?

— Еще бы не понять! — отозвался Петр.— Я этого диплодока до сих пор вижу, стоит только глаза закрыть.

— Вот видите,— сказал Изобретатель, еще больше смутившись,— первый опыт получился не очень удачным. Я хотел заглянуть в будущее, для начала всего лет на двадцать вперед, посмотреть, что там будет. Но вот что-то такое не сработало, и наоборот я оказался...

Лаэрт Анатольевич поежился. Ребята поняли, что, если он закроет глаза, то увидит картины еще более страшные, чем Петр.

— Но спустя несколько часов меня осенило: я понял, в чем ошибка. Вот и хотел в схеме коечто перепаять. И не мог же я ждать, пока снимут засов. Тут всего такой пустячок, оказывается...

Лаэрт Анатольевич на глазах становился прежним Лаэртом Анатольевичем — человеком увлекающимся, впрочем, точнее сказать, человеком, совершенно одержимым изобретательством.

— Ребята, вы даже не можете себе представить, до чего же просто устроена в принципе машина времени! — воскликнул он.— Просто удивительно, что ее изобрели только века спустя. А ее мог бы построить еще Ньютон! Или Франклин! И ведь сколько, наверное, открытий так и не делается или делается гораздо позже из-за человеческого невнимания, неумения сопоставлять факты, проникая в самую суть явлений!

Костя не удержался.

— Лаэрт Анатольевич, но где же ваш блок хронопереноса? Мы нигде...

Изобретатель воззрился на него с неподдельным изумлением.

— Вы что же, ее и не заметили? Да вот! — Широким и величественным жестом он указал на десяток железных шкафов.

Костя и Петя замерли от удивления. Потом Костя пролепетал:

— Но у них ведь была маленькая коробочка.

Изобретатель покровительственно похлопал его по плечу.

— Конечно! Но ты сравни возможности. Какие детали у них и какие есть в нашем времени? Да еще я пользовался только отечественными, импортных сейчас нигде нет. Я только разгадал принцип, а воплотил его в жизнь подручными средствами.

Костя и Петя растерянно переглянулись: операция, намеченная Александрой Михайловной, имела существенный пробел: кроме новозеландского набора «Юный гангстер», надо было предусмотреть трейлер, подъемный кран и бригаду такелажников.

Изобретатель раскрыл один из шкафов и заглянул в его внутренности.

— Вот здесь,— пробормотал он,— в блоке надо поменять полярность, усилить режим...

Внутренность шкафа, как увидели ребята, была плотно заполнена деталями. В густом переплетении проводов, казалось, никто и никогда не смог бы разобраться, но Лаэрт Анатольевич, вооружившись отверткой, уверенно вывинчивал винты, переставлял детали с одного места на другое. Не прекращая работы, Изобретатель вдруг вспомнил, что застал кабинет физики вскрытым, нахмурился и спросил:

— А я ведь так и не понял: вы-то здесь зачем? Захотелось самим покататься на машине времени?

Костя Костиков густо покраснел: его и Петра заподозрили в том, что они способны были взломать дверь с такой легкомысленной целью, как покататься на чужой машине времени, подобно тому, как некоторые, бывает, катаются на чужих автомобилях или мотоциклах. Если так, пришла пора всерьез объясниться.

— Лаэрт Анатольевич,— начал Костя,— кататься на машине времени мы не собирались да к тому же и не знаем, как ею управлять. Просто мы хотели забрать ее и припрятать... от вас. Мы же не знали, что вы не смогли сделать ее такой же маленькой, какой она должна быть на самом деле.

У Изобретателя выпала из руки отвертка и покатилась по полу. На его лице было написано невероятное изумление.

— Припрятать от меня? Но я же сам ее построил. Зачем же ее от меня прятать?

Костя вздохнул, толкнул локтем в бок Петра, чтобы пока тот помолчал, и приготовился к долгому разговору.

— Лаэрт Анатольевич, а вы эффект кажущегося неприсутствия освоили? — спросил он.

— Да нет, конечно,— поморщился учитель физики.— Но тут не было ни малейшей зацепки. Вот и фонокварелескоп я не смог бы построить,— добавил он с виной в голосе.

— И вы собирались путешествовать во времени? — задал Костя другой вопрос.— Вот так, без эффекта кажущегося неприсутствия, чтобы любой мог вас увидеть в двадцать третьем веке или, скажем, в девятнадцатом?

— Конечно, собирался! — ответил Изобрета-

тель.— Раз машина времени построена, значит, надо ее испытать!

— Лаэрт Анатольевич,— сказал Костя,— а вы подумали о том, что общение людей разных эпох может привести к совершенно непредсказуемому изменению в ходе истории? Представьте, что вы принесли преждевременные знания в средние века. Или, наоборот, нахватались бы каких-нибудь научных сведений в двадцать третьем веке и принесли их нам. Вот машину времени вы уже построили, а она для нас совершенно преждевременна, хоть вы и говорили о Ньютоне и Франклине. Человечество должно развиваться естественно, постепенно. без искусственных толчков.

Он замолчал. Ситуация была необычной. Впервые в жизни не учитель учил его, а он учителя. На мгновение Костя представил, что было бы, если б он стал читать нотации классному руководителю Аркадии Львовне...

— Вот мы и решили, что блок хронопереноса надо у вас изъять,— храбро договорил он.— А пока вы построите новый, мы еще что-нибудь придумали бы. Так что вы никогда не смогли бы изменить ход истории!

Изобретатель поднял с пола отвертку и повертел ее в руках. Потом сел на стул и стал смотреть на Костю и Петю. Лицо у Лаэрта Анатольевича было теперь каким-то совершенно новым, незнакомым; таким они никогда его прежде не видели.

— Ребята,— сказал наконец учитель растроганно,— да вы просто молодцы, если подумали об этом. Но я ведь тоже умею размышлять. Как любой человек, увлекающийся техникой, я очень люблю фантастику, где часто возникают ситуации, о которых ты, Костя, сейчас говорил. И я полностью отдаю себе отчет в том, что прямое общение людей двух эпох может привести к непредсказуемому повороту в ходе истории, так что у меня и в мыслях не было вступать с кем-нибудь в контакт в том или ином времени.

— Но вы же собирались в будущее? — выдавил из себя Костя.

— Только для того, чтобы испытать построенную машину. Ну и, конечно, любопытно посмотреть, что там будет дальше. Пусть я буду виден и одет для будущего старомодно, но в конце концов и у нас сейчас можно увидеть людей, одетых так, как одевались лет пятьдесят назад. Я полностью отдаю себе отчет в том, что сейчас машина времени для человечества преждевременна, и вовсе не собираюсь пускать ее в серийное производство. В данном случае меня привлекла лишь представившаяся возможность проверить себя: сумею или нет решить интересную техническую задачу — восстановить конструкцию по обрывку схемы. Вроде сумел, и теперь надо ее испытать. Более того, я решил конструкцию по-своему. Бренк и Златко носили блок хронопереноса с собой, а моя машина, оставаясь на месте, отправляет меня в ту или иную эпоху на определенное время, а потом автоматически возвращает назад. А, закончив испытания, я скорее всего разобрал бы машину времени, раз она преждевременна. В конце концов это чье-то чужое изобретение, а у меня множество собственных идей.

Костя и Петя снова переглянулись, но уже с другим чувством: Изобретатель вдруг открылся им совершенно с другой стороны — он оказался человеком, не только беззаветно увлекающимся техникой, но в то же время выказывающим мудрость и правильное понимание ситуации. У Кости вырвалось:

— Лаэрт Анатольевич, какой же вы молодец!

— Да нет, ребята, это вы молодцы! — отозвался учитель растроганно.— И если хотите, давайте сейчас вместе отправимся вперед лет на двадцать. Пусть мы старомодно одеты, но просто постоим в будущем на какой-нибудь улице, словно провинциалы, приехавшие в Москву из Тмутаракани, посмотрим, что будет происходить рядом с нами. Хотите?

У Кости и Пети заблестели глаза. Да кто бы отказался от такого предложения?! Лаэрт Анатольевич все понял без слов. Он сказал только:

— Вот сейчас мы только кое-что подправим в схеме, и можно будет отправляться.

Все переделки заняли не более десяти минут. Изобретатель покопался в одном шкафу, потом в другом, внимательно осмотрел приборный щит на стене и панель с рубильниками. Лицо у него теперь было сосредоточенным, как у космонавта перед стартом.

— Все, готово! — объявил он.— Осталась маленькая инструкция. В будущее мы отправимся лет на двадцать вперед, более точно я не могу регулировать настройку. Там мы проведем ровно пять минут и затем автоматически вернемся сюда, в лаборантскую. Как вы сами говорили, никакого общения, только наблюдение за тем, что происходит. Встаньте вот сюда!

Костя и Петя встали в самый центр лаборантской, куда показал Изобретатель. Теперь оба были взволнованны, но старались не показывать этого друг другу. Лаэрт Анатольевич включил какой-то рубильник, встал рядом с ребятами, вытер лоб и дрогнувшим голосом объявил:

— Готовность десять секунд!

Было видно, что он тоже волнуется: когда он поднял руку с часами, чтобы следить за секундной стрелкой, рука тоже дрогнула. И тут же все вокруг исчезло, наступил полный мрак, но тотчас над головами Кости, Петра и Лаэрта Анатольевича вспыхнуло яркое и жаркое солнце.

Они стояли на улице рядом с причудливой конструкции будкой, на которой были знакомые слова «Союзпечать». По улице в разные стороны сновали машины, каких в их времени еще не было, однако встречались иногда и выглядевшие как-то старомодно «Волги», «Жигули», «Москвичи». Прохожие были одеты кто как.

Увидев киоск, Петя обрадовался:

— Вот сейчас мы и узнаем точно, куда попали,— сказал он.

Прежде чем его успели остановить, он оказался у окошка киоска. За стеклом, среди журналов и газет со знакомыми и незнакомыми названиями, он вдруг узнал «Пионерскую правду».

— Дайте, пожалуйста,— попросил Петя симпатичную девушку-киоскершу в огромной кепке с надписью «Пресса» и протянул копейку.

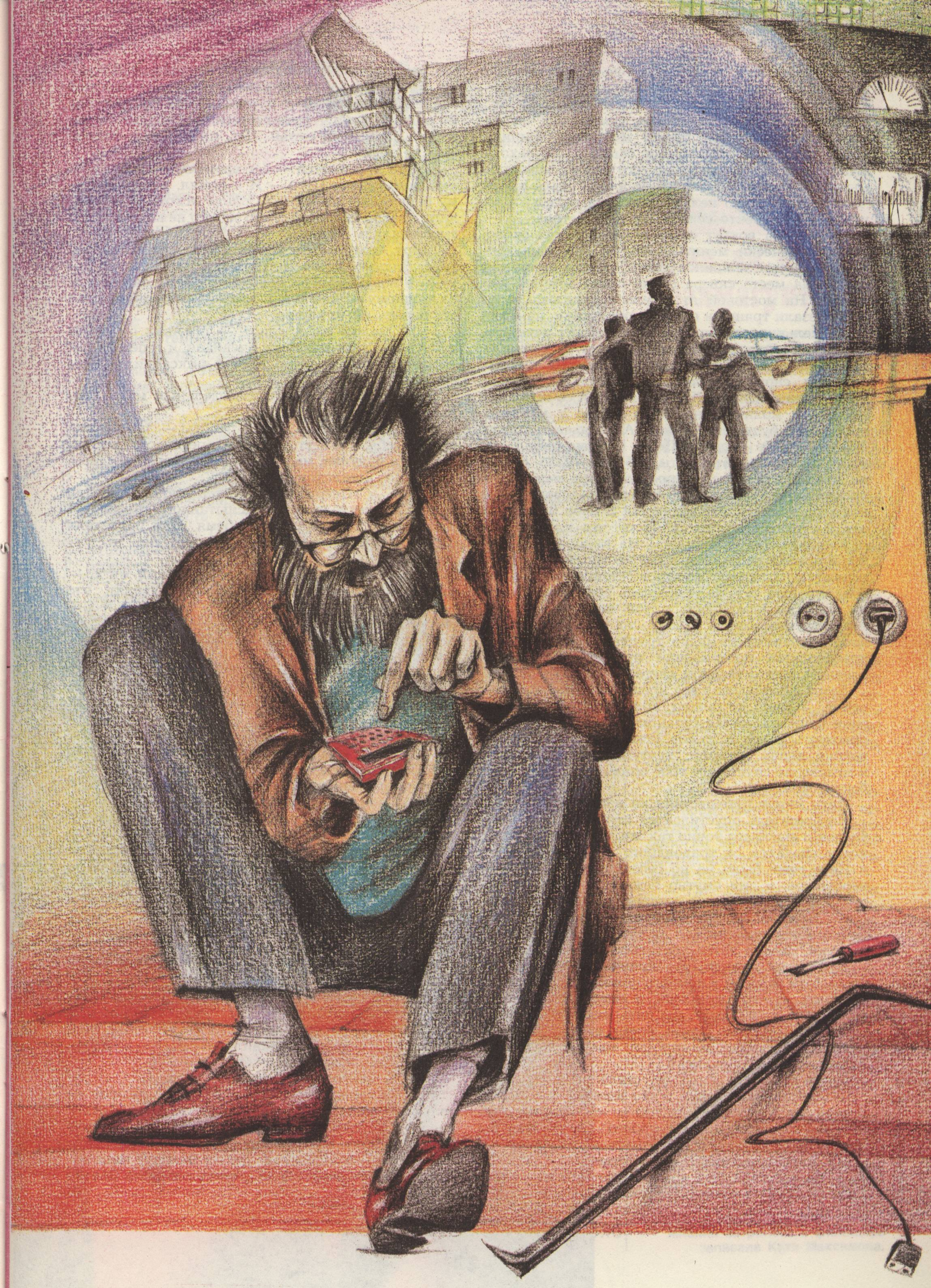
— Две,— сказала девушка.

— Мне ведь одну газету,— ответил Петр.

— Один номер и стоит две копейки,— донеслось из окошка,— ты что же, «Пионерской правды» никогда не покупал?

Петр удивился, но еще одну копейку дал. В конце концов у каждого времени должны быть свои законы и свои цены.

И точно, развернув газету и вернувшись к Изобретателю и Косте, которые, возмущаясь, тут же стали выговаривать ему за легкомысленный поступок, Петр убедился, что «Пионерка» действительно стоила не одну копейку, как всегда, а две. Впрочем, это было не так уж важно. Главное, он прочитал

дату: 24 мая 2002 года. Итак, теперь можно было в течение нескольких минут наблюдать, что происходит в Москве 24 мая 2002 года.

Однако Лаэрт Анатольевич помрачнел: он понял, что начинается что-то неладное. Машины стали ездить все быстрее и быстрее. Пешеходы теперь тоже проносились по тротуарам с немыслимыми скоростями. Наконец скорость стала такой, что их уже просто нельзя было разглядеть, и тогда началось нечто совсем уж несусветное.

Обстановка вокруг стала с невероятной скоростью хаотически меняться. Исчез дом напротив, а на его месте появился сквер, однако мгновение спустя на месте сквера снова стоял дом, но уже другой. На мостовой то и дело появлялись и тут же исчезали траншеи с коммуникациями, на мгновение мелькнул газопровод. Дома вокруг исчезали, на их месте появлялись сооружения, похожие то на заводы, то на сельскохозяйственные фермы, а потом снова появлялись, чередуясь, скверы, дома и новые улицы. Канал с водой и со шлюзами прошел и молниеносно исчез прямо у ног пришельцев из будущего, и Лаэрт Анатольевич крепко прижал к себе Костю и Петю. Он уже понял, что происходит, но объяснять ребятам было сейчас не время. Хаотические превращения между тем продолжались. На месте очередного завода вдруг выросла громадная, уходившая в небо башня, да так и осталась, несмотря на то, что в остальном перемены не прекращались. На какое-то мгновение в правой части окрестной местности все разом исчезло и возникло громадное бетонное поле, которое, впрочем, тут же покрылось островками зелени, и даже появилось в той стороне большое искусственное озеро. Правда, то, что происходило вдали, рассмотреть было трудно, потому что все превращения происходили при каком-то ослабленном неестественном свете.

Лаэрт Анатольевич все крепче прижимал к себе ребят. У него отчаянно колотилось сердце, он один понимал, какая страшная нависла над ними опасность и что в любое мгновение... Но вот все вокруг вновь исчезло, наступил полный мрак, и мгновение спустя все трое опять оказались в лаборантской.

Пять минут путешествия во времени истекли.

Изобретатель опустился на стул. Он был очень бледен и выглядел точно так же, как в тот момент, когда спасался от травоядного диплодока. Косте и Пете тоже было не по себе: произошло что-то необычное, и они смутно понимали, что путешествие в будущее могло окончиться и чем-то худшим. Наконец взгляд Лаэрта Анатольевича стал немного осмысленным, и он тут же схватил ребят за руки, словно хотел убедиться, что они здесь.

— Так вы поняли, что произошло? — спросил он слабым голосом и немного помолчал.— В машине опять что-то случилось, и вместо того, чтобы оставаться в 2002 году, мы пять минут с огромной скоростью мчались сквозь время во все более отдаленное будущее. Вы поняли: мы неизвестно до каких времен добрались?!

Костя кивнул, и вдруг ему стало очень страшно.

— Лаэрт Анатольевич, а что если бы там, где мы стояли, тоже начали бы что-то строить, ломать и снова строить? Нас бы просто... А мы как бы стояли на островке, и ничего его не касалось.

Изобретатель кивнул ему в ответ:

— Да, ты прав. Это просто чудо, что мы оказались в каком-то оазисе. Но может быть,— добавил он, оживляясь от пришедшей неожиданной мысли,— в этом проявился какой-то неизвестный мне эффект, связанный с путешествием во времени. Возможно, вокруг путешественника создается какой-то защитный экран... Эх, ничего-то я толком еще не знаю!

— Это называется — бег времени! — вдруг восхищенно сказал Петр.— И я понял, кстати, почему был такой полумрак. Солнце всходило и заходило с такой скоростью, что мы его не видели, ночи смешивались с днями.

Лаэрт Анатольевич внимательно на него посмотрел. Видимо, слова Петра вызвали в его уме какую-то новую мысль. Вскочив с места, он бросился к одному из шкафов и дрожащими руками стал открывать его створки.

— Ну какой же я идиот! — объявил он Косте и Петру.— Ведь здесь все очевидно, и теперь я понимаю, почему не было точной фиксации в одном времени.

Он извлек из кармана самодельный мини-компьютер.

— Еще несколько часов работы,— забормотал он про себя,— и к утру я все теоретически рассчитаю. А в будущее мы отправимся завтра вечером, и никаких накладок не будет.

Костя и Петр тоже постепенно приходили в себя после только что испытанного головокружительного полета сквозь время. При последних словах Изобретателя они переглянулись в третий раз.

— Лаэрт Анатольевич,— сказал Костя мягко,— утром в школе начнутся занятия, увидят, что кабинет вскрыт. Может быть, вы займетесь теорией дома?

— Да, конечно,— пробормотал Изобретатель, соглашаясь с доводом, но продолжая думать о своем.— Пошли.

На мгновение, правда, он вынырнул из целиком поглотивших его размышлений.

— А закрыть дверь на засов вы сумеете? — спросил он с беспокойством.

— Этого я еще не пробовал,— неуверенно ответил Петр.— Посмотрим...

Они погасили свет в лаборантской, вышли в коридор. Положив «Пионерскую правду» 2002 года на пол, не очень решительно Петр взялся за связку с отмычками. Однако новозеландцы делали игрушки, что называется, на совесть: с помощью отмычки можно было, оказывается, не только вскрывать замки, но и, заметая следы, закрывать их. Проделав операцию, Петя погасил фонарь. И тут Изобретатель вспомнил еще одну вещь.

— Ну, а сигнализацию-то вы как отключили? — спросил он с жадным любопытством.

Не раздумывая, Костя протянул ему нейтрализатор.

— Вот, Лаэрт Анатольевич, разберитесь как-нибудь на досуге.

...Вернувшись домой, где их с беспокойством ждала Александра Михайловна, Петр и Костя рассказали ей все без утайки.

Петина бабушка ответила:

— Это хорошо, что ваш учитель физики не только всецело поглощен творчеством, но и отличается мудростью и ясным пониманием вещей. Человека это так украшает! Да, кстати,— добавила она потом,— если он как следует наладит машину, может, вы и в самом деле сумеете повидать Златко и Бренка.

ОКОНЧАНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

ХОЧУ ПОНЯТЬ...

Тебя посадят?

«Что делать с теми ребятами, кто ворует в школе из раздевалок шарфы, куртки, шапки, варежки? В тюрьму их сажать, что ли?»

Юлианна Мякишева, г. Москва.

Борис Алексеевич КРЕТОВ, заместитель начальника шестого отдела следственного управления ГУВД Мосгорисполкома, любезно согласился ответить Юлианне.

— *Кража в раздевалках личных вещей школьников относится к краже государственного имущества, ибо за сохранностью курток, сапог и прочего наблюдает администрация школы. Ответственность за такие кражи наступает с 14 лет (законодательство считает, что в этом возрасте человек уже дает себе отчет, что совершает противоправный шаг) по статье 89: «Хищение государственного имущества, совершенное путем кражи, наказывается на срок от 3-х до 8-ми лет, или исправительными работами до 2-х лет, или штрафом в размере 100—500 рублей». Если ребенку нет 14 лет, то его ставят на учет в инспекцию по делам несовершеннолетних.*

Но я могу вам сказать, многие следователи пытаются не доводить такие дела до суда. Представьте себе: человеку всего 14 лет, а его уже собираются судить. Понятно, что ничему хорошему он в колонии или в тюрьме не научится. Следователи поступают с ребятами по-человечески: направляют материалы следствия в комиссию по делам несовершеннолетних. И либо сам ребенок, либо его родители выплачивают штраф.

А вы, ребята, подумайте: стоит ли подвергать себя риску попасть в колонию на срок от 3 до 8 лет?

Стоит ли воровать? Ведь вся жизнь может быть зачеркнута одним необдуманным поступком. Зачеркнута!

Фотография И. ЯКОВЛЕВА.

ПРАВДА ЛИ, ЧТО...

Прав ли был Брахмагупта?

«...астрологи могут предсказать жизнь любого человека? Какие книги есть об астрологии?»

Марат Шакиров, Узб. ССР.

Марату повезло: ему отвечает сам **Павел Павлович ГЛОБА, известный отечественный астролог.**

— *Астрология — это система знаний, дошедшая к нам из глубокой древности. Она помогает человеку найти самого себя, свое место в мире, а главное — осознать смысл жизни. Астрология раскрывает взаимодействие человека с космосом, природой. Без нее наша жизнь — беспорядок, хаос.*

Всем, кто интересуется астрологией, я советую читать древневосточных авторов, например, Брахмагупту или Вента Карамана. Кстати, и я сейчас пишу книгу, которая, возможно, будет для многих интересной.

А вот что думает об астрологии представитель науки, **сотрудник сектора общей методологии науки при АН СССР доктор философских наук Георгий Иванович РУЗАВИН:**

— *По мнению астрологов, есть связь между движением небесных тел и судьбой отдельных государств, народов и личностей.*

А вот научной астрономии такой связи выявить не удалось, хотя Солнце, например, действует на жизненные процессы на Земле. Ученые астрологию относят к псевдонаукам, потому что ее предсказания являются неопределенными и неконтролируемыми.

Марату можно только посочувствовать: он оказался перед сложным выбором. Что легче: довериться науке или приступить к поискам Брахмагупты в районной библиотеке?

Мнения астролога и философа записала Катя Максимова.

Выпуск подготовил А. МУХАНОВ.

Бывшие

«Год назад все было просто,— прочитали мы в письме, пришедшем недавно в редакцию.— Я была президентом клуба интернациональной дружбы нашей школы, мы переписывались со школьниками Болгарии, Чехословакии. Летом ездили по обмену в ГДР. Устраивали разные фотовыставки о поездке, газеты делали. Все было ясно. Ребята в ГДР считали нас своими друзьями, мы их — своими. У нас даже один пионерский отряд хотел стать отрядом имени Эриха Хонеккера.

Фотографию Тодора Живкова я сама наклеивала на плакат, посвященный 9 сентября — национальному празднику Болгарии. Это фото я вырезала из газеты, где что-то было написано про то, каким большим авторитетом пользуется товарищ Тодор Живков у граждан своей страны, и про то, какой он большой друг детей и устроил Всемирную ассамблею детей.

А сейчас все переменилось! Тодора Живкова, кажется, арестовали. Хонеккера посадили в тюрьму, а когда выпустили, оказалось, ему негде жить. Чаушеску нам уже не друг...

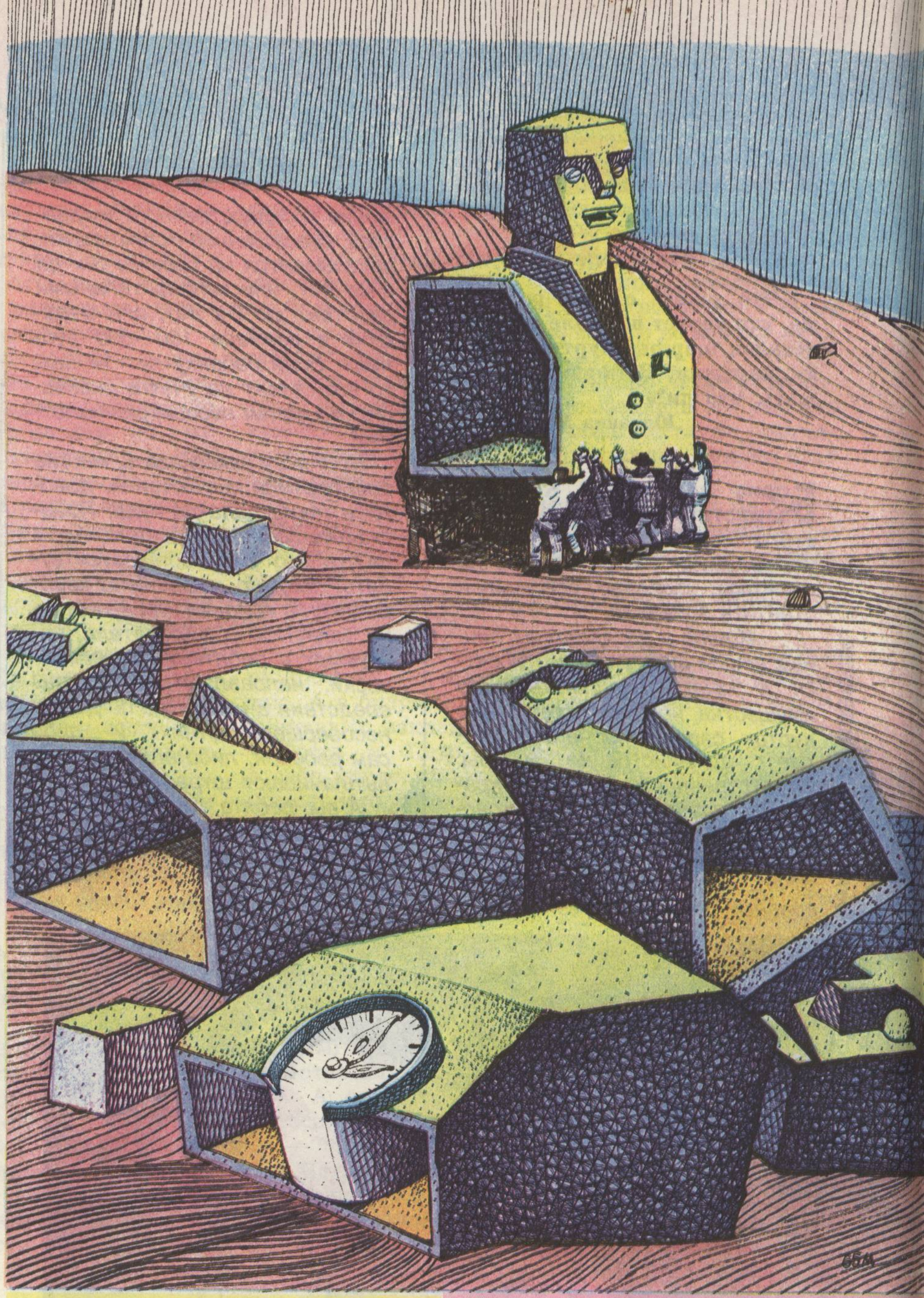
Что же они за люди? Или это мы так к ним относимся?

Если можете, ответьте. Или вы тоже не знаете?

Оля Т., 13 лет».

Вот такие нелегкие вопросы. Причем вопросы непростые не только для тринадцатилетнего президента клуба интернациональной дружбы, но и для тех, кто следит за политической картой мира, разбирается в расстановке сил на политической арене. И мы решили поговорить о тех лидерах соседних стран, чьи имена еще год назад были у всех на слуху, а портреты и фотографии «украшали» первые полосы газет.

Важнейшими политическими событиями прошлого года стали перемены в странах Восточной Европы. Перемены, которые привели к распаду социалистического лагеря и вывели на орбиту политического и экономического развития Европы страны, вставшие на самобытный путь развития.

Был ли у стран Восточной Европы после второй мировой войны другой путь развития, чем тот, по которому они пошли, а сегодня признали ошибочным? Освобожденным от фашизма странам социализм не был навязан. Народам, измученным жесточайшей войной, он представлялся именно тем, что надо.

Хочется порой представить, как развернулись бы, скажем, события истории, если бы Наполеон не проиграл Ватерлоо из-за насморка... А в ГДР Хонеккер не правил бы два десятилетия... Однако обратного хода быть не может.

Удивительно, как спокойно себя чувствовали все руководители соцстран на своих местах. Будто приняв эликсир вечной жизни, они вели себя, как полновластные хозяева страны и людей во веки веков. Единственные, пожалуй, кто испытывал уверенность в завтрашнем дне в своих странах, были именно они — генеральные секретари, они же председатели, они же награжденные высшими орденами своих и соседних стран, они же почетные комсомольцы и пионеры...

В окружении семьи — в Румынии, например, семь человек из клана Чаушеску входили в правительство — они себя чувствовали всесильными. За три дня до того, как началось уничтожение Берлинской стены, Эрих Хонеккер прыгал на одной

ноге в аэропорту, демонстрируя полное выздоровление после операции на почках. Чаушеску регулярно появлялся на балконе своего дворца в Бухаресте с речами и, даже когда обстановка в стране уже явно была накалена, велел собрать митинг, чтобы покрасоваться перед народом и услышать привычные для него крики ликования. Он словно подзаряжался от звуков собственной фамилии, когда толпа скандировала: «Чаушеску!» Наконец он впервые услышал другое: «Палач!»

Эти люди упивались полученной ими властью. Забота об интересах людей была показной, как надетая раз и навсегда маска «друга народа». Сами они ни на минуту не забывали о собственных выгодах и интересах, что выяснилось, увы, только сейчас, после их полной отставки. У Н. Чаушеску, оказывается, были открыты счета в швейцарских банках — как известно, самых надежных в мире. Сейчас счета «заморожены», то есть деньги с них никто получить не может. Ведутся переговоры о том, чтобы они были пущены на нужды Румынии.

Эриха Хонеккера взяли под стражу прямо в коридоре берлинской больницы «Шарите», а когда спустя несколько суток выпустили из тюрьмы по состоянию здоровья, выяснилось, что ему негде жить. Особняк, который последние годы занимала семья Хонеккера, был конфискован. Хонеккера с женой Маргот приютил пастор. А один наш рабочий даже предложил ему собственный кров... Но спустя некоторое время обнаружилось, что личное состояние бывшего руководителя ГДР оценивается примерно в 375 тысяч западногерманских марок. И поэтому притворяться бедной овечкой ему как-то не пристало...

Обвинение в злоупотреблении властью, коррупции и стремлении к личному обогащению нечестными путями — именно это ждет Эриха Хонеккера на суде. Сроки проведения суда до сих пор неизвестны: высказываются опасения, что в силу состояния здоровья обвиняемый не сможет давать показаний.

Не так бурно проходило смещение болгарского лидера. Главный прокурор НРБ подписал постановление о привлечении к уголовной ответственности бывшего первого секретаря ЦК Болгарской коммунистической партии Т. Живкова. Живков оказался в центральной софийской тюрьме.

Сейчас бывший главный живет на одной из своих прежних дач под домашним арестом. По его делу закончено предварительное следствие, но прокуратуре еще необходимо опросить сотни свидетелей, изучить заключения десятков экспертов и ревизоров.

Похоже, что на суде обвинения Живкову будут предъявлены, весьма похожие на обвинения в адрес Хонеккера. Злоупотребление властью, коррупция, а также грубые нарушения национальной политики, в результате которых тысячи граждан НРБ турецкой национальности потеряли не только право говорить на родном языке, изучать родную культуру, но и лишились своих имен. Ведь по инициативе Живкова все турки Болгарии в обязательном порядке должны были сменить турецкие имена на болгарские...

Слишком долго политические лидеры оставались на политической сцене, слишком долго дергали за ниточки закулисных игр... Трудно теперь осознавать все их лицемерие и ложь. Но жизнь заставляет пересматривать политические оценки, симпатии и пристрастия. Это естественная смена взглядов, накопление политического опыта. Понятна растерянность человека, который на протяжении нескольких лет не подвергал никаким сомнениям то, чем занимался.

Так же долгие десятилетия не подвергались сомнениям и сами основы социалистического пути развития. Он воспринимался как единственно возможный. За пышными фразами и красиво украшенными фасадами скрывались неудачи, ошибки и явные просчеты. Сегодня они так же видны, как совсем недавно Берлинская стена. Берлинская стена пала в считанные часы...

Вина бывших руководителей ГДР, НРБ, Румынии несомненна. Но очевидно и то, что не существовало отработанного механизма ограничения их власти, контроля над ними. Система поощряла их действия, вручая ордена и славословя их. Под гул лживых аплодисментов система рождала маленьких хонеккеров и живковых, которые моментально занимали ответственные посты. А государство сплошь из таких деятелей обречено.

Я. СКВОРЦОВ

БЛИЗНЕЦЫ

Знак Воздуха под покровительством Меркурия.

Мальчики

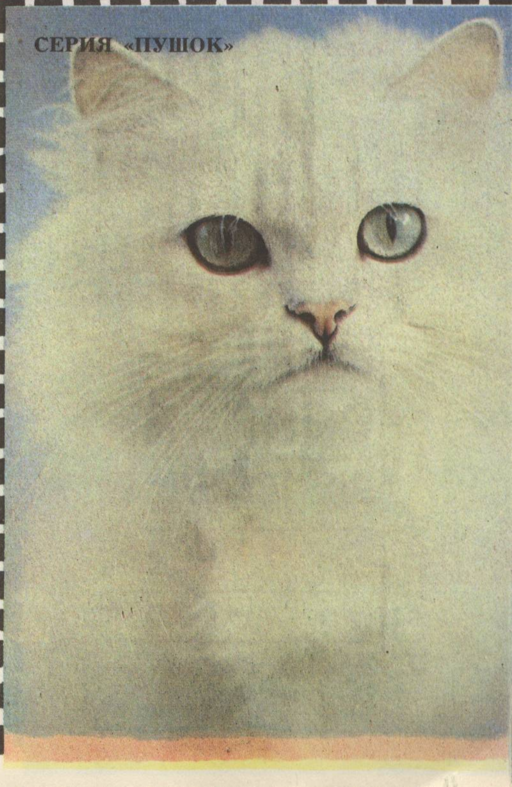
Это отличники. Легко изучают иностранные языки. Могут играть на музыкальных инструментах. Внушают уважение и любовь. Но сами по-настоящему никого не любят. Совершенно не способны оставаться одни. Но сами умеют незаметно и без причины исчезать. Случайно полученная четверка (или, того хуже, тройка) может свалить Близнеца в постель, как ангина.

Девочки

С ними прекрасно дружить. Не надо, мучительно краснея, придумывать тему для разговора. Они сами расскажут что-нибудь захватывающе интересно. Но спорить с ними не стоит. Спор может окончиться обидой, которая, правда, вскоре будет забыта.

Дружат Близнецы лучше всего со Львами, Тельцами, Весами, Овенами; хуже со Скорпионами и Козерогами. С Девами, Рыбами и Стрельцами отношения сложные.

КАЛЕНДАРЬ-ЗАКЛАДКА

Русский индийский святой

В одном из мест паломничества в Индии в священном городе Читракут на берегу реки Мандакини в штате Мадхья-Прадеш произошло уникальное событие: советский ученый-индолог Алексей Баранников, чье столетие широко отмечалось в Индии в этом году, был возведен общиной последователей индуистского божества Вишну в сан святого.

На закате солнца они собрались в храме недалеко от того места, где, по преданию, к автору священной книги «Рамачаритманас» явился бог Рама (одно из воплощений бога Вишну) и вдохновил его на написание этого трактата. Алексей Баранников перевел произведение на русский язык и назвал «Море подвигов Рамы». Это философский трактат, необычайно важный для всей индуистской веры.

Последователи Вишну уверены, что к Баранникову тоже явился Рама и вдохновил его на работу над книгой. По их мнению, для того, чтобы перевести священный для индусов труд на русский язык, усилий человеческого интеллекта недостаточно.

Кто хозяин во дворце?

В центре Каира, столицы Арабской Республики Египет, в одном из самых фешенебельных районов города возвышается Мертвый дворец. Или, как его называют, Дом ужасов.

Дворец был построен для бельгийского барона Эдуарда Эмпейна в 1906 году. Строил его известный архитектор начала века Александр Марсель. Он постарался на славу. Дворец получился потрясающе красивым. Колонны, диковинная резьба, искусно вылепленные статуи, фонтаны и сад — все вместе создавало неповторимый облик. Но барон был не из легковерных. Чтобы архитектор действительно не смог создать ничего более великолепного, он в «лучших традициях» средневековья приказал умертвить зодчего.

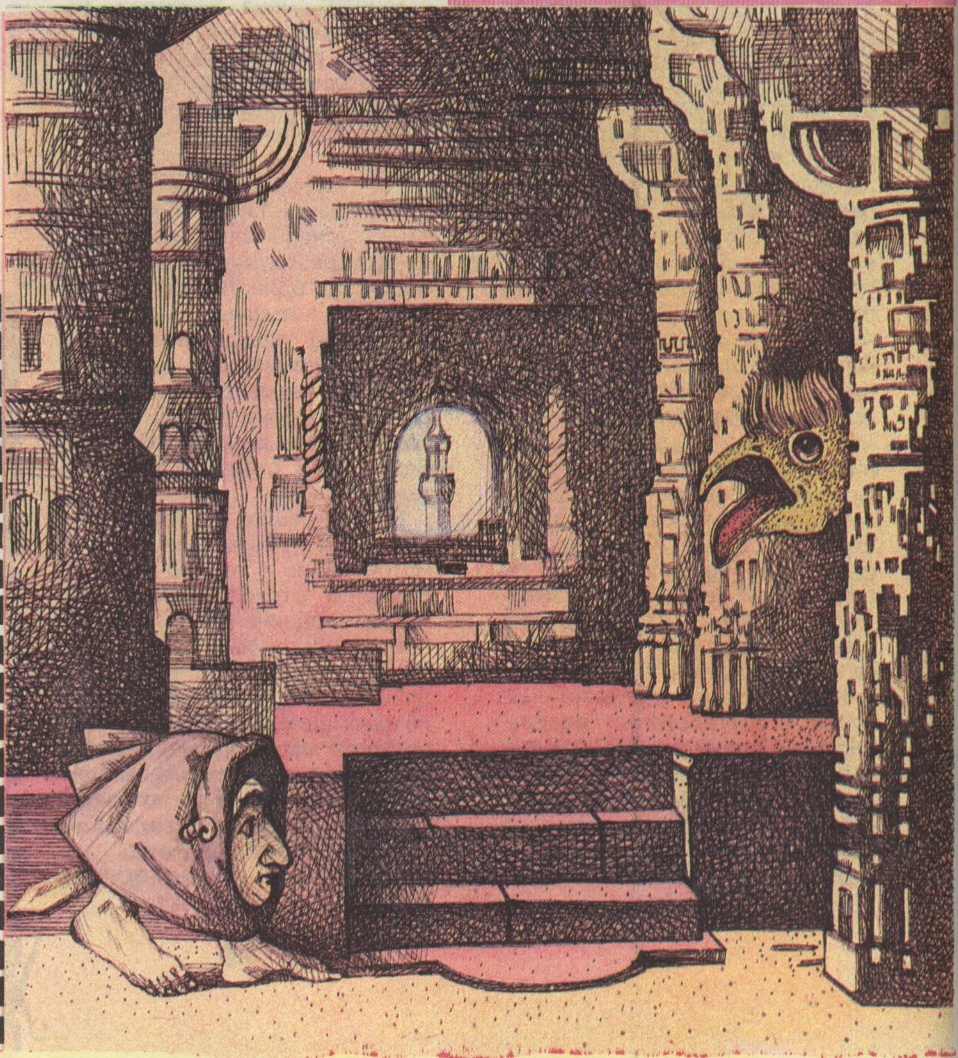
А перед смертью барон составил завещание, по которому после его кончины во дворце должно было все погибнуть. У богатых свои причуды... К счастью, завещание барона выполнено не было.

После смерти Эмпейна у дворца было много хозяев. Но ни один из них не проводил в своих роскошных покоях больше одной ночи. Слава богу, все оставались живы-здоровы, но ни за какие коврижки не соглашались на вторую. Подробностями никто не делился, однако стала известна фраза: «Настоящие хозяева дворца — привидения».

Не помогли и тренированные овчарки. Поэтому и сегодня во дворце никто не проживает.

Очередные владельцы дворца чего-то выжидают. Может быть, когда скончаются привидения?

Рисунки М. КАЗАКА.

НОЯБРЬ

Пн		5	12	19	26
Вт		6	13	20	27
Ср		7	14	21	28
Чт	1	8	15	22	29
Пт	2	9	16	23	30
Сб	3	10	17	24	
Вс	4	11	18	25	

У кошки очень длинное название: «белая персидская кошка с голубыми глазами». Какая симпатичная! Но есть одна беда, которой нелегко найти объяснение. Почти все белые персидские кошки с голубыми глазами — глухие. Да-да, именно так! Как же, бедные, они ловят мышей? А никак! Эти кошки предназначены для украшения дома. Но все же жаль, что им не скажешь «кис-кис»...

И восходит солнце...

Когда вам захочется пожаловаться на слишком тяжелую школьную долю, подумайте о... японцах. И возрадуйтесь, что не приходится вам шесть раз в неделю, за исключением одного лишь воскресенья, ходить в японскую школу.

Конечно, там всюду стоят компьютеры. И фломастеры дают бесплатно. Но все остальное...

Японские ученики проводят в классах гораздо больше времени, чем их сверстники практически повсюду в мире. У них очень короткие каникулы. К окончанию средней школы в 18 лет у ученика накапливается занятий на один год больше, чем у его американского сверстника.

А какие это занятия! В родном японском языке применяются два алфавита и две тысячи иероглифов китайского происхождения. Их надо знать наизусть, иначе не сможешь ни читать, ни писать, не то что подойти к компьютеру.

Учебник — святая книга для учеников и учителей. То, что там написано, должно быть прочитано в классе, дома и выучено наизусть. Сомневаться в написанном невозможно.

Вообще в преподавании царит дух конфуцианства — учения древнего китайского философа Конфуция, согласно которому важны знания, а не мнения, усидчивость, а не интеллект, скромность, а не демонстрация достоинств. Слово, изреченное учителем, воспринимается как данное свыше. Чрезвычайно редко на уроках раздаются вопросы. Даже если ученик что-либо не понял, он не спрашивает — это противоречит традициям, во-первых, во-вторых, это не так уж и важно. Главное, запомнить и суметь в нужную минуту воспроизвести эти сведения. Причем любопытно, что на вступительных экзаменах в университет преподаватели обращают большое внимание на то. как быстро выпускник школы — абитуриент произно-

Фотографии из журнала «Япония».

сит заученные им сведения. В старших классах многие ученики даже берут частные уроки по скороговорению!

Дисциплина — необычайно важный предмет в японской школе. Поскольку статистика знает все, то мы располагаем данными о том, что японские дети пропускают уроки в школе в пять раз реже, чем американские.

А на приготовление уроков японский ученик тратит как минимум два часа в день — в отличие от американского, который не сидит за письменным столом больше получаса.

Учителя строго следят за внешним видом учеников. В каждой третьей школе первой ступени, где учатся ребята от 12 до 15 лет, мальчикам запрещают отращивать волосы длиннее 9 миллиметров. Как только волосы перевалили на десятый миллиметр, ученику сразу ставят на вид. А кому же охота иметь неприятности?.. Еще труднее приходится девочкам, у которых кудрявые волосы. Оказывается, кудри тоже мешают воспитательному и учебному процессу. Поэтому многих курчавых девочек заставляют волосы распрямлять. Наверное, в Японии для этого имеются специальные шампуни и лаки. Но все равно удовольствие сомнительное. И, кстати, все ученики от первого до последнего класса обязательно ходят в школьной форме. Ее внешний вид оставляет желать лучшего, судя по отзывам ребят,— у девочек это синие костюмчики с белыми блузками, а у мальчиков синие брюки и пиджак и непременно белая рубашка. Тем не менее бунтовать против ношения школьной формы никому в голову не приходит Также запрещены всякая косметика и украшения.

Так что обучение достается японским школьникам нелегко. Зато по результатам теста, проведенного во всем мире семь лет назад, японские ученики оказались самыми подготовленными и эрудированными. А в стандартном тесте на интеллект средний западный школьник получает 100, японский же — 117 баллов.

Олег ТИХОМИРОВ

«ТРЭ БЬЕН», — СКАЗАЛ ХОЗЯИН

Пьер любил закаты. Их краски всегда были разными. Иногда ему казалось, что пылает море. Даже становилось жутковато. А в другой раз лучи заходящего солнца подкрашивали снизу облака, и мальчику представлялось, будто по небу кто-то разбросал лилово-малиновые перья павлина. Куда они плывут? Зачем?.. Любил он в часы заката смотреть и на горящую золотом фигуру мадонны, что стояла на соборе Нотр-Дам де ля Гард. Собор был выстроен на горе и возвышался над Марселем. Моряки, уходя в море, подвешивали в соборе маленькие макеты своих кораблей. Так повелось издавна. Говорили, это помогает: спасает от бурь...

Сейчас опять полыхало море. Оно багровое, алое, пурпурное. И еще какое-то — даже цвета не назовешь, но волшебно влекущее. Пьер впился взглядом. Жаль, что нет под рукой этюдника с кистями и красками.

...Учитель рисования месье Рожэ не раз говорил Пьеру: у тебя, мол, способности, у тебя вкус, из тебя может выйти толк. Пьера он выделял среди других учеников. И однажды он сказал:

— Ты, мальчик, оправдываешь мои надежды. Могу порекомендовать тебя месье Берару. Он хотел расписать стену своего кафе. Дела у него, правда, не

Рисунок Д. ГОНЧАРОВОЙ.

блестящи, и заплатить за работу он не сможет. Но даст краски, а главное — предоставит в твое распоряжение наружную стену. И ты ее распишешь, а для художника это уже кое-что. Почти признание.

Нельзя сказать, чтобы Пьер страшно обрадовался. Он просто не понял, зачем ему что-то размалевывать для какого-то Берара. Но все же он решил прийти к хозяину кабачка и взглянуть на стенку.

«Веселые пираты» находились на набережной в окружении таких же маленьких пустых кафешек. А неподалеку — там, где тянулся ряд, за которым торговали свежей рыбой, устрицами, омарами, креветками и прочими дарами моря,— было людно, шумно, весело. Разложенная на прилавках рыба сверкала, словно россыпи новеньких монет. Чешуя вдруг вспыхивала голубыми, синими и сиреневыми бликами. Зато устрицы, морские ежи, мидии, помещенные в лотки и поливаемые то и дело водой, казалось, хотели быть таинственно неприметными. «Вот бы нарисовать этот рынок»,— не раз думал Пьер.

Хозяин кабачка был полный, улыбчивый, пожилой человек с большими навыкате глазами.

— А-а, это ты,— кивнул он Пьеру, как старому знакомому.— Пошли покажу, что нужно сделать.

Через минуту они стояли перед голой стенкой, выходившей на улицу, и месье Берар говорил:

— Изобрази что-нибудь забавное, приятное для глаз. Не думаю, чтобы это выправило мое положение, признаюсь тебе откровенно. Хотя, может, польза и будет, как знать! Люди клюют на рекламу, но где взять денег? Посмотри, в кафе два посетителя. И у соседей также. Выручки нет. На закупку продуктов тратишь больше. Такова жизнь.— Он с грустью улыбнулся.

«Невесело у веселых пиратов...» — подумал Пьер. Да и что он может изобразить забавного? Мальчик так и спросил об этом.

— Что хочешь.— Месье Берар перевел на него добродушный взгляд.— Ничего посоветовать не могу. Вот что и как приготовить из рыбы — тут я дока. Но все теперь предпочитают покупать рыбу у торговцев — дешевле. Ладно, не будем о том говорить. Словом, придумай что-нибудь толковое. Вот тебе на краски.— Он протянул мальчику две бумажки по сто франков.— Хватит?

— Наверное,— ответил Пьер, хотя сразу же понял, что денег маловато. Правда, если купить подешевле — какие-нибудь остатки после покрасочных работ... К тому же, чтобы приобрести краску не-

скольких цветов, придется побегать, поискать... Зачем?.. Было как-то нелегко отказать этому симпатичному толстяку с грустными глазами, похожему на огромную, век прожившую лягушку. Но, с другой стороны, почему он должен стараться для месье Берара? Хозяин не родственник, чужой, посторонний человек. С какой стати Пьер должен все забросить и тратить время на эту стенку? И вдруг его осенило: через две недели вернется из плавания отец. Закончить бы работу к его возвращению да привести сюда. Посмотри, мол, нравится? А знаешь, кто нарисовал?.. Спроси у месье Берара. Вот удивится и обрадуется отец.

Пьер бегал по городу в поисках дешевой краски и размышлял, что же он изобразит. Может, морское дно — водоросли, рыб, камни, осьминога? Нет, нет, не забавно. А если осьминог будет курить трубку? Смешно?.. Не очень. А если он будет бить в барабан, акула — играть на саксофоне, краб — на гитаре, а рыбы пустятся в пляс?.. Пожалуй, неплохо. Но что скажет хозяин по этому поводу?

— Трэ бьен[1],— произнес месье Берар и улыбнулся.

Последнее слово, звучное и короткое, словно удар по натянутой на барабан коже, пробудило в Пьере неожиданную мысль: «А что, если,— подумал он,— усадить за барабан месье Берара? Толстый, похожий на лягушку человек отчаянно лупит палочками — это может быть смешным».

Ну и рядом тогда нужно нарисовать других людей. Кого?.. Может, изобразить с саксофоном отца?.. Но у отца нет слуха, он не отличит вальса от румбы. Пустяки! Зачем матросу на рыболовном судне музыкальный слух? Главное, чтобы отец был похож на себя. А третьим пусть будет учитель рисования месье Рожэ.

Пьер расписывал стенку двенадцать дней. Вначале прохожие не обращали внимания на мальчика, стоящего на стремянке и что-то там малюющего. Но прошло еще какое-то время, и они уже замедляли шаг, с интересом смотрели на его работу. Иногда появлялся хозяин, окидывая взором стену, и удовлетворенно кивал: «Трэ бьен».

С большой кинорекламы, которая была прикреплена к торцу углового дома, смотрел, даря всем ослепительную улыбку, актер Бельмондо. Кумир всех мальчишек — смелый, ловкий как черт и притом всегда справедливый, всегда карающий негодяев и мошенников. Пьер работал, оглядывался иной раз на рекламу, и казалось маленькому художнику, что знаменитость улыбается ему: «Браво, Пьер! Недурно получается».

Наконец музицирующие пираты были нарисованы. Они действительно выглядели веселыми, несмотря на пистолеты и кривые ножи, заткнутые за широкие пояса. Отца и толстого месье Берара можно было узнать сразу. Да и пират с гитарой в руках как две капли воды походил на учителя Роже. Но в его лице что-то не нравилось Пьеру, а что именно, понять он не мог.

Пьер два дня не ходил к «Веселым пиратам». Просто не было времени: мама просила то одно сделать, то другое. Правда, он держал в памяти расписанную стенку и старался понять, почему его не устраивает месье Рожэ. Объяснения не находил. Впрочем, роспись всем нравится — чего еще желать. Завтра в Марсель вернется отец, и Пьер обрадует его первой большой работой. Не важно, что он не получил за нее ни франка. Главное — ему заказали, и он выполнил этот заказ... Но все-таки что же там не вышло с месье Рожэ? И вдруг мелькнула мысль: а если попросить самого учителя взглянуть на пиратов?

Месье Рожэ согласился.

— Ты уже все закончил? — спросил он.

— Да, только не совсем удачно.— Пьер внимательно посмотрел на учителя.

— Что же у тебя не получилось?

— Вы, месье Рожэ. Я нарисовал вас с гитарой. Вы поете вместе с моим отцом и хозяином кабачка.

— Интересно,— улыбнулся учитель.

Пьер так и впился в его лицо. Вот в чем дело! Он же нарисовал месье Рожэ улыбающимся. А когда учитель смеется, у него от уголка губ до носа появляется резкая морщина. Ее-то и нужно было нарисовать.

— Идемте,— обрадованно проговорил мальчик.

Они пошли к набережной, и Пьер издали увидел оранжевый бульдозер, стоящий возле «Веселых пиратов», и еще какую-то желтую машину на гусеничном ходу, похожую на подъемный кран. «Зачем это нагнали техники?» — подумал он, а когда приблизился, так и замер на месте: от соседних с «Пиратами» кафешек остались только груды строительного мусора. Теперь нетрудно было понять, для чего здесь находилась желтая машина: при ее помощи ломали дома. Она поднимала на тросе огромную железную грушу, потом отпускала ее, и груша всей своей тяжестью била по стене. Несколько таких ударов — и дома как не бывало. Лишь камни, балки, битое стекло да черепица. Затем отгребали все это бульдозером в сторону.

Сокрушив несколько домов, желтая машина подобралась к заведению толстяка Берара. Ее беспощадная груша нацелилась теперь прямо на стенку с нарисованными музыкантами.

— Все же продали,— произнес месье Рожэ.

— Продали? — переспросил Пьер.

И учитель рассказал ему, что компания «Вальмон» уже не раз пыталась купить у Берара и его соседей участок земли, на котором выстроены их кафе. Берар никак не мог расстаться со своим домом, да, видно, владеть «Пиратами», не приносящими дохода, стало невмоготу! Безденежье заставило толстяка быть сговорчивее.

— Но как же?..— вырвалось у Пьера. Он смотрел на расписанную стенку.

— Ничего не поделаешь,— вздохнул месье Рожэ.— В жизни случаются и не такие потери...

Учитель еще что-то говорил. Мальчик не слышал. Уши будто заткнули ватой. Он думал об отце, который так и не увидит его работы.

Пьер тупо уставился на желтую машину. Теперь она казалась ему пушкой, которая вот-вот выстрелит по веселым пиратам. И не просто пушкой, а какой-то ужасной, чудовищной. Она может уничтожить все вокруг, весь мир...

Снова послышался голос учителя (вата из ушей вдруг выпала):

— А нарисовано превосходно. Жаль, что это пропадет. Очень жаль... И все же ты узнал свои возможности... Поздравляю.

Со стены улыбались пираты. Беззвучно гремела музыка.

---

[1] Прекрасно.

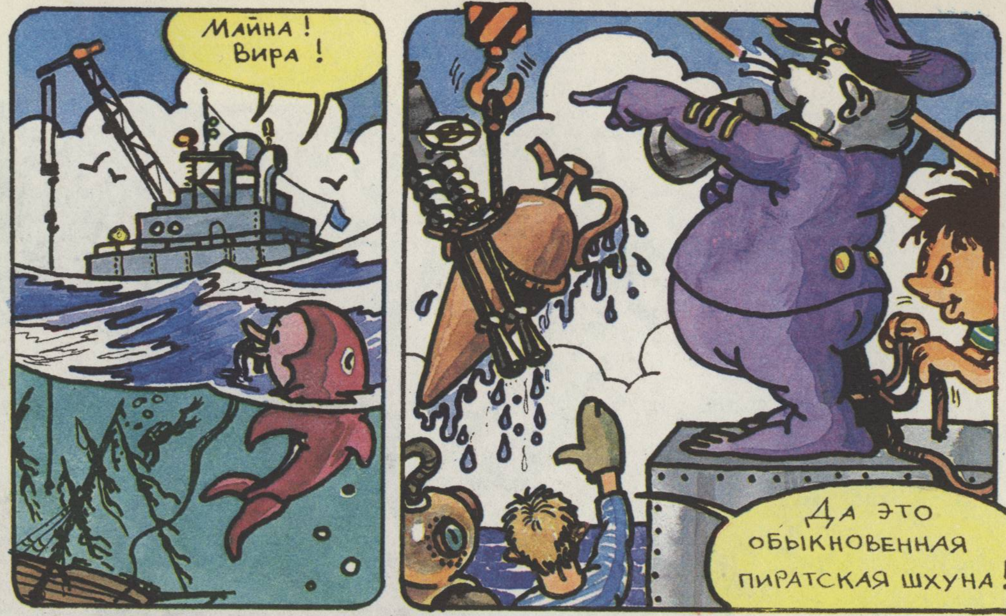
Эдуард УСПЕНСКИЙ

МИККО — СЫН ПАВЛОВОЙ

Продолжение. Начало в №№ 6—10.

Рисунки П. СЕВЕРЦОВА.

Итак, яхта «Мария», посланная к нам из страны Колумбарии с миссией мира, и корабль бывшего диктатора этой страны в результате конфликта затонули в открытом море. Дельфины враждующих сторон, охранявшие оба судна,— Павлова, Тристан и Генри — оказались старыми добрыми знакомыми. Среди обломков «Марии» они спасают мальчика Микко. Он доставляется дельфинихой Павловой на военную базу, где и зачисляется капитаном Моржовым на полное рыбное довольствие. Но непоседа мешает матросам нормально нести службу, и мальчика отдают учиться в школу. Однако шалуну Микко очень трудно подолгу сидеть за партой, учить уроки, и он улучив минутку всегда спешит к друзьям.

СТОП-КАДР «ПИОНЕРА»

Марина Климова и Сергей Пономаренко, чемпионы мира по спортивным танцам на льду 1990 г.

Фотография А. ГОЛОВАНОВА.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ.

«ЗМЕИ», «ТРИ ИНКОГНИТО», «ЗАГАДКИ НА МОНЕТАХ»

ИТОГИ ВИКТОРИН

«ЗМЕИ»
№ 8, 1989 г.

Вопрос 1. Как змея ползает?

Мы получили много интересных ответов: Наташи Алексеевой из Ленинграда, Евгения Русанова из Омска, Аделии Бурнашевой из Ташкента и Лены Горкуновой из Москвы.

Известно несколько основных типов движения змеи, и каждое возможно благодаря особенностям строения ее тела, которое, в свою очередь, определяется условиями и образом жизни.

Чаще всего встречается «змеевидный» способ — изгибами тела змея отталкивается от опор. Чем тело длиннее и гибче, тем больше точек опоры и быстрее движение. Для такого ползания нужны кочки, корни, пучки трав и совсем не годятся голые пески. На них змея ползает «боковым ходом», опираясь на весь правый или левый бок. А происходит это так: животное перебрасывает заднюю часть туловища, опирается на бок и двигает переднюю.

Змеи крупные, толстые, степенные, без суеты подстерегающие свою добычу в засаде, двигаются с помощью цепких чешуй на брюхе и особого устройства мышц и ребер. Они плавно струятся по земле «гусеничным ходом». Мало кто из ребят вспомнил про него, только Лида Крушецкая из Ленинграда прислала хорошую схему такого передвижения.

Совсем по-другому ползают пресмыкающиеся, лазающие за едой по деревьям. Опираясь на цепкий кончик хвоста, они выбрасывают вперед тело, закрепляются в новом положении и подтягивают хвост, собирая тело в гармошку. Такой способ и называется «гармошка».

Итак: змеи ползают змеевидно, гусеничным и боковым ходом, гармошкой, а еще плавают, зарываются в песок и даже летают планирующим полетом.

Вопрос 2. Какое отношение крылатый конь Пегас имеет к змеям?

Здесь многие совершенно правильно искали родство Пегаса и змей в мифах Древней Греции. Ребята прислали много пересказов древнегреческих мифов про Медузу Горгону и ее сестер, отважного Персея, любимца богов, про коня Пегаса и про неиссякаемый источник поэтического вдохновения, возникший от удара Пегасова копыта. Если коротко, то из тела поверженной Персеем Медузы Горгоны взвился в небо крылатый конь Пегас, а капли ее крови превратились в змей. Ядовитыми змеями были и волосы на голове Медузы. Вот правильный ответ.

Интересно написали Таня Барышникова из поселка Береза Брестской области, Лилия Патп из села Диборова Полесского района и особенно Ирина Лайтер из города Степняк Кокчетавской области.

Вопрос 3. Где обитают змеи, которых ты видишь на рисунке? Назови их.

(Прилагается групповой портрет в виде клубка змей)

Почти все сразу узнали питона (вторая голова слева). Они (питоны) и удавы — семья ложноногих змей. Питоны представлены шестью родами, в которых 22 вида, а на портрете большинство ребят узнали сетчатого. Это самые крупные из питонов, они способны бороться за звание крупнейших змей мира. Живут во многих местах, но предпочитают селиться поближе к экватору, в районе Юго-Восточной Азии и островов на границе Индийского и Тихого океанов. Вторая по популярности змея (в середине рисунка) из большого семейства аспидовых, род коралловый, вид, возможно, обыкновенный, а может быть, кобровый.

Справа от нее змея из семейства аспидовых, род бунгаров — ленточный крайт, или пама. Это азиатский представитель аспидовых змей с местом проживания в Юго-Восточном Иране, Индии и далее до Малайского архипелага.

Голова пятая слева принадлежит древесной гадюке. Их семь видов, и все живут в

Центральной Африке.

И, наконец, первая голова слева. Голова серо-желтой змеи с темными пятнами вдоль всего тела. Большинство ребят считают, что это эфа из рода настоящих гадюк. Живет в пустынях Северной Африки, Иранского плоскогорья, Индостана и юга нашей страны до Аральского моря. Портрет похож и на яичную, кошачью змею, на желтобрюхого полоза и даже на змею из рода диндон, обитательницу Японии, Китая и Индостана.

Итак, разобрались. Убедительно это сделали Лариса Вишневская из Ивано-Франковска, Наташа Сивкова из Омска, Лариса Ночевкина из Уссурийска, Таня Федотова из Новосибирска, Т. Карташева из якутского поселка Жатай, Надя Поитковская из Москвы, Наташа Пауткина из села Пектубаево, Марийская АССР. И все-таки мы выделили как самых лучших четверых участников викторины: Надю и Свету Барановых из районного поселка Кузоватово Ульяновской области, Марину Шабан из Мариуполя, Сергея Сушкова из Светогорска Ленинградской области, Ирину Котову из поселка Чегомыш Хабаровского края.

Мы очень благодарны всем 160 ребятам, приславшим нам такие разные, но очень интересные ответы. Спасибо за вырезки из газет Виктории Балбышевой и Евгению Русанову. За истории о змеях — Ларисе Мищенко и Алеше Балакину. Молодцы и самые маленькие участники: Марина и Света Шахуновы из Ташкента и Саша Селивестров из Ферганы.

«ТРИ ИНКОГНИТО»
№ 11, 1989 г.

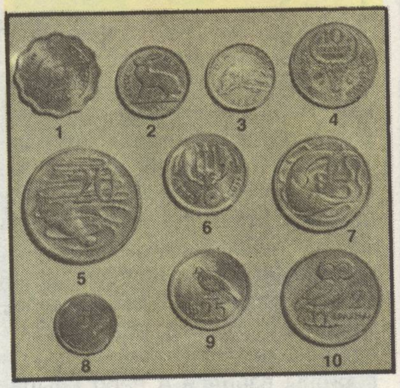

Правильные ответы: 1. Вьюн полевой. 2. Ромашка аптечная. 3. Паслен черный.

Все эти растения объединяет то, что они сорняки.

Победителями стали Катя Пашкина из г. Солигорска Минской области; Марина Игошева из г. Куйбышева; Алексей Погтаркин из п. Юрино Марийской АССР; Сергей Нетяга из пос. Агидель БАССР; Лена Киселева из с. Покровка Целиноградской области.

«ЗАГАДКИ НА МОНЕТАХ»
№ 2, 1990 г.

«Зеленая карета» поздравляет единственного победителя викторины «Загадки на монетах» — ученика шестого класса из города Волгограда Василия Будько!

Жюри посчитало его ответ эталонным (среди 162 участников). Вот его ответ и одна из десяти прекрасных сказок.

1. Откуда монеты и какие на них изображены животные, птицы, рыбы?

1. Индия (зебу); 2. Ирландия (заяц); 3. Республика Конго (Заир) (леопард); 4. Мадагаскар (Республика Малагаси) (буйвол); 5. Австралия (утконос); 6. Греция (дельфин); 7. Сингапур (рыба-меч); 8. Исландия (морской скат); 9. Индонезия (венценосный голубь); 10. Греция (сова).

2. Почему именно эти звери, птицы и рыбы попали на монеты?

1. Зебу — очень распространенный в Индии вид домашнего скота и играет большую роль в жизни индийских крестьян.
2. Заяц — самое любимое животное жителей Ирландии.
3. В тропических лесах Конго леопард — царь зверей, самый умный и хитрый хищник.
4. Буйвол очень помогает крестьянам в их хозяйстве, он сильнее и выносливее лошади. Крестьяне Мадагаскара не выжили бы без помощи буйвола.
5. Утконос — очень интересное животное, непохожее на других, он откладывает яйца, кормит детенышей молоком, покрыт шерстью и имеет нос, похожий на утиный клюв. Живет только в Австралии.
6. Греция находится на Балканском полуострове и многих островах, греки с древности плавали по морям, и их в путешествиях часто сопровождали умные и веселые дельфины.
7. Сингапур со всех сторон окружен теплыми экваториальными водами, в которых водится мно-

го диковинных рыб, одна из самых интересных — рыба-меч.

8. Исландия — остров в северных водах, но благодаря теплому течению Гольфстрим около него водится очень много рыб. Жители Исландии — опытные рыбаки и хорошо знакомы с рыбами, обитающими в их морях, в том числе и со скатами.

9. Венценосный голубь — очень красивая птица, водится только на некоторых островах Индонезии. Индонезию называют «птичьим раем», и венценосный голубь — основной ее житель.

10. Жители Греции всегда любили и уважали сову, считая ее самой умной и мудрой из птиц.

Чудесная земля

В одном озере жили Утка и Бобр. А потом взяли да и поженились.

Родился у них детеныш, но не было радости у родителей: все вокруг смеялись над их уродцем. Он был похож на Бобра, но вместо носа у него торчал утиный клюв, а на лапах перепонки, как у Утки, да еще на животике была складка в виде сумочки.

Детеныш рос, а над ним смеялись все больше и больше. Он начал пугливо прятаться от чужого взгляда. Днем прятался под водой, а ночью плакал, сидя на берегу. Однажды ночью его увидела Сова и стала расспрашивать. Узнав, в чем дело, Сова сказала, что слышала от одной Чайки, мол, далеко на юге есть чудесная страна, где все звери не похожи на зверей других стран. Большие «зайцы» прыгают на двух ногах, «плюшевые» медведи лазают по деревьям, «ежи» несут яйца, и у всех на животиках сумочки. И если скрепить несколько бревен в плот и столкнуть в реку, то течение через океан вынесет плот к этой чудесной стране.

Детеныш, которого все стали дразнить Утконосом, твердо решил добраться до этого края. Путешествие было очень трудным, волны кидали плот вверх и вниз, солнце жгло Утконоса. И если бы не крепкий плот, построенный Бобром, и не паруснавес из перьев Утки, путешественнику пришлось бы туго.

Еле живой он выбрался на берег и заснул. Проснувшись, увидел, что рядом стоят какие-то звери. Утконос ждал новых насмешек, но вдруг засмеялся сам, когда из сумочки на животе огромного «зайца», стоящего на задних лапах, выглянула забавная мордочка детеныша. Это был Кенгуру. Мишка Коала и пугливая Ехидна подружились с Утконосом, и он стал жить рядом с новыми друзьями.

* * *

Также «Зеленая карета» решила отметить благодарностями Костю Стрельцова из г. Балашихи Московской области; Маржан Мынжасарову из г. Москвы; Максима Левицкого из г. Одессы; Катю Ботаник из г. Свердловска; Дарью Гончарову из г. Челябинска; Антона Гаспля из г. Таллинна.

Спасибо за участие в «Загадках на монетах»!

Рисунки В. КУЗНЕЦОВА.

Марина ДИДКОВСКАЯ.
СОБОР РОЖДЕСТВА БОГОРОДИЦЫ.

Полина БАРСКОВА — ленинградка. Сейчас ей 14 лет, учится она в 8-м классе школы № 525.

Стихи у нее получаются не по годам серьезные и такие хорошие, что кое-кто из взрослых поэтов мог бы ей позавидовать. Не только «Кораблик» радуется ее успехам. Стихи Полины читают и ценят многие любители поэзии.

* * *

Немытые окна, неяркие краски,
Забытые сны и забытые сказки.
Сквозь пух ленинградской легчайшей пастели
Я вас разгляжу, госпожа тишина!
Сквозь улицы тихо бреду, еле-еле,
Уже облака надо мной заалели,
И запах повсюду спокойного сна...
Я счастлива... Счастья другого не надо.
О, духи полуночного Ленинграда!
Молчите, ни шепота! Сгиньте в Неву!
И зыби бегут по Неве легкой сеткой...
Мне тополь махнул засыпающей веткой,
Махнул, погружаясь уже в синеву.

Дорога в школу

Не везет, не везет,
Спотыкаясь о лед,
Я иду, и виляет дорожки зигзаг.
Отдаю я автобусу теплый пятак,
И на окнах огрызки неровных снежков.
А за окнами кладбища снеговиков.
Ах капель, ведь пока не наступит апрель,
Ты ведь только усмешка далекой весны,
Ты ее беспокойные, мутные сны!
Но когда-нибудь мы дострадаем до мая,
А пока, по неровной дорожке шагая,
Я усмешки весны сотни раз проклинаю.

* * *

И вдруг я поняла простую вещь:
Кто от рожденья слеп,
Тот гениально вещ.
Весь мир — изображенье наших драм:
Не нужен мудрецу телеэкран,
Не нужен мудрецу ни свет, ни цвет,
Ни белизна снегов, ни блеск монет!
Ему нужны шаги усталых ног
И хлюпанье сентябрьских дорог,
И стук часов, и тиканье сердец,
Он все поймет — на то он и мудрец.

В. С. Высоцкому

— Таксист! Отвезите меня на звезду Высоцкого —
Я хочу положить к ее подножию цветы.
Что? Вы едете в парк и к тому ж боитесь высоты?
Жаль, звезда может упасть, цветы завянут,
моя мечта сгорит...
Не бойтесь опоздать к концу трудового дня!
Звезда, наверное, ждет меня,
а вы чего-то боитесь.
— Вы уговорили меня, сумасшедшая девушка,
садитесь!

Все переварится, все переплачется,
Все журавлями перекурлычется,
Все передумается, переиначится,
Все перестрадается, передышится.
Скоро все на Земле забудется,
Скоро все на Земле изменится,
Нашими внуками все пересудится,
Время пройдет, и Земля переземлится.
Только любовь не перелюбится,
Мечта заветная не перемечтается,
А дорога на века останется,
А красота на века останется.

Зачем мне мысли, если они никому не нужны?
Зачем мне глаза, если я не вижу ничего хорошего?
Зачем мне сердце, если в нем только боль?
Во мне живут пять душ.
Душа кошки — одинокая и неблагодарная.
Душа птицы — счастливая и свободная.
Душа бабочки — незлопамятная
и нестрадающая.
Душа тени — прозрачная и пугливая.
Душа человека — призрачная, сумрачная
и прекрасная.
Пяти душам я обязана болью мира.
Пяти душам я обязана разноцветным счастьем.
Пяти душам я обязана рифмованными стонами.

Мне по ночам являются стихи,
Прекрасные и лучшие из многих.
Но по утрам осколками тревоги
Они забудутся, трагичностью тихи.
Где их найти? Какою болью вспомнить?
Как удержать их в памяти моей?
Но я, увы, не в силах их запомнить
И отпускаю, словно голубей.
Мне жалко их. Но что поделать, если
Они решили приходить во сне.
Полночные мои, слепые песни,
Я заклинаю, не являйтесь мне!

Павел ДАВИДОВ. 9 лет.
ЦЕРКОВЬ ИОАННА ПРЕДТЕЧИ В ДЬЯКОВЕ.

Я знаю, что анализировать этого нельзя,
но это чувствуется и усваивается.
Лев Толстой.

Уильям ШЕКСПИР

СОНЕТ 66

Измучась всем, я умереть хочу.
Тоска смотреть, как мается бедняк,
И как шутя живется богачу,
И доверять, и попадать впросак,
И наблюдать, как наглость лезет в свет,
И честь девичья катится ко дну,
И знать, что ходу совершенствам нет,
И видеть мощь у немощи в плену,
И вспоминать, что мысли заткнут рот,
И разум сносит глупости хулу,
И прямодушье простотой слывет,
И доброта прислуживает злу.
Измучась всем, не стал бы жить и дня,
Да другу трудно будет без меня.

Перевел с английского
Борис ПАСТЕРНАК.

Сначала о том, что такое сонет.

Классический сонет (от провансальского слова, означающего «песенка») — это развивающее какой-то мотив — один мотив! — стихотворение, состоящее из четырнадцати строк. Два четверостишия, два трехстишия. Или три четверостишия и одно двустишие. С различными вариантами рифмовки.

Первые «сонетто» написали вслед за провансальцами итальянские стихотворцы XIII века (раннее Возрождение). В форме сонета объяснялись в любви. Обращались к городу и миру. К Богу и человеку. Карьера сонета была быстрой, бурной: он распространился во всей европейской поэзии, особенно французской и английской. Читаем у Пушкина — под эпиграфом из Вордсворта:

Суровый Дант не презирал сонета;
В нем жар любви Петрарка изливал;
Игру его любил творец Макбета...
(Сонет, 1830)

Творец Макбета — Шекспир.

Далее Пушкин называет Камоэнса, Вордсворта, Дельвига и «певца Литвы», то есть Мицкевича; он характеризует размер сонета как «стесненный». Исключительно точное определение. Стесненность заранее заданными рамками, не дающими эмоциям перехлестывать через край, приводила то к чудным удачам, то к поражениям. Есть сонеты пылающие, как факел в ледяной оболочке. Есть, увы, только ледяная оболочка. Изящные упражнения в ученической тетрадке. Впрочем, как говорил Филип Сидни, предшественник Шекспира:

Стращать юнцов сонетом не пристало:
В нем бьется дискант и басы звучат,
Амур хохочет, щеки пышут ало...
А горе — зимний, но его наряд.
(Сонет 70. Перевод Г. Русакова)

Шекспир — автор 154 сонетов, очевидно, написанных между 1592 и 1598 годами, когда популярность сонета в Англии затмила другие формы лирической поэзии. Отдельным изданием сонеты Шекспира вышли в 1609 году. Из пушкинской строки о Шекспире, также необычайно точной, ясно: не сонеты были главным в его творчестве. Главное — драмы («Макбет»), сонеты как бы любимая игра. Когда речь идет о Шекспире, к слову «игра» отношение особенное: играет-то Бог. Сонеты — ключ, которым он отпирает свое сердце. Здесь уместно вспомнить, что говорил о Шекспире Гете. Он смотрел на Шекспира снизу вверх,

как на существо высшего порядка, бесконечно почитал.

— Нет, кажется, ничего в человеческой жизни,— восклицал Гете,— о чем бы он умолчал, чего бы ни воссоздал! И с какой легкостью и свободой! Трудно говорить о Шекспире, все разговоры оказываются несостоятельными... Он слишком богат, слишком могуч.

И еще:

— Шекспир в серебряных чашах подает нам золотые яблоки. Изучая его творения, и мы наконец получаем серебряные чаши, но кладем в них одну картошку.

Сонеты Шекспира — вершина английской лирики эпохи Возрождения. Они тем не менее неравноценны. Некоторые из них продиктованы не столько живым чувством, сколько данью традиции. Но знаменитый 66-й сонет не таков. Мы слышим голос человека, переживающего самую горькую минуту. Он прямо говорит, что хочет умереть. Почему? Не по личным причинам. По невозможности жить в мире, где царят общественный хаос, произвол. «Измучась всем...» Все — это и социальное неравенство. И обманутое доверие. И унижение женщины. И то, что дар лишен поприща. И то, что «мысли заткнут рот». (Предполагается, что здесь Шекспир заклеймил ужесточившуюся цензуру и преследование театров.) И оскорбление разума, прямодушия, доброты.

«Измучась всем...» Но, оказывается, есть причина, заставляющая примириться с постылой жизнью. И как раз личная.

Позволю себе немного порассуждать. Конфликт, с которым мы только что познакомились, общечеловечен. Понятен каждому. Всякий в какой-то момент — иногда в ранней юности! — переживает крушение иллюзий, разочарование в жизни. Хочет умереть — решает жить. Скажем, думает: все ужасно, я бы немедленно расстался с жизнью, но так люблю пить по утрам ароматный кофе. И если умру, то этой возможности лишусь. Или: если умру, никогда не увижу больше березу за окном. А ее листва так свежа, так прекрасна... Нет, уж лучше поживу еще.

Расстаться с самой ужасной жизнью непросто. 66-й сонет — гимн человеческому жизнелюбию. В е л и ч и е шекспировской натуры выявилось в том, ч е м он оправдывает свое решение жить. С его уходом «другу трудно будет». Преданность другому живущему — вот подпора его жизнелюбия.

Живите, говорит нам великий учитель, потому что ваша жизнь нужна вашим близким.

Исследователи давно заметили, что 66-й сонет перекликается с другими произведениями Шекспира. Тот же вопрос решает героиня его поэмы «Лукреция»:

Да, совершенства в этом мире нет,
Во всем чистейшем есть нечистый след!
...Умрет больной, покуда врач храпит.
Сиротка плачет, враг ее ликует.
Пирует суд, вдова в слезах молчит,
На травле граф, а в селах мор лютует...
...Что лучше — умереть или жить на свете...

(Перевод В. Томашевского)

Тот же вопрос решает Гамлет в монологе «Быть или не быть». Замыслившего умереть останавливает неизвестность за гробом, думает Гамлет.

А то кто снес бы ложное величье
Правителей, невежество вельмож,
Всеобщее притворство, невозможность
Излить себя, несчастную любовь
И призрачность заслуг в глазах
ничтожеств...?

Может быть, 66-й сонет — тоже монолог Гамлета, только не вошедший в трагедию?

Кроме пастернаковского перевода, есть и другие. Приведем для сравнения их последние двустишия.

В. Бенедиктов (XIX век):
Хотел бы умереть, но друга моего
Мне в этом мире жаль оставить одного.

С. Маршак:
Все мерзостно, что вижу я вокруг...
Но как тебя покинуть, милый друг!

Н. Голь:
Не жить, не видеть, сжечь бы все мосты,
Да пропади все пропадом! Но ты...

В. Орел:
Устал — но как мне выпустить из рук
Ту жизнь, в которой остается друг?

Все эти переводы уступают пастернаковскому. Пластичный, верный, свободный... Пастернак осуществил его, очевидно, в начале 1938 года. Что это было за время, сегодня известно. Летом тридцать седьмого Пастернак отказался поставить подпись под требованием расстрела Тухачевского и Якира. В августе узнал о самоубийстве своего друга — грузинского поэта Паоло Яшвили и писал его вдове: «Существование мое обесценено...». Вскоре Пастернак стал переводить «Гамлета», заглушая «нестерпимый стыд и горе» от того, что совершалось вокруг.

Так, через века, перекликнулись два поэта — английский и русский.

И еще одно. Наверно, не будь Шекспира, на свете было бы больше несправедливости.

Владимир ПРИХОДЬКО

Здравствуй, дорогой читатель! С приветом к тебе дорогой журнал «Пионер».

Почему читатель дорог журналу, объяснять не нужно. А почему журнал—читателю? Прежде всего потому, что многие из вас именно так к нему и относятся. И мы были бы рады удовольствоваться таким вот объяснением. Увы: у слова «дорогой» есть и другое, более прозаическое значение. С нового года каждый номер «Пионера» будет стоить 70 копеек, а годовая подписка — 8 рублей 40 копеек. Как видишь, цена выросла больше чем в два раза. Конечно, мы очень хотим, чтобы у журнала по-прежнему было много друзей, чтобы его ждали в каждом доме, в каждой семье.

Но мы знаем и другое: лишних денег у твоих папы с мамой нет. Выдержит ли семейный бюджет «подписные» траты? Ведь подорожали все газеты и журналы — взрослые, детские, специальные, научные... И, как это ни обидно для нас, журналистов, почтальонские сумки станут в будущем году куда легче. Найдется ли в них место для «Пионера»? Мы не вправе тебе что-либо советовать. Мы лишь надеемся, что твои папа с мамой, советуясь, что им выписать на следующий год, не забудут и о нас с тобой, может быть, даже поступившись собственными многолетними привязанностями.

Почему так произошло? В свое время мы здорово намучились, решив опубликовать статью о рыночных отношениях: выходило то пресно, то заумно, то не хватало примеров. И вот тебе яркий пример наглядной экономики. В стране все стало дороже: бумага, краска, типографские и почтовые услуги. Оставь цену журнала прежней — и он мигом превратится из доходного в убыточный. Это значит, что выручка от продажи почти двух миллионов его экземпляров окажется меньше, чем средства, потраченные на их подготовку, оформление, печатание, рассылку. А теперь давай вместе подумаем: для чего нужен детский журнал? Для прибыли? А может, для того, чтобы издатели могли влиять на интересы, настроения, характеры юных читателей, если всерьез воспринимать их многолетние декларации о воспитании подрастающего поколения? Если так, то все становится на место, только сегодня за право

воспитывать придется уже не ПОЛУЧАТЬ, а ПЛАТИТЬ. Да и что получать, если от прежних «Пионер»ских доходов останутся одни лишь приятные воспоминания? Платить? Тогда кому? Не нашлось желающих... Вот и ложится дополнительная тяжесть на семейный бюджет, вот и приходится родителям выбирать между необходимым и крайне необходимым...

Как с этим делом в иных краях? За редкими исключениями детские издания там не сориентированы на прибыль вообще. С точки зрения бухгалтера, они безнадежно убыточны. Зато вполне «прибыльны» для детей, родителей, да и для всего общества. И представьте себе — деньги находятся: часть дает государство, часть — различные организации и фонды; вкладывают средства фирмы и частные лица — спонсоры. В «Пионер» же вкладывают деньги только подписчики: формально — вы, а по сути — ваши родители.

Может, во всем виновата редакция? Но ни один ее работник от «космического» взлета стоимости журнала богаче не станет.

Таковы обстоятельства. Как ни печально, но мы понимаем: наверное, многие из вас держат в руках предпоследний в своем детстве номер «Пионера». Что ж, расставание — штука невеселая. Но не будем унывать! И — спасибо вам! Спасибо за то, что вы были верны в дружбе и строги к недостаткам, внимательны, доброжелательны, а порой снисходительны. Чего бы стоил журнал без вашей поддержки?

И все-таки «Пионер» выходить будет. Вот и портфель на 1991 год почти собран. Заглянем-ка в него!

«Ленку ослепил свет. Выключатель-то, оказывается, был на противоположной стене, где дверь в старухину комнату.

— Леночка, как хорошо, что ты еще здесь! — радостно воскликнула старуха, не обращая внимания на Ленкин вид...

— Послушайте,— сказала Ленка.— Зачем вы врете? У вас же есть деньги... Вот. Я искала и нашла.

Елена Капитоновна тоже щурилась от света. Медленным разбитым шагом она приблизилась к Ленке, взяла у нее из рук пачку и поднесла к глазам.

— Это... облигации, девочка... Зачем они тебе? Это облигации, которые...— с трудом подбирая слова, начала Елена Капитоновна и вдруг опять заплакала...»

Это — из романа для школьников «На углу, или Письма к бабушке», написанного Борисом Минаевым.

А что такое «Акука»? И не пытайтесь сами догадаться! Скажем лишь, что секрет узнает тот, кто прочитает повесть Владимира Александрова. Он так и называется. Речь в ней пойдет о самых простых вещах — о добре и доброте, о человеческой жизни, о негромких ее радостях.

Вот и сюрприз — новая встреча с Алисой в Стране чудес. Оригинальный пересказ сказки Л. Керрола подготовил Л. Яхнин. Передали или обещали нам свои произведения Э. Успенский, С. Иванов, С. Романовский, А. Максимов, Л. Матвеева, Л. Яковлев, Н. Ламм, Р. Сеф.

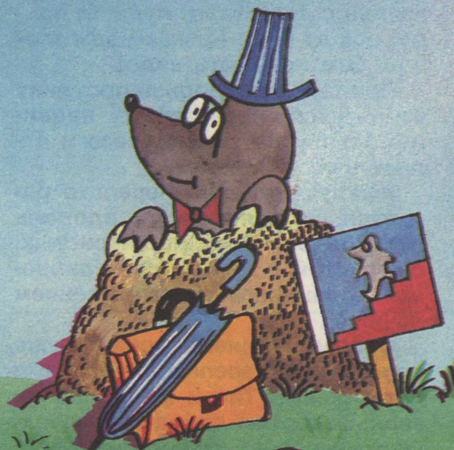
«Пионер» продолжит полюбившиеся читателю рубрики — «НЛО», «Клип-клуб», «Аудитория», «Пионерский спортзал». Будут открыты и новые разделы: задумывая их, мы старались ответить на ваши многочисленные просьбы и пожелания. Как всегда, читателей ждут в новом году занимательные конкурсы, веселые викторины, встречи с интересными людьми.

Итак, дорогой читатель, мы надеемся на долгую дружбу с тобой. Верим, что «Пионер» тебе будет по-прежнему дорог. Пусть таким он останется для тебя всегда! Но больше никогда — для кармана твоих родителей.

ЗООБЕСЕДКА

Светлана ПШЕНИЧНЫХ

Несговорчивый крот

Ни за что не хочет крот
Перейти речушку вброд.
Говорит:
— Построю лучше
Я подземный переход.
Неприятно мне — кроту,
Лезть слепому в мокроту!

Ночной обход

Ходит, бродит
Старый кот.
У него
Ночной обход.
Нет страшней
Того обхода
Для мышиного
Народа.

Игорь ШЕВЧУК

Дырявая басня

— Всех дырок на свете прекраснее я! —
расхвасталась Дырка-В-Ванильной-Сушке.
— О, да,— оторвавшись на миг от шитья,
ответила Дырка-В-Игольном-Ушке.

— Всех дырок на свете я лично главней! —
продолжила Дырка-В-Ванильной-Сушке.
— Вот-вот,— впопыхах согласилась с ней
спешащая Дырка-В-Игольном-Ушке.

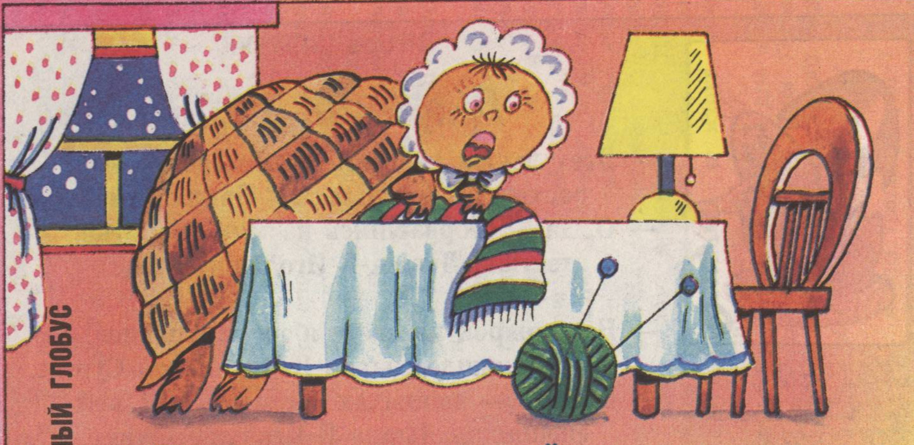
— О, боже,— какой от меня аромат,—
разохалась Дырка-В-Ванильной-Сушке.
— А как же,— ответила ей невпопад
усталая Дырка-В-Игольном-Ушке.

— О, как я кругла...
Вдруг «ХРУМ» — и привет:
и нету вам больше ни Дырки, ни Сушки...

— Еще бы...—
кивнула лишь сонно в ответ
(вставать, между прочим, ей завтра чуть свет)
невзрачная Дырка-В-Игольном-Ушке.

Рисунки Э. ДЕСЯТНИК.

Поспешишь – людей насмешишь

ПОЛЬСКАЯ СКАЗКА

Задумала тетушка Черепаха пироги печь. Хватилась — нет дрожжей.

— Проснись-ка, Черепахович, полно тебе спать! Сбегай к куме Зайчихе, попроси дрожжей.

Черепахович проворчал что-то спросонья, приоткрыл заспанные глаза и недовольно спросил:

— Чего тебе?

— Сбегай, говорю, к куме Зайчихе за дрожжами...

— Сроду никуда я не бегал. Вот сходить могу,— пробормотал Черепахович.

Сел, подумал, почесал поясницу и, кряхтя, осторожно полез с печи.

— Ты бы поживей, горе мое черепашье! — торопила тетушка Черепаха.

— К чему такая спешка? Недаром говорят: «Поспешишь — людей насмешишь».

Пока он слезал, пока сунул ноги в валенки, пока надел зипун да напялил на голову шапку, недели как не бывало.

— И чего ты топчешься! Шел бы скорее, время-то не ждет.

— Да вот кушак засунул куда-то, не найду никак.

— Так и знала! — воскликнула тетушка Черепаха и вместе с Черепаховичем принялась искать пропажу.

А черепашья суета известна: пока искали — еще неделя миновала.

Черепахович поднял воротник, занес ногу через порог, за ней — другую... Дело на лад пошло.

— Смотри не мешкай, гостей ведь на пироги позвала!

— Знаю, знаю...

— А посудину захватил?

— Эх, совсем из ума вышло... Подай-ка сюда, неохота возвращаться.

— Вот был бы тут Заяц, он бы живо обернулся! А ты все топчешься на месте, как медведь у пасеки,— сказала тетушка Черепаха, протягивая посудину для дрожжей.

— Подумаешь, невидаль какая — Заяц! Прыг-шмыг — вот и вся доблесть. А я как-никак хозяин с достатком: куда ни приду, всюду своя крыша над головой. Это понимать надо!

Приладив поудобнее посудину за пазухой, Черепахович надвинул шапку на самые глаза и отправился к Зайчихе.

Ушел, а тетушка Черепаха радуется, поедят гости вдоволь пирогов вкусных, поджаристых, с капустой, с лучком да с грибками! И занялась приготовлением начинки.

Совсем стемнело, пора бы уже воротиться Черепаховичу, а его нет как нет. Так и не пришлось званым гостям отведать черепашьих пирогов. Вот и день прошел, другой настал — нет ни дрожжей, ни Черепаховича. Год прошел, другой, третий. Сгинул Черепахович, как топор в проруби.

«И куда-то он запропал? Хоть бы далеко послала, а то — рукой подать...» — раздумывала тетушка Черепаха.

Прошло еще четыре года.

«Дай-ка,— думает тетушка Черепаха,— сбегаю за околицу, посмотрю».

Накинула платок, к двери двинулась — глядь, Черепахович по улице идет, спешит-торопится, дрожжи в посудине глиняной несет, крепко к груди прижимает — не уронить бы.

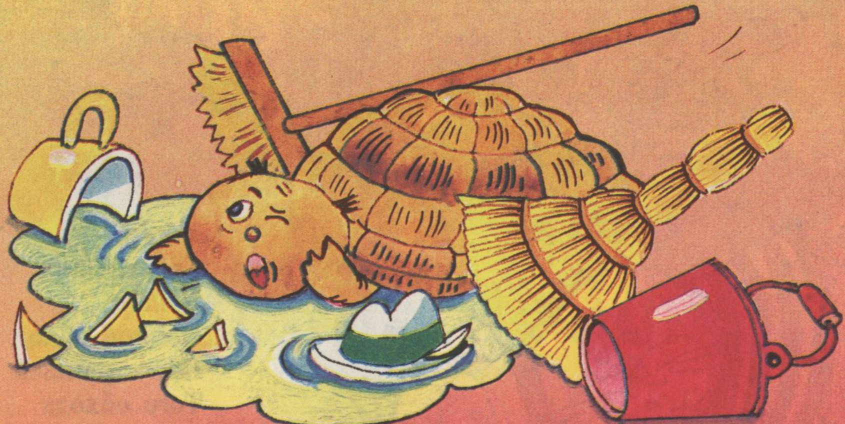
— Ну, наконец-то! — обрадовалась тетушка Черепаха.

Не прошло и часу, завернул Черепахович в свой двор, подошел к двери, у порога остановился передохнуть.

Отдышавшись, стал перелезать через порог. Одну ногу перетащил благополучно, да рваным валенком зацепился и растянулся во весь рост. Голова в избе, а ноги за дверью. Посудина вдребезги разбилась, дрожжи по избе потекли.

— Эх ты, скороход! Семь лет нес, до избы не донес! Зря только время потерял!

— Да-а-а...— заворчал Черепахович.— Говорил я тебе — не торопи, хуже будет. Так оно и вышло! Не зря говорится: «Поспешишь — людей насмешишь».

«ДЕД» ОЛЬГУНЯ И ДРУГИЕ

«Здравствуй, «Пионер»! Прошу помочь мне. Все чаще стала за собой замечать, что мне доставляет удовольствие мое хамство. Мне нравится выводить кого-нибудь из себя, ставить в дурацкое положение, заставить плакать. Я много раз спрашивала себя: за что я так всех невзлюбила? И это говорит первая ученица с примерным поведением! Ведь в детстве я была доброй, плакала от жалости к бездомным собакам. А сейчас? В школе дня не пройдет, чтобы я не отловила какого-нибудь слабыша и не треснула так, чтоб завыл. Хотя в своем классе меня называют Ольгуней, там я тише воды.

Помогите, посоветуйте, что делать, ведь я одна со своей «эпидемией» не справлюсь.

Ольга, 7-й класс, г. Павлоград».

На конверте вместо улицы, дома или номера школы отписано: «Не хочу неприятностей». Вот и весь адрес. Значит, боится неприятностей... и сама себя боится — на какие еще подвиги потянет? На какое бармалейство, какую жестокость?

Не хочется думать, что в Олиной школе уже вовсю расцвела «дедовщина», о которой теперь так много говорят, и там у них малышам-слабышам вообще проходу нет. Раз будущий «дед» Ольгуня в одиночку совершает свои маленькие расправы, то, может быть, не вошло у них там еще в обычай «бей слабого, да так, чтоб завыл!..». Кроме того, хамить в одиночку скучно, и сдачу скорее получишь. Потому мы отчасти избавим Ольгуню от скуки и напечатаем еще одно письмо:

«Дорогая редакция! Пишу письмо, потому что не могу молчать, нужно кому-то высказаться. Я решила — вам. Мне 12 лет. Учителям приходится со мной воевать. Просто уму непостижимо, до чего они докатились. Почти каждый педсовет посвящен нам — мне и моей названой «сеструхе» Оксане. Ну и что, у нас компания, мотаемся на мотоциклах, ну и выпивки иногда. Нас все смертельно боятся. В драке нам равных нет. Знают: если что, можем и «случайно» зацепить... на хорошей скорости, слегка так.

Наши парни у нас под пятой, не перечат, потому что можем их обложить словесно да еще наподдать, мы с Оксаной их сильнее. Можем подкинуть им хитрые записки, чтоб из-за нас передрались. Потом наблюдаем, кто кого.

Просто уму непостижимо, в чем нас все обвиняют. Даже не наших парней, а меня с «сеструхой», будто мы хотим развести в школе какую-то «дедовщину», запугиваем всех. Какая там «дедовщина»? Будто вы не знаете, что у нас сейчас происходит везде. Кто злее, тот и прав.

Но недавно произошел дикий случай, можно сказать, осечка. Мы катались в темноте по улицам, и на дорогу выскочил один наш третьеклашка, фамилия Николаев. Наше правило — никогда не сворачивать, рулем не вилять. Мой парень все же пытался его объехать, но мы видели, что зацепили его немного, он упал. Квартала через два наши парни стали канючить, что надо вернуться и посмотреть, что с Николаевым. Для острастки мы слегка побили наших водил и уговорили ехать домой.

Наутро приходим в школу — нас все окружают, настоящий бунт. Оказалось, наши парни уже все растрепали, заявили, что готовы на всякое наказание. Они ночью бегали узнавать, что с Николаевым. Сам Николаев оказался жив-здоров, немного ушибся, когда отлетел от мотоцикла, ну и сильно напугался. Что нам будет, мы еще не знаем, но вся школа от нас отвернулась, на парте написали мелом: «Люди последнего сорта». Это после того, как мы были главнее всех! Хороши же и наши парни — сказали, что, мол, все, финал. Больше мы им не подруги. Написали мы не потому, что совсем раскаялись. «Сеструха», та вообще была против письма, мол, мне нужна слава на весь народ, мало того, что есть. Но, может, если напечатаете, хоть кто-нибудь станет нас меньше ненавидеть, а то неизвестно, как жить.

Света, Оксана».

Может быть, Ольгуне, да и многим покажется, что между ее письмом и этим, вторым, маловато общего. Ольгуне, конечно, далеко еще до такой компании (кстати, есть в почте истории покруче). Но, хотите верьте, хотите нет, вот какое дело: «дед» Ольгуня кажется мне куда пострашнее Светы с «сеструхой»! Спросите, почему? Что получится из Ольгуни, конечно, еще неизвестно. Зато уже хорошо известно, что получилось у Светы с подругой: все теперь против них. Всеобщий бунт. И хотя им «неизвестно, как жить», все кончится справедливо и хорошо, и им не дадут больше распоясаться. А это такой редкий случай! На сотню писем один! Не умеют или боятся отпор давать?

Осмелеет Ольгуня, оперится, обзаведется «сеструхами» и «рабами»... и снова дрогнут малые, слабые и молчаливые остальные? Вот когда настанет минута, когда неизвестно, как жить.

А. БЕЗБОРОДОВА

Рисунок К. БАТАШЕВОЙ.

О ЧЕМ МОЛЧАТ РОДИТЕЛИ?

В старину мальчиков подростков называли óтроками, а девочек — отрокови́цами. Изначальный смысл слова «отрок» — отлученный от речи, лишенный права голоса. Иначе говоря, в стародавние времена считалось, если ты отрок, значит, помалкивай и слушайся старших... Устраивает?

ВОТ Я В ТВОЕМ ВОЗРАСТЕ...

Родители обожают давать советы, начинающиеся с этих слов. Далее, как правило, следуют былинные рассказы о героическом детстве папы или романтическом отрочестве мамы в исполнении авторов. Не думай: они не привирают что-то специально. Нет, родители действительно верят в свое приукрашенное прошлое. Как бы незаметно для самих себя рассказывают тебе о том, какими бы они хотели быть в детстве. А за подобными воспоминаниями прячется желание видеть тебя таким, или такой, какими им стать не вполне удалось. Поэтому не переживай, если ты не дотягиваешь до родительских «образцов». Однако и разоблачать «стариков» было бы жестоко. Пусть живут со своими иллюзиями. Ведь каждому из нас от детства остаются лишь воспоминания и грезы.

РАССКАЗЫ О ЧАЙНИКЕ

Другая особенность родительских советов связана с разнообразнейшими запретами. Говорят, бесполезно объяснять ребенку, что чайник горячий. Он не поверит, пока сам не схватится за него.

Всяческие родительские «нельзя» ужасно напоминают рассказы про горячий чайник. А их ты не воспринимаешь. Все же ведь хочется попробовать, до всего дойти на собственном опыте. А родители талдычат:

— не задерживайся на улице допоздна;

— не надевай эти идиотские штаны с желтыми шнурками на боку;

— не валяйся целыми днями на диване;

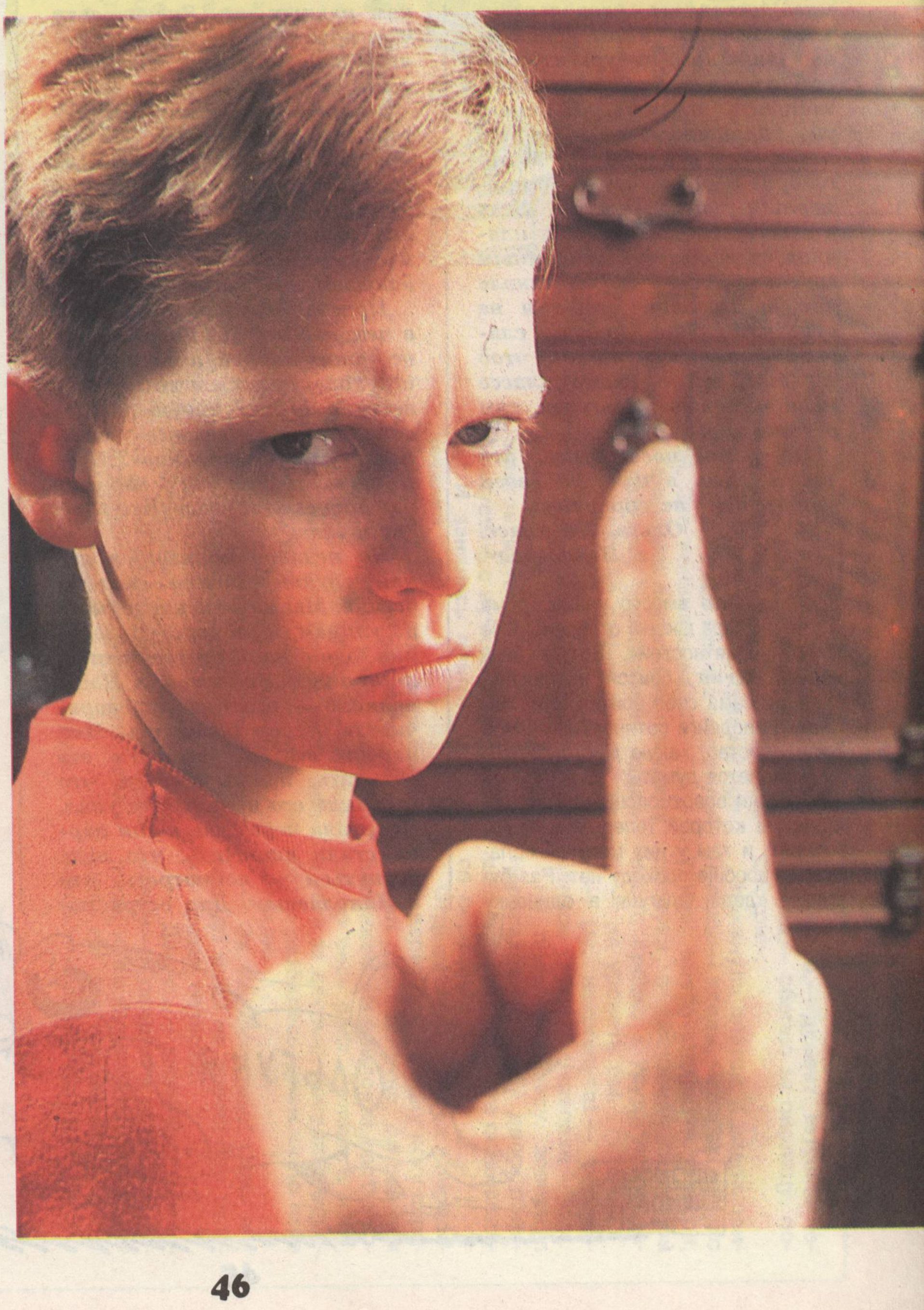
— не прогуливай уроки;

— не слушай эти кошмарные записи;

— не вздумай начать курить. Увижу — убью!

— не груби матери и так далее.

Это, как ты прекрасно понимаешь, лишь самые простые родительские мудрости, которыми папа и мама всегда готовы щедро поделиться с тобой. Список подобных рекомендаций поистине огромен. Так вот, занятное и полезное дело хотим предложить тебе: попробуй организовать составление такого списка силами самих родителей!

Фотография И. ЯКОВЛЕВА.

О ЧЕМ ЖЕ ОНИ ГОТОВЫ ДАТЬ СОВЕТ

Пусть мама и папа независимо друг от друга постараются записать все то, что они хотят пожелать, посоветовать своему ребенку (то есть тебе). Причем постарайся сделать так, чтобы мама и папа не списывали друг у друга, не советовались между собой, а работали каждый самостоятельно. Для тебя это очень выгодная затея. Во-первых, ты дашь возможность родителям «выпустить пары». Пусть поработают и хоть на некоторое время перестанут донимать тебя по мелочам. Выгода вторая — ты сможешь спокойно разобраться, что из ворохов родительских советов действительно, на твой взгляд, достойно внимания, а чем можно и пренебречь. Ведь когда что-либо высказывается тебе родителями в нервном разговоре, хочется сразу же отмахнуться: «Мам, отстань». А если разобраться на спокойную голову? Не станешь же ты отрицать наличие некоторого жизненного опыта у родителей, который, хотя бы частично, небесполезен для тебя.

ВРУТ ЛИ РОДИТЕЛИ?

Недоразумение заключается в следующем: родители обожают до бесконечности разжевывать и вдалбливать тебе то, что и так давно понятно. В то же время полезной информации по поводу некоторых небезынтересных вопросов от них не добьешься... Или замыкаются и молчат, как партизаны. Или изрекают: «Тебе нужно подрасти». Или просто врут. Или говорят тонкими намеками, понять ничего невозможно.

Попробуй перечислить все то, про что, на твой взгляд, почему-либо не хотят, а на самом деле вполне могли бы рассказать тебе твои родители. Возьми ручку, лист бумаги и начинай. Вот примерный список для подсказки. То, что тебе в нем не подходит, выброси, а если чего-то недостает, добавь, примеривая перечисленное к особенностям именно своих родителей. Итак, о чем они могут поделиться своими мыслями, но не хотят:

1. О мечтах. О чем мечтали родители в твоем возрасте? О чем мечтают сейчас? (Важны именно мечты, а не простые планы.)

2. О страхе. Чего или кого они (родители) по-настоящему опасаются? Как они переживают чувство страха?

3. О зависти. Кому завидует мама? А папа? И почему.

4. О том, каким должен быть мужчина, по мнению мамы, а женщина — по мнению папы. Соответствуют ли этим мнениям они сами? (Если будешь пункт «4» обсуждать, то с каждым родителем в отдельности.)

5. О ненависти. Кого они ненавидят? (Кроме врагов перестройки.) За что? Как они обходятся, живут со своей ненавистью, злобой? Ведь не бывает так, что эти чувства вообще никогда не посещают человека. (Кстати, то же можно сказать и про пункты 2 и 3.)

6. О любви. Как они понимают и чувствуют любовь? А к сексу как относятся? (Про это тоже лучше с папой и мамой говорить в отдельности.)

Итак список предложений о том, про что твои родители знают, но молчат, тобою составлен. Аналогично ты можешь составить третий (и последний) перечень проблем. Его можно назвать так:

О ЧЕМ ОНИ НИЧЕГО НЕ ЗНАЮТ

Это будут, конечно, только твои предположения. Думаю, здесь тебе моя подсказка не нужна. Но все же я начну, а ты продолжи:

1. Что творится сегодня в рок-музыке?

2. Как в один миг заработать кучу денег?

3. Как тебе следует одеваться, была бы твоя воля и так далее.

Дальше, пожалуйста, самостоятельно...

Теперь у тебя в руках оказалось целых три документа, касающихся тебя и твоих родителей: 1. О чем они готовы дать совет. 2. О чем они знают, но не говорят. 3. О чем они ничего не знают. (Но часто тоже говорят, что особенно тебя раздражает.)

Теперь самое главное: подчеркни в этих списках все то, что тебя действительно волнует, представляет интерес, является чем-то важным.

Если почти все подчеркнутое попало в первый список — поздравляю: у тебя идеальные родители, с которыми нет проблем. Все, что они рассказывают тебе, воспринимается тобой как очень важное, интересное и лично необходимое тебе.

Если большинство высказываний оказалось подчеркнутым во втором списке, твои родители в принципе готовы к обсуждению волнующих тебя тем, но их надо бы подтолкнуть к этому. Выбери, с кого начнешь: с мамы или с папы. Покажи ей (или ему) окончательные результаты своего психологического исследования. Это будет лучшим стартом для обсуждения интересующих тебя вопросов.

Если же львиная доля подчеркнутого попала в третий список, то ты как любящая дочь или любящий сын имеешь возможность без больших затруднений для себя помочь родителям уменьшить их беспокойство. Они ведь в безвыходном положении. С одной стороны, и папа, и мама прекрасно понимают: большинство их нравоучений воспринимаются тобой как «рассказы о чайнике». Но в то же время, если сын или дочь, не ведая об опасностях, весело несется навстречу пропасти (в переносном смысле, конечно), то кто из родителей захочет, чтобы в этой ситуации их ребенок (то есть ты) учился на собственном опыте? Поэтому, когда ты вдруг чувствуешь, что родители схватили тебя «в охапку» (иногда такое чувство бывает, не так ли?), знай, они спешат в очередной раз оградить тебя от какой-то новой пропасти, навстречу которой незаметно подталкивает тебя твоя сумасшедшая жизнь.

* * *

Вообще-то сама процедура составления этих списков, возня с ними позволит тебе «раскачать», расшевелить родителей. И они постепенно начнут отвыкать думать о тебе только как о несмышленом ребенке.

ТОЛЬКО ДЛЯ ВАШИХ РОДИТЕЛЕЙ

С некоторых пор ваш ребенок стал несколько пренебрежительно относиться к тому, что вы ему говорите. Это совсем не означает, что ваш авторитет падает в его глазах. Он по-прежнему остро нуждается в вашем совете. Но, вероятно, стоит выяснить, насколько то привычное, про что вы любите говорить с ним, совпадает с новыми вопросами жизни, которые стали остро волновать его сейчас.

Герман Игоревич МАРАСАНОВ,
психолог.

Мадлен ЛЭНГЛ

ЗНАКОМЬТЕСЬ.

СЕМЕЙСТВО ОСТИН

ПОВЕСТЬ*

Окончание. Начало в № 10.

Рисунки И. ПАНКОВА.

Семейство Остин — это папа, мама, четверо детей (Джон, Вики, Роб и Сюзи), дядя Дуглас, пуделиха Колетт и дог мистер Рочестер. Их дом — в маленьком городке в одном из североамериканских штатов. Дядя Хэл и тетя Элина — друзья семьи. Дядя Хэл работает летчиком-испытателем. Он и его второй пилот гибнут на испытаниях нового самолета. Тетя Элина и дочь второго пилота — Мэгги — приезжают в дом семьи Остин.

II. Крик в кабинете

Укладываясь спать после прогулки на Ястребиную гору, я думала: «Ну вот теперь все образуется, все опять будет по-прежнему». Вообще-то я не очень была в этом уверена, но хотелось так думать. И еще я думала, что, может быть, дело не только в дяде Хэле. Может быть, это мы с Джоном стали другими: ему уже пятнадцать лет, мне двенадцать, и какие-то перемены должны были произойти, что-то должно было случиться.

И случилось. Среди ночи я проснулась от пронзительного крика — у меня даже в ушах зазвенело. Я села в кровати и спросонья никак не могла сообразить, что же происходит, кроме того, что, кажется, случилось что-то ужасное. В комнате мамы и папы вспыхнул свет, затем — в комнате для гостей, где спал Джон, потом я услышала торопливые шаги — кто-то бежал в комнату Сюзи и Мэгги, а вопли все продолжались. Я выпрыгнула из кровати. С бьющимся сердцем влетела в комнату и увидела Мэгги. Она сидела в своей кровати и кричала что было сил.

Папа сказал:

— Джон, Вики, идите по своим комнатам.

Когда папа говорит с нами подобным тоном, мы не заставляем его просить дважды. Я слышала, как он говорил: «Маргарет. Перестань кричать: я считаю до трех». Он начал медленно считать: «Раз, два, три...» Мэгги смолкла, как будто кран закрыли, но тут же захныкала:

— У меня мама умерла, и папа умер, вы должны меня пожалеть!

Папа говорил очень тихо, но я слышала каждое слово:

— Мэгги, какое бы несчастье ни случилось, а с тобой стряслось большое несчастье, необходимо уважать других людей. В этом доме, кроме тебя, еще шесть человек, они пытаются уснуть, и сон им необходим. Если хочешь, пойдем вниз — посмотрим, может быть, удастся успокоиться. А ты, Сюзи, ложись спать. Мэгги больше не будет шуметь.

Папа и Мэгги пробыли внизу довольно долго, я уже почти спала, когда они вернулись в комнату. Мэгги не проронила ни звука, когда папа укрывал ее. Когда через несколько минут погас свет в комнате мамы и папы, ничто больше не нарушало тишины.

Утром мама надела темное платье, а не юбку и свитер, как обычно. Они с папой довезли нас до школы, и нам не пришлось идти обычные полмили до стоянки школьного автобуса. Мама с папой хотели сами представить Мэгги учительнице. Они уже переговорили с директором и решили, что Мэгги начнет учиться в классе Сюзи, потому что она много пропустила и к тому же ей будет легче в классе, где она кого-то знает. Мама с папой собирались вернуться к обеду. Они сказали, чтобы мы с Джоном присматривали за малышами, а я, кроме того, должна была почистить картошку. Роб оставался у соседей до моего возвращения из школы, и я должна была зайти за ним. Мне было как-то не по себе от мысли, что весь день мы проведем с Мэгги одни, без папы с мамой, и мне казалось, что Джон тоже нервничал.

Из школы Мэгги, Сюзи и я поехали на автобусе и, как обычно, пошли вверх по холму к дому. Джон ходит в районную среднюю школу и, как правило, возвращается домой не раньше четырех, так что больше часа я должна была управляться с ними одна. Эта перспектива меня совсем не вдохновляла. Сюзи, конечно, слушается Джона, но со мной всегда спорит или попросту не обращает внимания. Теперь, когда Мэгги вертит ею, как хочет, она Бог знает что может натворить. Я была как на иголках.

Мы зашли за Робом. У него в руках был слоник. Когда-то он был голубым, но со временем стал серым — во всяком случае, это более естественный для слонов цвет. Внутри у него музыкальная шкатулка, которая играет «Колыбельную» Брамса. Роб его обожает. Ему подарили эту игрушку, когда он был еще совсем маленьким, но Роб обращался с ней очень бережно, заводил всегда осторожно, и шкатулка все еще играла свою мелодию от начала до конца. У нас с Сюзи такие музыкальные игрушки всегда быстро ломались.

Как только Мэгги увидела слоника, ей, конечно, захотелось его подержать. Возможно, Роб поступил не очень вежливо: он сказал: «Нет», отдернул руку и еще сильнее прижал слоника к груди. Но на его месте я, наверное, поступила бы так же.

* Печатается в сокращении.

Мэгги обиженно надула губы, но ничего не сказала и продолжала взбираться на холм вслед за Робом. Когда мы уже почти подошли к дому, она вдруг выхватила слоника из рук малыша. Истерически смеясь, она побежала, Роб — за ней. Дразня Роба, она бежала не очень быстро и на ходу заводила игрушку.

Сюзи молчала, но видно было, что она взволнована. Роб заревел. Я ничего не могла поделать: Роб и Мэгги подняли такой шум, что моего голоса совсем не было слышно. Наконец мне удалось их перекричать:

— Мэгги, отдай ему игрушку, пожалуйста!

Мэгги небрежно швырнула слоника в ту сторону, где остановился Роб, и игрушка упала в заросли барбариса. Роб полез за слоником, весь поцарапался и заревел еще сильнее.

Наконец мне удалось заставить их войти в дом. Джон иногда способен довести меня до белого каления, но сейчас я готова была отдать все на свете, только бы он оказался дома. Роб рыдал:

— Он сломан! Слоника сломали!

— Дай-ка его мне, Роб, я посмотрю,— сказала я.

Он отдал мне слоника, и я начала заводить ключом музыкальную шкатулку, но ключ все время проворачивался, как это бывает, когда механизм испорчен, и колыбельная так и не зазвучала.

— Может, мама или папа смогут его починить,— беспомощно сказала я.

— Дай-ка его мне,— сказала Сюзи,— готова держать пари, что он вовсе не сломан. Мы просто поднимаем шум и расстраиваем Мэгги. Держу пари, я заставлю его работать.

— На, профессор,— сказала я,— попытайся.

— Да...— протянула Сюзи, поняв, что музыкальная шкатулка действительно сломана.

Роб перестал реветь. Он взял слоника у Сюзи, прижал его к груди и пошел в кабинет. Он сидел в большом кожаном кресле, обняв слоника, и я видела, что его губы дрожат, а по щекам текут слезы. Но он не проронил ни звука.

Мэгги нимало не «сопереживала».

— Сколько шуму из-за какой-то идиотской старой игрушки,— зло сказала Мэгги.— Разве мать с отцом не могут купить ему другую?

— Можно подумать, что тебе вместо сломанной игрушки тут же покупают новую,— сказала я.

— Конечно.

Бесполезно было убеждать ее, что у нас это не принято, и даже если бы папа купил Робу нового слоника, это был бы совсем другой слоник.

— Мэгги не хотела его сломать,— сказала Сюзи, но голос ее звучал неуверенно.— Не нужно ее огорчать.

Как мне показалось, Мэгги ничуть не огорчилась.

— У вас есть уроки на завтра? — спросила я.

— Только по правописанию нескольких слов.

— Идите, готовьте их.

— Давай сначала поиграем,— сказала Мэгги.— Хочешь, снова в больницу. Пошли, Сюзи.

— Сначала надо сделать уроки, а потом играть,— заметила я.

Но Мэгги уже поднималась наверх, а Сюзи отправилась за ней.

— Сюзи,— закричала я,— мама рассердится, если ты не сделаешь уроки.

— Я потом сделаю, глупая,— отозвалась Сюзи и побежала вслед за Мэгги.

Я пошла к Робу. Он все еще плакал, и когда я попыталась его утешить, оттолкнул меня. Я принесла в кабинет тетради и учебники, села за стол, но никак не могла сосредоточиться. Роб слез с кресла, взобрался ко мне на колени и обнял за шею. Я немного успокоилась.

Конечно, надо было бы пойти наверх и проверить, чем занимаются Сюзи и Мэгги. Я слышала, что они играют, но решила оставить их в покое, пока они не очень шумят. Роб достал свой деревянный поезд и возил его по полу, а я занималась уроками до прихода Джона.

Наконец он появился. Я слышала, как он вешал куртку. Затем Джон вошел в кабинет и бросил на стол свои книги.

— Ну как дела, Вики? Кажется, все хорошо. Робби, привет, старик!

Я угрюмо посмотрела на него:

— В няньки я не гожусь.

— Почему?

Я рассказала о случившемся.

— Я ничего не могла сделать,— закончила я.— Толку от меня никакого. Слава Богу, ты дома. Не знаю, что бы я делала, если бы она выкинула еще что-нибудь.

Джон осматривал слоника.

— Ясно одно,— сказал он, поставив игрушку на стол.— Она испорчена с пеленок.

— Но что с ней происходит? — спросила я.— Ты думаешь, что она всегда такая — испорченная, избалованная? Или это все потому, что ей тяжело сейчас — ни мамы, ни папы?

— Не знаю,— медленно произнес Джон,— что бы мы чувствовали, если бы...

— Прекрати,— быстро прервала его я,— прекрати.

— И все же она отвратительно себя ведет,— сказал Джон.— Наверное, это плохо, но мне не очень-то ее жаль.

— Вот и я об этом думаю,— сказала я.— Сюзи очень ее жалеет, а я не могу.

— Давай попробуем представить,— сказал Джон,— каким был бы на ее месте один из нас. Я хочу сказать, если бы нас было не четверо, то есть если бы вы не родились, то я тоже мог быть испорченным и избалованным.

— Глупости,— сказала я.— Не то глупо, что ты был бы испорченным, а то что нас могло не быть.

— Иногда мне кажется, я был бы этому только рад,— заметил Джон. И я уже готова была рассердиться, как он тут же добавил:

— Ладно, Вики, не будем ссориться. Ты же знаешь, что я шучу. Лучше пойду наверх и посмотрю, чем они там занимаются.

Спустившись вниз, он сказал:

— Веселятся вовсю: растерзали лучшую куклу Сюзи и собираются делать ей операцию.

Обычно Сюзи проводит свои медицинские эксперименты на сломанных куклах. Калечить ради игры новую куклу — не самая удачная мысль, и Сюзи, конечно, это поймет, но будет уже поздно. Мы с Джоном решили не вмешиваться.

— Худой мир лучше доброй ссоры,— мрачно сказала я.— Пойду лучше и займусь картошкой, пока еще что-нибудь не случилось. Вдруг не успею выполнить мамину просьбу до ее возвращения.

— Я помогу тебе,— неожиданно предложил Джон.

Его работа по дому — это рубка дров. Еще он следит, чтобы корзина с дровами была всегда полной, подстригает траву на лужайках и убирает снег с дорожек, а на кухне ему почти ничего не приходится делать. Мы вооружились ножами и приступили к работе.

— Как-то странно без маминых пластинок, а? — спросил Джон.— Может, поставить что-нибудь?

— Угу.

Джон поставил «Кавалера роз», и я обрадовалась: это приятная и веселая музыка — другую мне бы сейчас и не захотелось слушать, а эти мелодичные звуки, казалось, оживили весь дом.

Была еще одна стычка, когда Мэгги и Сюзи собрались смотреть «Клуб Микки Мауса», а Джон попытался заставить их сначала сделать уроки. Но в конце он сдался и вернулся на кухню. Только сейчас мы вспомнили, что ничего не ели после школы, и поняли, что ужасно проголодались. Мы выпили молока с печеньем и отнесли поесть детям, но тут же пожалели об этом, потому что Мэгги и Роб подрались из-за печенья. Я, кажется, никогда еще так не радовалась при виде папы и мамы, как в тот вечер, когда они наконец в шесть часов вечера вошли в дом.

После того, как мама почитала нам и трое малышей были уже в постели, мы с Джоном в пижамах спустились вниз. Мама сказала, что, пока мне приходится спать в одной с Робом комнате, я могу оставаться внизу еще на полчасика, а Джон — пока не сделает уроки. И я подумала: если мне и сейчас хватает того, что нам задают, то что же будет в старших классах? А Сюзи и Мэгги папа сказал, что если они весь день играли, а уроков не делали, то им так и придется объяснить учительнице, а та пускай их наказывает. Ни одной, ни другой это не понравилось. Они хотели просидеть допоздна и сделать задание, но папа им запретил.

— Ну а что у вас, дети? — спросил он, обращаясь ко мне и Джону.

— У меня сегодня немного,— ответила я.— Я уже все сделала.

— А ты, Джон?

— Мне осталось кончить сочинение.

— Ну тогда можно поговорить несколько минут.

Папа подбросил в камин полено и сел. Мама, бросив готовить завтрак, тоже села рядом с нами.

— Ну что, нелегко вам пришлось сегодня? — спросил папа. Мы кивнули. Он помолчал с минуту и сказал: — Обстоятельства так складываются, что Мэгги, очевидно, останется у нас надолго, и придется приспосабливаться друг к другу. Это будет нелегко, но мы не должны забывать, что Мэгги труднее всех. Я знаю, вы оба ей сочувствуете...

— Но в том-то и дело, папа, что нет,— прервал его Джон.— Мы пытаемся, но у нас ничего не выходит.

— А сегодня в школе, папа,— продолжила я,— на переменке она принялась хвастать тем, что ее родители умерли, и самолет, который вел ее отец, взорвался.

— Но это был ее первый день в новой школе! — сказал папа.— Может, ей больше нечем было хвастать.

— Если бы что-то случилось с тобой или с мамой,— сказал Джон,— мы с Вик не стали бы рассказывать об этом каждому встречному.

— Минутку, Джон,— сказал папа.— Мне было примерно столько лет, сколько сейчас Мэгги, когда родился дядя Дуглас, а моя мама умерла. И мне казалось невероятным, что кто-то может не знать об этом, что кто-то, возможно, не догадывается об этом. И когда в тот вечер к нашему дому подошел мальчик — разносчик газет — и позвал меня, как обычно, словно ничего не произошло, мне стало даже неловко за него, что он ничего не знает о событии, которое должно потрясти основы всего мироздания. И я рассказал ему, что моя мама умерла, и чувствовал скорее значительность случившегося, а не горе.

— Большое горе чувствуешь не сразу,— сказала мама.— Знаете, когда сильно порежешься, какое-то время боли не чувствуешь. Рана начинает болеть, когда проходит шок. Так и горе.

— Я, кажется, понимаю,— медленно произнес Джон.

— К тому же,— продолжала мама,— я думаю, что Мэгги относится к своему несчастью не совсем так, как ты в свое время, Уоллес, и не так, как могли бы отнестись к этому наши дети. Уже хотя бы потому, что она была со своим отцом всего лишь месяц, когда произошел несчастный случай. До этого она его совсем не знала.

— Как это — не знала своего отца! Но...— начала было я.

— Не спеши, Вики,— сказал папа.— Мама хочет рассказать вам о прошлом Мэгги. Мне кажется, это поможет понять, почему она такая. Мы все должны постараться ее понять. Нельзя допустить, чтобы один-единственный ребенок, какими бы трагическими ни были его обстоятельства, внес разлад в жизнь целой семьи.

— Для начала она преуспела,— сказал Джон.

— Представь, что ты никогда не знал, что такое быть любимым,— сказала мама.— Представь, что ты никогда не видел отца, а я проводила все время на вечеринках, в путешествиях, оставляя тебя на руках нянек, гувернанток, делая все возможное, чтобы забыть о своем ребенке.

— Я рад, что это не так,— сказал Джон.

— А с Мэгги было именно так,— сказала мама.— Любые игрушки и наряды, и ни минуты настоящего семейного тепла. Ни любви, ни заботы — ничего того, что вам кажется таким естественным. По воскресеньям она обедала со своим дедушкой. Вот и все, что могла ей дать семья.

— А дедушка любит ее? — спросила я.

— Да, и очень, по-своему. Но он совсем не похож на нашего дедушку, Вики, если ты это имеешь в виду. Он одинокий, замкнутый и суровый человек. И с ним произошел сильнейший сердечный приступ как раз в то время, когда умерла мать Мэгги, поэтому ее и отправили к отцу.

— А... от чего умерла ее мать? — спросил Джон.

— От воспаления легких, во время путешествия по Испании.

— Теперь вам легче будет понять ее, не правда ли? — спросил папа.

— Да,— ответила я.

— А почему она живет у нас? — спросил Джон.— Это надолго?

— Дед ее все еще болен,— сказал папа,— и нам остается только принимать все, как есть, день за днем. Дик Гамильтон был просто счастлив, когда к нему привезли дочь. Это было за месяц до катастрофы. Он и понятия не имел, как надо воспитывать ребенка, и она делала, что хотела, а он спешил исполнить любой ее каприз. Но по крайней мере он ее любил, по-настоящему любил, а этого в ее жизни еще не было, и тетя Элина говорит, что она уверена, со временем все бы образовалось, он понял бы, что портит ребенка, что именно так она была избалована раньше. Но у него не хватило на это времени.

Папа замолчал, и Джон спросил:

— Дед, наверное, захочет взять ее к себе, когда

Роб
Мати
Вики
папа
мама

выздоровеет? Во всяком случае, это было бы логично. Ведь у него куча денег, и есть все на свете — она ему не помешает.

— Конечно, нет, но это была бы очень тоскливая жизнь для ребенка. Может быть, мистер Тен-Эйк — это его имя — понимает это. Но мы в этом не уверены.

— Что ты имеешь в виду?

— Видишь ли, у Дика Гамильтона не было вообще семьи, у него не было никого, кто мог бы присмотреть за Мэгги, если бы с ним что-нибудь произошло. Но у него была такая работа, что в любой момент могло случиться все что угодно. Поэтому он попросил тетю Элину и дядю Хэла позаботиться о его ребенке. В завещании он просил их стать ее опекунами.

— Тогда почему тетя Элина не возьмет ее к себе, если он так хотел? — спросил Джон.

— Это не так просто, Джон,— ответил папа.— Во-первых, юридически такое пожелание не является обязывающим. Можно завещать кому-то свою собственность, но, по закону, нельзя завещать человека... Можно только выразить пожелание. Во-вторых, у тети Элины больше нет дяди Хэла. Она теперь совершенно одна. В следующем месяце она отправляется в концертное турне по стране — ей нужно зарабатывать на жизнь. И, кроме того, она в таком состоянии, что сейчас ей необходима музыка.

— Да, трудное положение...— сказал Джон.

— И в этом трудном положении тетя Элина делает все, что в ее силах. Она оказала нам большое доверие, решив, что в нашем доме Мэгги сможет жить той нормальной жизнью, которой она никогда не знала.

— Зато мы вскоре станем ненормальными,— пробормотал Джон.

Папа рассмеялся и сказал:

— Ничего, выдержите. Мы с мамой, тетей Элиной и дядей Дугласом сегодня вечером все обсудили с мистером Тен-Эйком. По закону, решение должен принять он — как ближайший родственник. Будет ли Мэгги у нас две недели, месяц или год, мы не знаем. Мы решили, что пока она останется у нас. Когда мистер Тен-Эйк окончательно поправится, он сможет принять лучшее, с его точки зрения, решение.

— Ну и история,— сказал Джон.— А что ты сам считаешь лучшим решением?

— Не знаю, Джон,— медленно произнес папа.— Как я уже сказал, сейчас нам остается принимать все так, как есть, день за днем.

— Кажется, я понял,— сказал Джон.— Теперь мне ее действительно жалко.

Мы все понимали, но, наверно, этого было недостаточно, или нам с Джоном не хватало выдержки, на которую надеялся папа. Правда, таких бурь, как вначале, уже не случалось; жизнь более или менее вошла в привычную колею. Но, как предупреждали мама с папой, это, конечно, было испытание: куда ни повернешься — везде Мэгги. Казалось, что Мэгги больше, чем всех нас, вместе взятых. Если маме хотелось играть на фортепиано или гитаре, того же хотелось и Мэгги. Если папа приходил домой во время обеда и кружил на руках Роба, Мэгги требовала, чтобы ее тоже покружили, хотя даже Сюзи понимает, что она слишком тяжела для таких развлечений. Джон, правда, с самого начала твердо и недвусмысленно предупредил Мэгги, чтобы она не ходила в амбар и не прикасалась к его скафандру, и, похоже, ему удалось ее напугать: она поняла, что этого лучше не делать. Джон даже нагрубил ей, но я его не виню: у Мэгги, судя по всему, руки чесались, она хватала все, что ей попадалось: безделушки на туалетном столике мамы, игрушки Роба, мои книги.

Однажды дождливым ноябрьским вечером после школы я делала уроки, Джон еще не вернулся домой, а Роб сидел на кухне и заводил пластинки на своем игрушечном проигрывателе. Мама готовила рис по-испански, а Роб все время спрашивал ее, что бы она хотела еще послушать. Никто не беспокоился о Сюзи и Мэгги, все думали, что они, как обычно, играют наверху в куклы или больницу. Должна признать, что мы с Сюзи не всегда ладили, а они играли удивительно дружно. Мэгги решала, во что они будут играть, и если играли в больницу, доктором всегда была Сюзи, а Мэгги соглашалась верховодить во всех остальных играх. Правда, теперь Сюзи уже не разрешала Мэгги портить свои куклы. Но вскоре из Нью-Йорка был доставлен огромный ящик с игрушками для Мэгги, и свои собственные игрушки она стала ломать так же, как и чужие, не задумываясь. Она говорила, что может в любое время написать дедушке, чтобы он прислал еще. Конечно, мама и папа пытались помешать этому, и все же куклы — одна за другой — оказывались «нечаянно» разорванными.

Пришел Джон. Он приготовил себе бутерброд с беконом, салатом и помидором и сказал, что идет к себе наверх готовить уроки.

— Загляни в комнату Сюзи и Мэгги, проверь, чем они там занимаются,— сказала мама.— Что-то подозрительно тихо.

Через минуту Джон сообщил, что их в комнате нет.

— Где же они тогда? — спросила мама.— Вики, пожалуйста, поищи их и приведи сюда.

Я пошла наверх, обыскала все, но их нигде не было. Не было их и внизу. Я подумала, может, они спрятались, чтобы напугать нас. Заглянула под все кровати, открыла все шкафы, но девочек нигде не было.

— Если они убежали на улицу в такой дождь, то я... гоголь-моголь из них сделаю и на тосты их вместо клубничного джема намажу,— сердито сказала мама.— Вики, помешай рис и смотри, чтобы не подгорел. Я выйду, посмотрю, где они.

— Я тоже пойду.

— Нет, милая, останься и присмотри за рисом.

Мама надела плащ, повязала косынку, кликнула собак и вышла на улицу. Из окна я видела, как она ходила вокруг дома под проливным дождем и звала детей. Она вернулась, постояла возле шкафа, притоптывая ногами и стряхивая с плаща капли дождя, а когда она сняла и повесила его, то под ней уже образовалась маленькая лужа.

— Возьми полотенце и оботри Колетт,— попросила она, вытирая Рочестера, прежде чем пустить его греться на кухню, к печке.

Вниз спустился Джон и спросил:

— Что, еще не нашлись?

— Нет,— ответила мама. Я видела, что она обеспокоена.

— Я сам пойду и посмотрю,— сказал Джон.— Ты заглядывала в амбар?

— Нет.

— Ну, если они добрались до скафандра...— начал было Джон и надел свою куртку.

Но их не было и в амбаре.

— У меня возникла идея,— сказал Джон и отправился в папин приемный кабинет.

дедушка Мэгги
папа
Мэгги

Главный приемный кабинет папы находится в Кловенфорде, городке значительно больше Торнхилла, где находится и сама больница. Но у него имеется небольшая приемная и дома.

Джон прошел через прихожую в его кабинет — Сюзи и Мэгги там преспокойно играли. Они положили самую большую куклу Мэгги на тахту для осмотра пациентов и были целиком поглощены операцией. Сюзи орудовала инструментами, взятыми из папиного стерилизатора.

Кажется, я никогда не видела маму такой сердитой. Нам раз и навсегда запретили играть в папином кабинете и заходить туда без разрешения. Сюзи это прекрасно знает. Мэгги тоже знала — папа ее предупреждал, я сама слышала. Конечно, они знали, поэтому постарались пробраться сюда так, чтобы их никто не заметил, через улицу — их мокрые плащи кучей валялись на полу.

Мама сказала:

— Я слишком сердита, чтобы отшлепать вас или даже подумать об этом. Вы получите трепку, когда вернется отец. Ну-ка, отправляйтесь обе наверх и раздевайтесь. Мэгги, ложись в постель и лежи, пока я не позову тебя. А ты, Сюзи, будь любезна, возвращайся сюда, ложись на кушетки в приемной и укрывайся одеялом. Я не хочу, чтобы вы оставались вместе, и требую, чтобы вы хорошенько обо всем поразмыслили, причем серьезно.

Они начали собирать мокрые вещи.

— Нет, нет,— сказала мама,— все оставьте здесь, как было. Пусть отец посмотрит, что вы натворили. На улицу не выходите, идите через дом и сделайте все, как я велела. Немедленно.

Они подчинились. Немедленно. Я еще не видела Мэгги такой послушной.

В постели Мэгги принялась реветь — сверху раздавались громкие, драматические рыдания. В приемной Сюзи лежала на кушетке беззвучно, повернувшись к стене. Мама словно не слышала завываний Мэгги. Джон спустился вниз со своими книгами.

— Извини, Джон,— сказала мама,— постарайся сосредоточиться, если сможешь.

— Все в порядке, мама,— довольно мрачно ответил Джон.— Если тебя это не бесит, то уж мне и вовсе до лампочки.

Через час Мэгги спустилась по черной лестнице вниз и, состроив обиженную, но кокетливую гримаску, обратилась к маме:

— Простите меня, тетя Виктория, мы не знали, что ведем себя дурно.

— Отправляйся наверх и ложись,— сказала мама.

— Но ведь я сказала, что виновата, тетя Виктория!

— Я очень рада, что ты это понимаешь, но все же, Мэгги, иди наверх и ложись. Я скажу тебе, когда можно будет спуститься вниз.

Мама говорила очень тихо, холодно, и Мэгги подчинилась. Потом она начала было опять реветь, но вскоре затихла.

Роб перестал заводить пластинки, и мы вдруг заметили, что его губы дрожат.

— Роб, милый, что с тобой? — спросила мама.

— Я хочу к Сюзи,— сказал Роб.

— Мне жаль, Роб, но Сюзи нужно оставить в покое.

Роб слез со стула, подбежал к маме и, обхватив ее коленки, уткнулся в них лицом.

— Но я хочу к Сюзи!

Мама отстранила его.

— Нет, Роб. Сюзи останется одна. Давай пойдем к фортепиано и споем что-нибудь, пока не вернулся папа. Ты пойдешь с нами, Вик?

Я понимала, что мы пели не только для того, чтобы развлечь Роба, но и для Сюзи с Мэгги тоже. Папа пришел домой в этот вечер раньше, чем обычно, но нам показалось, что никогда еще его не было так долго. Пришел Джон и спел вместе с нами «Моллюск и устрица», «Свет Эддиссона» и «Ты пойдешь по большой дороге» — наши старые любимые песенки. Когда вошел папа, он сказал:

— Какая славная семейная картина! А где же девочки?

И мама ему все рассказала.

Я была ужасно рада, что я не Сюзи и не Мэгги. Дело не в трепке. Главное — разговор с папой.

— То, чем вы играли,— не игрушки,— говорил он, входя с ними в кабинет.— От этих инструментов зависит жизнь людей. Именно поэтому я запретил вам играть в моем кабинете. Ты знала, Сюзи, и должна была объяснить Мэгги.

Дверь за ними резко захлопнулась. Но это было еще не все. Порка и рев были впереди.

Впервые в этот вечер можно было сказать, что Мэгги в чем-то раскаялась. Обе «укрощенные» сидели за столом заплаканные, с покрасневшими глазами. Впервые Мэгги ела молча — обычно за столом только ее и слышно.

Но потом она выкинула такое, чего никто из нас не посмел бы сделать, да нам бы и в голову не пришло. Только Мэгги могла до такого додуматься.

В тот вечер папа вел прием на дому: он обычно это делает дважды в неделю. Он начал прием сразу после обеда. Огни его кабинета освещали вяз за окнами комнаты Роба и Джона — правда, теперь это была наша с Робом комната. Я лежала в кровати, слушала, как похрапывает Роб, и смотрела, как свет из кабинета льется на большие листья вяза, окрашивая их в желтый цвет. Мне было уютно и хотелось спать. Я уже привыкла к широкой кровати Джона. Обе кровати — большая Джона и маленькая Роба — сделаны из светлой сосны, две стены тоже обшиты сосной, гладкими, как шелк, старыми досками почти полуметровой ширины. Две другие стены оклеены голубыми обоями с узором из снежинок. На стене против кровати висит большая картина. На ней — плывущий под парусами корабль, волны голубые, а по небу мчатся белые облака.

Итак, я лежала в просторной кровати, и вдруг раздался крик, душераздирающий крик. На Мэгги это было не похоже, и вообще ни на что не похоже. Я такого никогда не слышала. Я села в постели — сон как рукой сняло,— и вдруг крик повторился. Он доносился из папиного кабинета, но я не могла представить, что там могло случиться. Так еще никто не кричал, даже маленькие дети, которые

боятся уколов. Кто-то пробежал по коридору. Я поняла, что это мама, она спешила вниз, узнать, что стряслось. Со всех ног промчался вниз Джон, Роб не двигался. Несколько минут я боялась пошевелиться. Потом выскочила из постели и побежала вниз за Джоном и чуть не налетела на маму.

— Вики, сейчас же отправляйся в кровать,— резко сказала она.

— Но что случилось? Что?

— Я потом скажу. Иди наверх и ложись.

Она сказала это деланно спокойным голосом, и я повернулась, чтобы подняться наверх, но вдруг увидела папу. Он шел через гостиную, подталкивая впереди себя Мэгги.

— Джон, Вики, немедленно идите к себе,— скомандовал папа, и мы тут же побежали наверх. Джон вошел ко мне в комнату и сел рядом со мной. Мы заглянули к Сюзи,— она безмятежно спала. Стоит только Сюзи заснуть, и ее, как и Роба, ничем не разбудить.

Джон сказал мне:

— Подожди, пока я сбегаю за очками. Я так испугался, что совсем забыл про них.

Тогда я поняла, что он не на шутку перепугался. Джон очень близорук, без очков не видит дальше своего носа и надевает их, когда встает с кровати, инстинктивно. Я слышала, как он на бегу врезался во что-то, но через минуту уже вернулся, одной рукой поправляя на носу очки, а другой потирая подбородок. «Интересно, что же...» — начал было он, но в этот момент мы услыхали рев Мэгги: на этот раз она ревела по-настоящему, от души, без притворства и истерики.

— Бьюсь об заклад, папа ей опять всыпал,— сказал Джон.

— За что? Как ты думаешь, что она натворила?

Вошла мама, посмотрела на нас и машинально сказала: «Говорите шепотом, чтобы Роба не разбудить». Потом она села рядом с нами.

— Что случилось? — спросили мы в один голос.

В свете, пробивающемся из ванной и кабинета, мне показалось, что мама пыталась сдержать улыбку. Она сказала:

— Папа выпорол Мэгги.

— Что она натворила?

— Она сказала, что хотела быть рядом с папой, чтобы он видел, как она во всем раскаивается. Поэтому она пробралась в приемную, спряталась под кушеткой, на которой сидела миссис Элиот, ожидая приема, и ударила ее по лодыжке.

Мы с Джоном прыснули. Мы не могли сдержаться. Миссис Элиот весит почти сто килограммов. Она преподает пение в школе и всегда много говорит о том, как она любит детей, но нам она не по душе. По правде говоря, мы ее ненавидим.

— По такой лодыжке не промахнешься,— заметил Джон.

— Как не стыдно, Джон! — воскликнула мама.— Мэгги так напугала миссис Элиот, что с ней случилась истерика. И смеяться над этим нехорошо. Надо бы пойти вниз и помочь папе привести миссис Элиот в чувство, но я знала, что вы не заснете, пока не узнаете, в чем дело. Джон, иди в свою комнату. Вики, ложись и спи. А я уж заодно отведу Роба в ванную.

Она усадила Роба в кровати, и он, не просыпаясь, обнял ее и крепко-крепко поцеловал. Он одинаково легко бывает и милым, и невыносимым. Затем она поставила его на пол и проводила, все еще спящего, в ванную, а когда он оказался вновь в кровати, тут же громко засопел.

— Надо сказать папе, чтобы он завтра на ночь дал ему антиастматин,— сказала рассеянно мама, наклонилась и поцеловала Роба. Затем она поцеловала меня, и, когда вышла, я услышала, как папа укладывает Мэгги в постель.

— Я не хотела сделать ей больно,— слышала я слова Мэгги.

— Знаю,— отвечал папа.— Но что бы ни сделала миссис Элиот, нельзя оправдать то, что сделала ты. У нее будет огромный синяк там, где ты ее ударила.

— Она сказала, что самолет моего отца не мог улететь на другую звезду. Я рассказывала детям об этом на перемене, а она услышала и сказала, что это неправда. Я ее ненавижу.

Теперь Мэгги расплакалась, расплакалась по-настоящему, не так, как она плакала раньше. Она не визжала, не выла, а просто рыдала. Казалось, этот плач исходил откуда-то из глубины ее сердца, а папа молчал, и я знала, что он сидел рядом с ней и обнимал ее. Вскоре плач прекратился, и она сказала папе:

— Я вас очень люблю.

А папа ответил:

— И я тебя очень люблю, Мэгги.

Затем наступила тишина, папа встал и вышел из комнаты.

На верхней площадке лестницы его ждал Джон.

— Папа, это я виноват,— сказал он.

— Виноват? В чем?

— Это я о звездах... Помнишь, в прошлом году я сказал тебе, что мне вдруг пришло в голову, а вдруг после смерти люди отправляются к звездам, чтобы, ну... вроде... продолжить познание мира?

— И ты рассказал это Мэгги?

— Она сама спросила,— сказал Джон.— Она хотела узнать, что стало с ее отцом, и куда он делся, ведь самолет взорвался прямо в небе, и я сказал, что, возможно, он отправился жить на звезду. А она, наверно, решила, что он улетел к звезде на самолете. Мне очень жаль, папа, я не хотел...

— Ну, ничего, ничего, Джон,— сказал отец.— Мы поговорим об этом завтра. Для Мэгги полезно выплакаться. Мне нужно спуститься к миссис Элиот.

— Но с ней же мама.

— Я знаю. Спокойной ночи, Джон.

Джон вернулся ко мне и снова присел рядом.

— Мерзкая Элиот,— пробормотал он сквозь зубы,— не могла промолчать. Что бы она там ни думала, она не имела никакого права расстраивать Мэгги. Правильно она ее двинула.

Джон замолчал. И вдруг он расхохотался, вслед за ним рассмеялась и я, и мы, держась друг за друга, так и покатились со смеху.

Перевел с английского
Сергей БЫЧКОВ.

Алексей АНДРЕЕВ

МЕЧТЫ, МЕЧТЫ...

Когда раздался звонок, школа привычно зашаталась, но устояла. Вместо стекол и штукатурки из нее с радостными криками посыпались дети. Многие из них, вырвавшись на свободу, старались погромче оповестить мир об окончании своих мучений. И только шестиклассник Митькин уныло плелся домой. По всему было видно, что ничего хорошего от судьбы он уже не ожидает.

— Здоров, Митькин! — Живущий в соседнем подъезде Федюков был вполне жизнерадостен.

— Здорово,— хмуро буркнул Митькин.

— Домой?

— Угу.

Федюков по инерции проскочил немного вперед, затем обернулся.

— Ты чего такой?

— А ну их...— Митькин зло махнул рукой в неопределенном направлении, и Федюков все понял.

— Что, пара? — сочувственно спросил он, пристраиваясь рядом и начиная так же монотонно переставлять ноги. Ответом был глубокий вздох Митькина.

— Да ладно тебе. В первый раз, что ли...

— Дааа...— тоскливо протянул Митькин,— у меня уже четвертая за неделю. И физик отца в школу вызвал. А я ему о тех трех еще ничего не говорил.

Мысленно оценив объем содеянного, Федюков присвистнул. Получалось действительно многовато.

— Не-е-т. Не поможет,— у своего подъезда Митькин вздохнул и уселся на скамейку с таким видом, как будто следующим местом его приземления должен был стать электрический стул.

— Выпорет? — тихо спросил Федюков, кое-что зная о методах воспитания Митькина-старшего.

— Еще как...— поежилась будущая жертва экзекуции.

— Эх! — спустя некоторое время вдруг оживился Митькин.— Мне бы машину времени.

Федюков вздрогнул и изумленно уставился на приятеля.

— Чего?

— Машину времени.

— Зачем?

— Ха! — Митькин ухмыльнулся и, постепенно распаляясь, продолжил: — Да я бы тогда им всем показал. Представляешь! Садишься и летишь лет на тридцать назад, когда наш физик еще только начал в школу ходить. Встречаешь его и — бац! — по ушам. И говоришь: «Привет тебе от Митькина!» И еще раз! И исчезаешь. А потом к нашей классной, когда она еще первоклашкой была. Представляешь — идет чистенькая, наряденькая, а ты ее в лужу... А?! А трудовика поймать — и фингал под глаз! А математичке — чернил в портфель! А к директрисе домой прийти и все варенье слопать. Пусть потом доказывает, что не она. А завучу...— замолчав на полуслове, он вытаращил глаза и уставился на что-то прямо перед собой. Федюков сделал то же самое и распахнул рот. И было от чего. Перед ними стоял незнакомец. Голова незнакомца была увенчана каким-то фантастическим шлемом, провода от которого уходили в странного вида аппаратик за его спиной.

Незнакомец шагнул к скамейке и строго спросил:

— Кто из вас Митькин? Ты? — ткнул он пальцем в Федюкова. Тот испуганно замотал головой и покосился на приятеля.

— Ты?

Митькин тоже замотал головой, но не так убедительно. Одновременно он хотел что-то сказать, но не смог произнести ни слова.

— Так, — незнакомец с мрачным удовлетворением оглядел обоих.— Отлично,— и отвесил Митькину увесистый подзатыльник.

— За что?! — сразу обрел дар речи Митькин.

— За будущее,— холодно пояснил незнакомец и цепко ухватил его за ухо.— Я к тебе оттуда.

— А теперь, Митькин,— продолжал тем временем незнакомец,— слушай и запоминай. И не вздумай чего-либо забыть. Когда вырастешь и начнешь работать, во-первых, не воруй, во-вторых, не хами и, в-третьих, веди себя скромно и не суй свой нос,— свободной рукой он больно дернул Митькина за нос,— в чужие дела. Понял?

— Дааа...— плачущим голосом прошептал Митькин.

— Не забудешь?

— Н-н-е-ет.

— Ну гляди,— незнакомец с сожалением отпустил ухо Митькина и, выпрямившись, грозным тоном добавил: — Я сейчас слетаю обратно, проверю и, если окажется, что ты чего-нибудь забыл, вернусь. Усек?

Митькин, еще не веря до конца в избавление, так рьяно закивал головой, что в глазах его потемнело.

— Чао-какао,— произнес незнакомец и, сделав шаг назад, исчез.

Митькин продолжал кивать. Вместе с ним кивал и Федюков. На всякий случай.

Рисунки А. МАРТЫНОВА.

Виктор ШЕНДЕРОВИЧ

КРОКОДИЛОВЫ СТРАДАНИЯ

Я бы — вот бы славно было —
Завела бы крокодила!
И отмыла бы от ила,
И назвала бы — Гаврила!
Был бы он совсем негрубый,
Мыл бы уши, чистил зубы,
И соседке, Марьиванне,
Строил глазки, лежа в ванне.
Он бы кушал все подряд:
Кашу с маслом, шоколад,
Соль, баранки, апельсины,
Дядю Пашу, тетю Зину.
Я б гулять его водила...
Тяжело без крокодила!

Николай Ламм

Жиртреска

Рано утром бабушка съездила на рынок и привезла курицу. Курица была живой. Выбравшись из авоськи, она возмущенно закудахтала, бросилась к двери и стала что есть мочи долбить ее клювом.

— Я прошлым летом в пионерском лагере дятла видел. Он тоже клювом по дереву стучал,— важно сообщил Витя.

Димка взял с полки книжку и ткнул пальцем в картинку с изображением Бабы Яги и ее избушки.

— Смотри, ноги точь-в-точь...

— Похожи...

— А ты говорил, что в этой книжке все врут.

— Конечно, врут. Никаких Баб Яг нету.

— Не, не врут. Ноги-то у избушки вправду куриные.

Витя с неохотой оторвал взгляд от курицы и презрительно посмотрел на младшего брата.

— Это у тебя мозги куриные. То ж — картинка.

Курице тем временем надоело без толку колотить в закрытую дверь. Пришел ее черед изучать братьев. Она уставилась на них своими прозрачными, как маленькие бусинки, глазами и недоверчиво заморгала.

— Во, моргает,— заметил Димка.

Курица, будто сообразив, что Димка догадался, чем она в данный момент занимается, моргать перестала.

Из кухни выглянула бабушка с огромным режиком в руке. Так Витя называл ножики. Иногда он подходил к кому-нибудь и говорил: «Я тебя сейчас режиком заножу». При этом Витя громко смеялся. Он считал себя очень остроумным. И хотел, чтобы все остальные так считали.

Режик, который сейчас бабушка держала в руке, она выменяла вчера в магазине у продавщицы тети Киры. Он был длинный, тонкий и острый. А тетя Кира была толстой и с усами. И колбасу она резала толстыми невкусными кусками.

— Очень я, Луша, твой квас уважаю,— сказала она бабушке, отдавая режик,— а то бы ни в жизнь с таким ножом не рассталась. Трофейного производства изделие...

Витя представил, как фашисты с такими режиками шли в атаку на тети Кириного мужа дядю Маркслена, но он их без всяких режиков — раз-раз! — и уложил, и режики отобрал. Потом один из них привез тете Кире в подарок. Его надо было в шкафу держать в красивой коробочке, а она им колбасу резала...

Увидев бабушку с этим замечательным режиком, Витя даже про курицу забыл.

Димка тоже забыл про курицу.

— Бабуля,— радостно заорал он,— ты, как этот... ха-ха-ха... ну, как этот... ха-ха-ха... который без ноги... ну, как пират!..

В косынке, повязанной узлом назад, с сережками-колечками в ушах и огромным ножом в руке бабушка и впрямь была похожа на пирата. Только на очень маленького и худого...

Витя одобрительно кивнул брату. Мол, юмор понял. Молодец! Давай в том же духе! И сам тоже начал громко смеяться.

Бабушка на их смех внимания не обращала. Она каким-то странным взглядом смотрела на притихшую курицу.

— Вот ведь птица! Уже нагадила. Да цыц вы! — Это уже относилось к внукам.— Ишь, разбаловались. Совсем мне курицу запугаете. А ну, давайте отсюдова...

Взглянув еще разок на пернатую гостью, братья направились в комнаты. Курица попыталась было прошмыгнуть за ними, но бабушка с неожиданной ловкостью успела затолкать ее в ванную.

— Ах, попалась, птичка, стой, не уйдешь из ванной,— пропел напоследок остроумный Витя и, дав Димке минуты две для выражения восторга по поводу этой только что придуманной песенки, перешел на шепот: — Пошли в штаб. Дело есть.

Штаб находился в темной комнате за большими напольными часами. Здесь в полумраке и тишине, нарушаемой лишь протяжным поскрипыванием маятника, приятно было шептаться о делах секретных и опасных.

— Этот режик бабушка специально для меня выменяла,— первым делом похвастался Витя.

— Врешь! — Димка, приехавший к бабушке только вчера вечером, о происхождении ножика ничего не знал.

— Мамой клянусь! Так и сказала: «Хочу, чтобы у моего внука в Москве было самое настоящее трофейного производства изделие».

— Я тоже — внук.

— Ты — младший. Тебе пока рано.

Димка обиженно надул губы. Ссориться с братом в первый же день в Витины планы не входило.

— Ладно, не бойсь,— утешал брата Витя.— Сходим к дяде Маркслену. Может, он еще один на квас сменяет. Нам же не какую-то колбасу резать. Нам — в Москву. Для дела.

— Для какого?

— Ну, мало ли в Москве дел,— загадочно пояснил Витя.

Димка не очень понял, для каких таких дел в Москве может понадобиться нож. Однако иметь его Димке очень хотелось и, чтобы брат не передумал сходить к дяде Маркслену, он на всякий случай согласно закивал.

— Да, в Москве дел много...

Тут до них донеслись взволнованное куриное кудахтанье и приглушенное бабушкино причитание.

— Кудахтают,— развеселился Димка. Однако Витя его веселья не разделил.

— А ну, пошли,— скомандовал он и с очень озабоченной физиономией начал выбираться из-за часов. Димка послушно последовал за ним.

Дверь в ванную была заперта.

— Куд-куд-куда, ку-уд, кууд! — надрывно кричала за ней курица.

— Ох, егрец тя подыграй, ох, пролик расшиби,— ругалась бабушка.

— Бабушка, ты что там делаешь? — поинтересовался Витя, прижавшись ухом к двери.

— Ку-уд, ку-уд, куда,— ответила ему курица.

— Бабушка, не молчи. Я знаю, что ты там. Ты что там де...— И тут он понял, что там делает в ванной бабушка. Понял, похолодел от ужаса и, округлив свои и без того немаленькие глаза, заколотил кулаками в дверь.— Не смей. Не смей! Слышишь, что я тебе говорю! Открой немедленно!

— Как же, послушалась я тебя. А ну, кончай стучать и марш отсюда.— Голос у бабушки был усталый и обиженный.

— Не маршу! Не маршу! — У Витьки на глаза навернулись слезы.— Нельзя резать курицу! Нельзя! Выпусти ее!

Когда до Димки наконец дошло, что происходит сейчас в ванной комнате, он своим мощным ревом тут же поддержал брата:

— Бабуля, не режь курицу. Она живая! Не ре-ежь!!!

— Да не режу я ее! Не режу! Уймитесь! — соврала из-за двери бабушка, но тут же себя выдала:— Я же для вас, дураков, стараюсь. Сами небось куру вареную и бульончик любите...

— Мы мертвых куриц любим. Мертвых.— Димка чуть не задохнулся от возмущения.— Которые без перьев и не кудахтают...

— Да, мы мертвых любим! — согласился с братом Витя.

— А откуда они, мертвые-то, берутся? — язвительно спросила бабушка.

— Из магазина они берутся. Вот откуда. А эту не трожь.

— Лучше открой! А то хуже будет,— пригрозил Витя.

— Как же, открою я тебе! Сейчас так открою!

Но как именно собиралась открыть дверь бабушка, ребята так и не узнали. Из ванной вновь послышались возня и кудахтанье.

— Живодерка! — заорал Витя, вспомнив недавно вычитанное и теперь явно пришедшееся кстати слово.— Живодерка!

— Жиртреска! — поддержал его Димка и тоже стал колотить кулаками в дверь ванной.

— Ты что? — опешил Витя.— Какая же она жиртреска?!

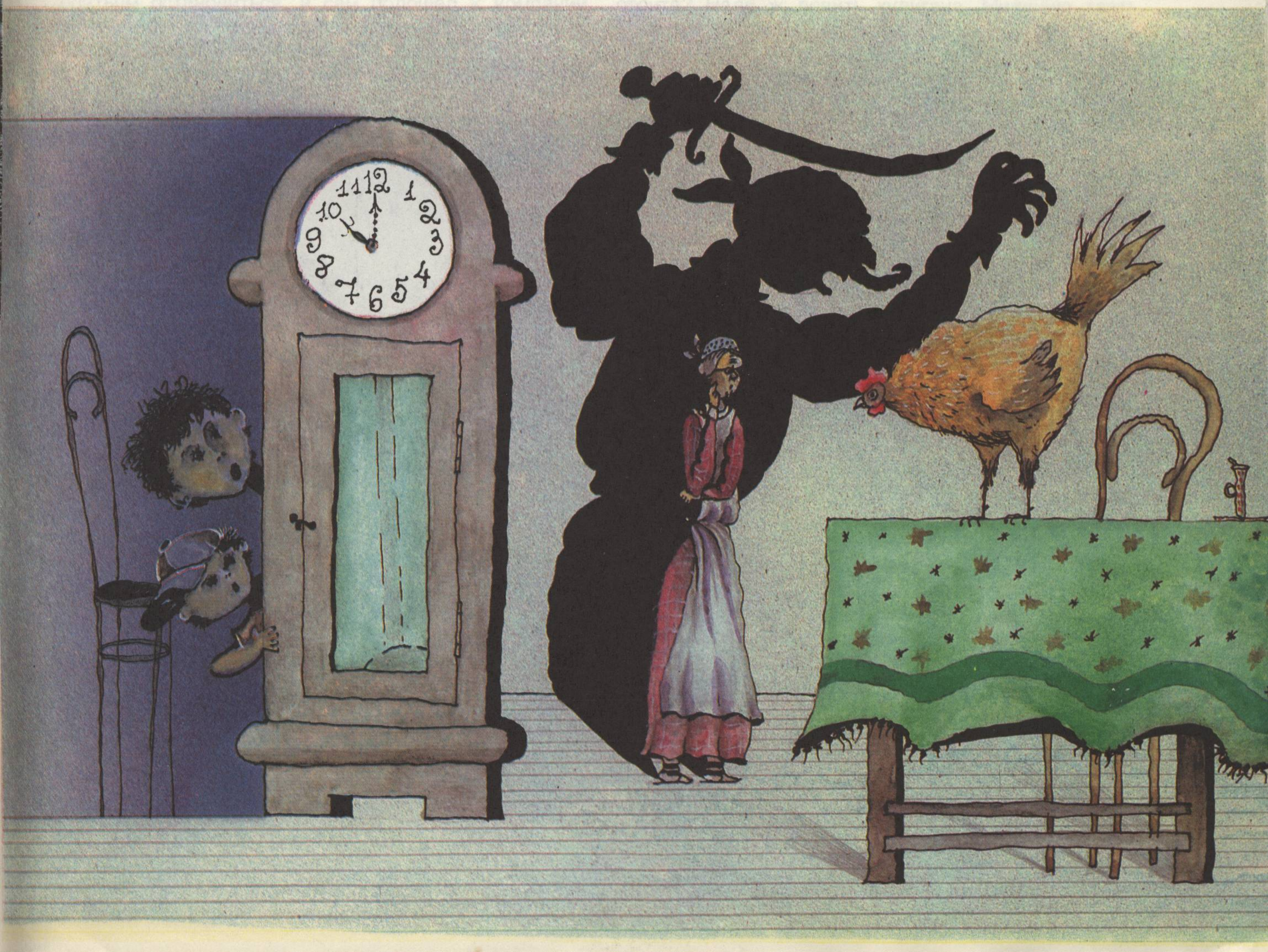
Витя даже перестал от удивления орудовать кулаками. Но Димка не унимался:

— Жиртреска! Жиртреска, выпусти курицу!

— Да погоди ты! Она не жиртреска, понял? Она живодерка. Жиртресы — это которые толстые. А живодеры — это которые животных мучают. Живодерка она, живодерка. Повтори!

— Я вам сейчас повторю! — Дверь в ванную с треском распахнулась, и оттуда появились одинаково разъяренные бабушка и курица.— Вы у меня допovторяетесь.

Рисунки М. АЛЕКСАНДРОВА.

Бабушка схватила обоих братьев за шиворот и поволокла их на лестничную площадку. Курица почему-то ей усердно помогала, тыча носом в босые ноги ребят. Как будто это они, а не бабушка всего минуту назад пытались отрезать ей голову трофейным режиком.

На улице Витя долго грозил кулаком балкону их квартиры. Бабушка предусмотрительно на балкон не выходила, что придавало внуку особенно много смелости.

— Справилась, да, справилась? — выкрикивал он.— Ничего, мы тебе не курица. Мы отомстим. Будешь знать, как куриц резать и родных внуков из дома выгонять... Мы тебе так отомстим...

— А как мы ей отомстим?

Вопрос брата поверг Витю в непродолжительное раздумье.

— Мы ей просто отомстим. Мы ее изобьем!

— Сами?! — ужаснулся Димка.

— Нет, не сами. Мы хулиганов позовем.

— А где мы их найдем?

— Ну-у,— замялся Витя.— Есть тут у меня один знакомый хулиган. Павлик.

Хулиган Павлик жил на соседней улице. Братья долго топтались возле его квартиры, не решаясь позвонить.

— А он настоящий хулиган? — боязливо расспрашивал Димка.

— Настоящий...

— А ты откуда знаешь?

— Тетя Кира бабушке говорила.

Кто такая тетя Кира?

Продавщица.

— А она откуда знает?

— Ну что ты привязался? — зашипел на брата Витя.— Откуда, откуда... Мама она его, понял? И все время нашей бабушке жалуется, что ее сын настоящий хулиган...

При слове «хулиган», словно по волшебству, дверь распахнулась. На пороге стоял хулиган Павлик в белой нейлоновой рубашке в полосочку, в черных отутюженных брюках и лакированных новеньких туфлях, которые все в городе называли почему-то «мокасинами». Был он головы на две выше старшего из братьев и в два раза его шире. Но из-за своего внешнего вида вовсе не походил на тех хулиганов, что оба брата не единожды видели по телевизору. Димка даже разочаровался.

— Здравствуй, Павлик. Ты меня не узнал? Я — Витя. Лукерьи Андреевны внук. Помнишь, мы у вас недавно в гостях были. А это — Дима — мой двоюродный брат. Он только вчера приехал,— с перепугу тараторил без остановки Витя, заискивающе заглядывая Павлику в глаза. Но глаза Павлика абсолютно ничего не выражали.

— Ну,— сурово перебил он Витю.

И тут Димка чуть все не испортил.

— Павлик, а ты правда хулиган?

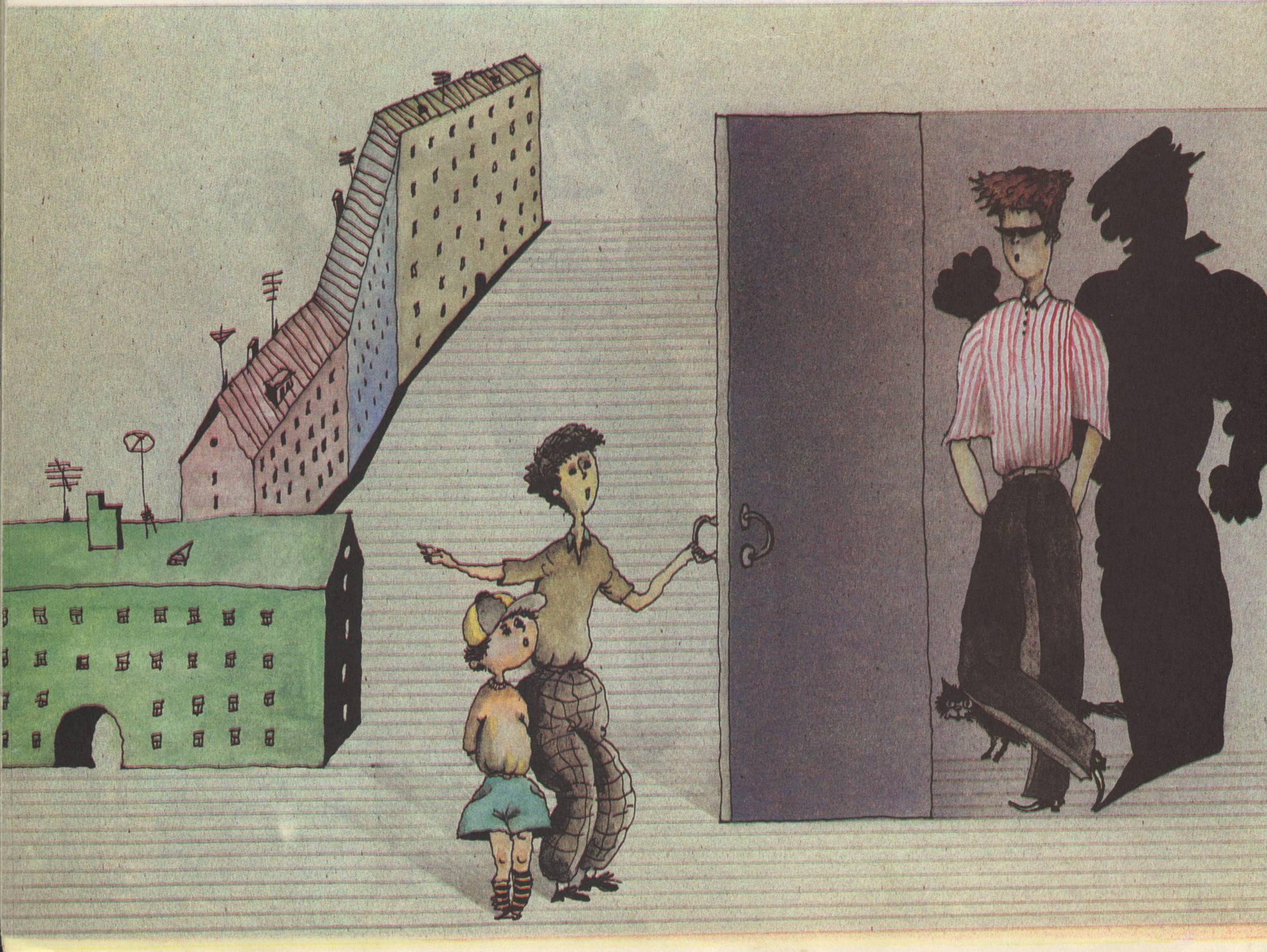
Витя остолбенел от ужаса. Павлик же перевел взгляд на Диму и вдруг улыбнулся.

— Ну!

Если Павлик и знал какие-нибудь еще слова, то, видимо, употреблял их крайне редко. Однако его улыбка вселила в Витю надежду. Он решил брать быка за рога.

— Павлик, помнишь, ты говорил, что... ну, если меня кто обидит, то я могу к тебе обращаться...

— Ну? — На сей раз в Павликовом «ну» явственно слышался вопрос, но звучал он уже не сурово, а скорее заинтересованно.

— Вот я, то есть мы — и обращаемся. Надо тут одному человеку отомстить.— Он знал, что здесь, на юге, кровным обидам придают особенное значение. Однако на всякий случай личность своего «кровного врага» решил до поры до времени не открывать. Боялся, как бы Павлик не испугался раньше времени.

Пока же Павлик явно напуган не был. Он закрыл на ключ дверь и, мотнув головой, приказал братьям следовать за ним.

— Может, ты еще кого с собой возьмешь? — осторожно намекнул Витя.— Он все-таки старше...

— Здоровый? — это было первое слово, состоящее более чем из двух букв, произнесенное хулиганом Павликом за весь разговор.

Витя мысленно сравнил довольно тщедушную бабушкину комплекцию и мощную фигуру Павлика. Сравнение было явно не в бабушкину пользу. Но сводить их в схватке один на один Витя все же не без основания опасался.

— Здоровый,— после минутного раздумья сообщил он Павлику.

Павлик тоже подумал с минуту.

— Ладно, пойдем пацанов позовем. Но бить все равно один буду, понял? А они пусть так постоят, посмотрят, чтобы он, не дай божок, нож не достал.

— Да, нож у него есть,— закивал головой Димка и даже показал Павлику размеры имеющегося у врага ножа: — Вот такой...

Витя больно ущипнул брата. Ведь ножа даже хулиган испугаться может. Зачем же раньше времени о режике болтать. Но Павлик, видимо, и не думал пугаться. Он лишь насупился и ускорил шаги.

На углу Руставели и Пушкинской он приказал братьям остановиться, а сам подошел к компании ребят, одетых точно в такие же белые рубашки, черные брюки и туфли, как и он.

Минуты три он чего-то им объяснял, затем вернулся к Вите и Димке:

— Ну, показывай.

И Витя повел всех к дому. Впереди шли он и Димка, а за ними в полном молчании двигалась компания Павликовых хулиганов. В том, что все они хулиганы, Витя нисколько не сомневался. Иначе зачем бы их Павлик взял с собой.

Бабушку братья увидели издали. Она стояла на балконе и вертела головой во все стороны.

— Где это вас черти носят? — едва заметив внуков, закричала она.— А ну, быстро домой!

— Здравствуйте, тетя Луша,— вежливо поздоровался с ней Павлик.

— Здравствуй, здравствуй,— заворчала бабушка.— Ишь, нашли себе компанию. А ну, домой, говорю!

Павлик явно почувствовал себя не в своей тарелке.

— Эй! — зашипел он на братьев.— Давай показывай быстрей, кого бить! Видишь, бабушка ругается...

— Его надо бить,— указал рукой на бабушку Димка.

— Кого?! — не понял Павлик.

— Ну, он — это она,— подтвердил Витя и вдруг жутко испугался своих собственных слов.

Каким-то неясным образом бабушка все поняла:

— Ох ты, егрец тебя подыграй. Меня? Меня бить? Бабку родную? Ну, спасибо вам, внучки! Ну, спасибо! Век не забуду! — И тут она обратила свой гнев на Павлика.— А ты, дылда здоровенная, ты-то о чем думал? Они еще дети малые. У них мозгов сколь у лошади перьев. А ты соображать должон. С пожилой старухой драться собрался! Не стыдно?! Все матери расскажу...

На бабушкины крики начал собираться народ. Павлик стал красным, как хороший августовский помидор. Кто-то из его компании открыто посмеивался, кто-то, потупив голову, упорно ковырял носком мокасинов асфальт. Витя и Димка попытались было предусмотрительно испариться, но обступившая их толпа резко уменьшила их шансы на побег. И тут Павлик пришел в себя:

— Ладно, теть Луш, извините. Ошибка вышла. Пошли, пацаны. Видите, с козлами связался.

— А может, этим козлам врезать на всякий случай? — кивнул в сторону братьев кто-то из Павликиной компании.

— Им бабуля сама врежет. Бойкая старушка,— хихикнул другой голос.

Павлик грозно глянул на Витю. На Димку он почему-то совсем не глядел. И Витя почувствовал страшную слабость под коленками и внизу живота.

— Козел он и есть козел,— мрачно проговорил Павлик.— Руки об тебя марать неохота.

Он подошел к Вите, развернул его и довольно основательно съездил ему под зад своим остроносым башмаком. Потом кивнул товарищам, толпа перед ними как-то боязливо расступилась, и они покинули поле несостоявшегося боя.

Бабушка, притихшая было под сочувственное цоканье народа, вновь раскричалась. Теперь она защищала не себя, а внука:

— Ты что же это сделал, ирод? Ты с кем связался?! Зачем малого зашиб? Люди добрые, что же вы стоите? Надо ж ловить хулигана. Милицию звать. Малой весь плачет от боли...

Но «люди добрые», поняв, что представление окончено, стали потихоньку расходиться. Ловить хулигана и вызывать милицию почему-то никто не спешил...

А Витя действительно плакал. Но вовсе не от боли, хотя и содрал об асфальт коленку. Он плакал от обиды. И еще сам не знал от чего...

Домой братья вернулись только вечером. Бабушка открыла им дверь, скосила взгляд на разбитую Витину коленку, но ничего не сказала, а только сердито хмыкнула и ушла к себе в комнату. Витя, склонив голову, последовал за ней.

— Бабуль, ты это... Ты нас прости. Мы больше так не будем.

— Как это вы, интересно, больше не будете?

— Ну, так не будем... Звать тебя бить кого-нибудь не будем...

— Сами, что ли, бить теперь станете?

— Да нет, ты что! Прости, ладно?

— А обзывать бабушку родную по-всякому будете?

— Не будем. Честно. Но ты же сама виновата. Зачем ты курицу убить хотела?..

Ответить бабушка не успела. В комнату с криком ввалился Димка.

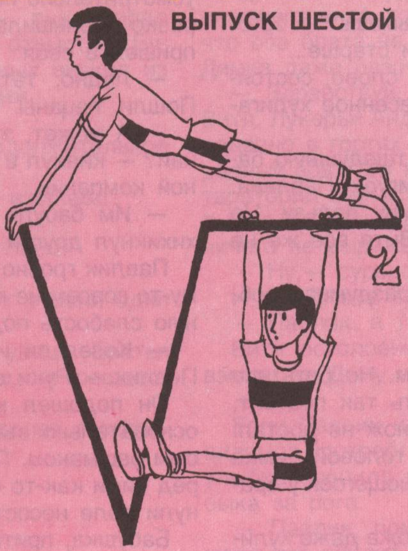
— Витьк, смотри, а бабушка-то наша не жиртреска. Правда, правда, совсем не жиртреска.

— Кууд-да, кууд-да,— как бы подтвердила его слова курица.

Она сидела у него на руках и даже не пыталась вырваться. Взгляд ее маленьких прозрачных глаз был уже не столь недоверчивым, как утром...

ФОРМУЛА БЕГА

ВЫПУСК ШЕСТОЙ

Животные — друзья и... тренеры

Превосходство животных в беге на короткие дистанции человек использует не только как кладезь секретов скорости, но, если можно так выразиться, и непосредственно. Меньшие братья становятся его друзьями, партнерами по совместным тренировкам, а иногда и тренерами. Так, спортсмен из Уганды Джон Акии-Буа с детства бегал за прирученной зеброй, стараясь схватить ее за хвост. Правда, зебра всегда была быстрее, но она помогла африканскому атлету стать мировым рекордсменом и олимпийским чемпионом в беге на 400 метров с барьерами.

Супруги Энн Пэккер и Роберт Брайтсуэлл на Олимпийских играх в Токио неожиданно завоевали золотую и две серебряные медали в беге на 400 и 800 метров. Много лет они скрывали секрет своей подготовки и, лишь оставив беговую дорожку, признались, что всегда проводили тренировки вместе со своей собакой, «стараясь не очень отставать от нее».

А знаменитый марафонец, победитель Римской и Токийской олимпиад, Абебе Бикила из Эфиопии тренировался вместе со львом. В 1967 году он взял на воспитание крохотного львенка, приручил его и затем приобщил к своим тренировкам. Конечно, на длинные дистанции лев бегать не мог, и, пока хозяин «накручивал» многокилометровые круги, он сидел и преданно ждал его возвращения. Но когда Бикила оттачивал скорость бега, скучать им не приходилось — лидировали поочередно.

Но тренерами, оказывается, могут быть не только четвероногие друзья... Выдающиеся кенийские бегуны, двукратный олимпийский чемпион Кипчого Кейно и Уилсон Кипругут, независимо друг от друга нашли, что лучше всего тренироваться со... страусом. Эта сильная птица может бегать со скоростью до 80 км/час, но при этом следит, чтобы не опережать партнера более чем на три метра. Для бегуна трудно придумать лучшего лидера.

Заячья тактика

Рассказывая о роли животных в успехах человека на беговой дорожке, нельзя обойти молчанием еще одну весьма любопытную историю... Дело в том, что спортивная биография прославленного советского атлета, олимпийского чемпиона и рекордсмена мира Владимира Куца тесно связана... с зайцами в прямом и переносном смысле слова.

— Услыхал я в детстве, что греческий пастух ловил на бегу зайцев,— вспоминал как-то Владимир Петрович.— Сказал ребятам, и мы решили попробовать. Благо косые за околицей в лесу. Бегал я за ними, бегал, один раз, поверите ли, чуть не поймал. Только и было утешение, что друзья наловили не больше.

Позже узнал, что история про пастуха — легенда. А догнать вспугнутого зайца можно, только если бегать стометровку секунд за семь — в полтора раза быстрее мирового рекорда. Такая скорость человеку вообще недоступна. Но тогда мы этого не знали, отчаянно гонялись за зайцами и искренне переживали неудачи. Придумали даже игру «в зайца»: один из нас — «заяц» отходил метров на двадцать и припускался бежать что есть мочи, а мы старались его догнать...

Поймать живого зайца мне так и не удалось, а вот быстро бегать, азартно соревноваться полюбил на всю жизнь.

Владимир Куц извлек урок из детского увлечения, и это помогло ему стать одним из лучших бегунов мира. Свои блестящие победы он одерживал благодаря тому, что всегда стремился бежать впереди соперников, то есть выполнять роль зайца, за которым гонялся в детстве.

* * *

Заканчивая разговор о беге, хочу ответить на некоторые вопросы, которые ребята задают в своих письмах в «Пионер».

«Что полезнее: тренироваться в беге на длинные или на короткие дистанции?» — спрашивает Игорь Новиков из Смоленска.

Бег на короткие дистанции развивает быстроту, резкость, умение «взрываться», в то время как бег на длинные дистанции воспитывает выносливость, способность выполнять работу «не уставая». Сам понимаешь — в жизни важны и те, и другие качества. Именно поэтому советую тебе уделять внимание в тренировках обоим видам бега.

«Я занимаюсь в школьной секции легкой атлетики и хочу стать спринтером, но успехи пока «не очень». А в кроссах я легко обгоняю даже ребят из восьмого и девятого классов, хотя сам учусь только в пятом. Учитель физкультуры советует заниматься бегом на длинные дистанции. Что вы об этом думаете?» Такое письмо прислал Руслан Табеев из города Нальчика.

Руслану и другим ребятам, заинтересовавшимся спортивным бегом, могу сообщить о выборе дистанции следующее. Успехи в беге на той или иной дистанции зависят не только от желания и усердия в тренировках, но и от особенностей строения мышц, сердца, легких, нервной и эндокринной систем. Все это вместе и определяется как спортивный талант. У ребят с талантом спринтеров, например, мускулы от природы способны сокращаться и расслабляться значительно быстрее, чем у тех, кто талантлив в беге на длинные дистанции. Зато у последних мускулы могут работать без утомления во много раз дольше, чем у спринтеров.

Для физкультурного бега особенности сердца, мышц и всего прочего не имеют существенного значения — важно только быть здоровым.

Иное дело спортивный бег, где есть желание побеждать, стать лучшим. Тут нужно выбирать дистанцию в зависимости от своего таланта, иначе ничего не добьешься. Если бы, допустим, Валерий Борзов решил стать марафонцем, боюсь, что он не смог бы выполнить норматив второго разряда, так как у него природные данные спринтера. И наоборот — великий стайер Пааво Нурми, не проигрывавший на длинных дистанциях никому, безнадежно отставал на стометровке от заурядных спринтеров.

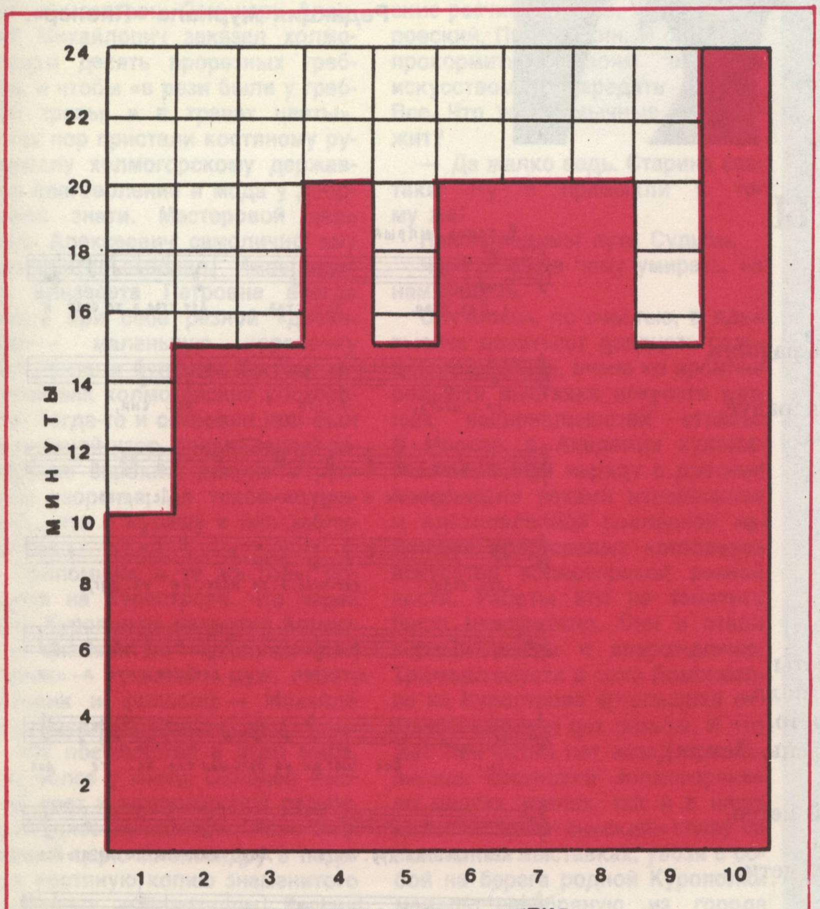
Как же быть Руслану и другим ребятам? Пробуйте себя на разных дистанциях. Те, на которых вы легко опережаете сверстников, на которых быстрее других добиваетесь заметных успехов,— ваши! На них и надо специализироваться, не забывая, конечно, другие дистанции.

Оля Агабекова из Пятигорска интересуется: «Правда ли, что бег делает человека более красивым?»

Суди сама. Под влиянием бега «уходит» лишний вес, чрезмерно полные девочки и мальчики становятся стройными, изящными. Под влиянием бега появляется хорошая осанка, а неуклюжие движения приобретают мягкость, плавность, даже грациозность. А теперь представь себе девушку или юношу с ладной, отлично скроенной фигурой, легкой походкой, безупречным умением владеть своим телом. Увидишь — залюбуешься! И все это дают регулярные беговые тренировки.

«Я почти каждый день играю в футбол,— пишет Дима Ранцев из Душанбе.— Могут ли и мне пригодиться специальные тренировки в беге?»

Всем известно, как в Бразилии любят футбол: мальчишки играют в него с утра до вечера, а уж игроки ведущих клубов, бесспорно, являются мастерами экстра-класса. И тем не менее на протяжении многих лет бразильская сборная, составленная из лучших футболистов, довольно неудачно выступала в международных встречах, часто терпела поражения. Тогда тренер сборной Феола пригласил в команду известного ученого, знатока бега и создателя аэробики Кеннета Купера. Познакомившись с игроками, Купер пришел к выводу, что они не умеют ... бегать. Целый год он работал с командой, занимаясь беговыми тренировками, и результат не замедлил сказаться — бразильцы стали чемпионами мира.

«Слышала, что для бега надо надевать шерстяные носки. Зачем же их надевать летом, ведь и так жарко?» — спрашивает Катя Суровцева из Владивостока.

Во время бега ноги потеют, кожа на них становится влажной, мягкой и иногда «стирается» до крови. Шерсть же обладает свойством впитывать лишнюю влагу, сохраняя ноги сухими и таким образом уберегая их от потертостей и мозолей.

Физкульт-практикум

(только для тех, кто хочет бегать ХОРОШО)

I. Продолжаем тренировки в медленном беге (программа № 4), соблюдая правила, изложенные в предыдущих выпусках «Формулы бега», но... учитывая, что зима на носу, советую проводить их один раз в неделю. Вторую плановую тренировку можно заменить катанием на лыжах или коньках, а третью — медленным бегом с комплексом силовых упражнений (см. предыдущий выпуск).

II. Для тренировок в быстром беге лучше воспользоваться спортивным залом, тренируясь на отрезках 50—60 метров. Их можно дополнить игрой в баскетбол или в футбол, ставя перед собой задачу в игровых эпизодах делать рывки, ускоряться из всех сил.

III. Если ты легко выполняешь программу № 4, можешь не сомневаться, что научился бегать не хуже старшеклассников. С таким «багажом» можешь при желании идти в секцию легкой атлетики, в спортивную школу — тебе везде будут рады. А коли хочешь бегать просто «для себя» — тоже очень хорошо. Бег поможет тебе быть крепким, здоровым, находиться в отличном настроении и не болеть. Если же возникнет желание заняться каким-то видом спорта или выбрать такие трудные профессии, как летчик, геолог, космонавт, актер, журналист,— закалка, воля, которые воспитывает бег, пригодятся тебе наверняка.

М. ЗАЛЕССКИЙ

СЛОВО О ДРУГЕ

Трудно, очень трудно терять друзей. И еще трудней, если в это невозможно поверить. Вот, кажется, он шумно, весело распахивает редакционные двери — ту комнату, где у нас стоит старенькое, видавшее виды пианино. «Это Юра, у него новая песня!» — сбегается весь редакционный народ. Он был влюблен в жизнь, в солнце, в приключения, в школьные радости и неурядицы — во все, что радует или печалит ребят. К жизни детской он прибавлял щедро свои лучики радости — песни. Он придумал их!.. Они легко запоминались, звучали везде: в школе и пионерском лагере, на концертах и просто так... И, конечно, никогда не забудутся. И мы, журналисты «Пионера», никогда его не забудем. Композитор Юрий Михайлович ЧИЧКОВ был бессменным членом редколлегии журнала, верным ее другом. Что к этому добавить? У него было немало высоких наград. Но самая большая — его слава в Стране Детства, а ее ведь не так легко заслужить.

Редакция журнала «Пионер».

ДЕТСТВО — ЭТО Я И ТЫ

Слова М. ПЛЯЦКОВСКОГО.
Музыка Ю. ЧИЧКОВА.

**Детство, детство, детство — это свет и радость,
Это песни, это дружба и мечты.
Детство, детство, детство — это краски радуг,
Детство, детство, детство — это я и ты!**

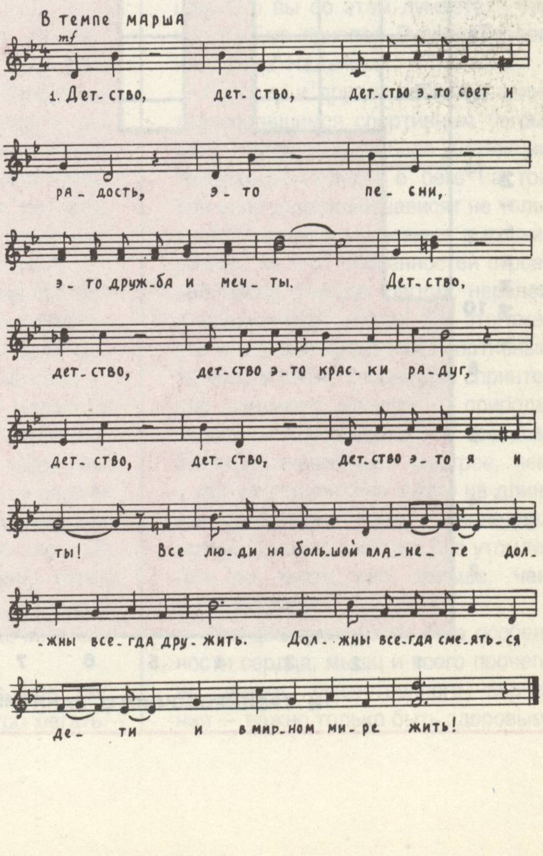
**Припев
Все люди на большой планете
Должны всегда дружить.
Должны всегда смеяться дети
И в мирном мире жить!**

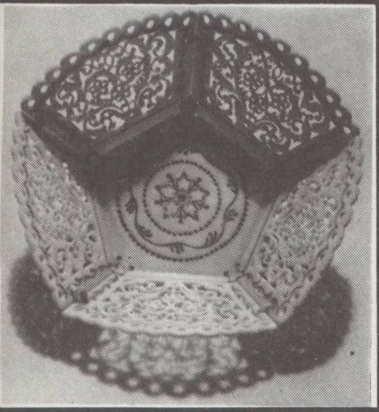
**Ярко-ярко пусть пылают лишь рассветы,
Ночью звездной пусть спокойно спят поля...
Детство, детство добротой не зря согрето,
Детство, детство — завтрашний твой день, Земля!**

Припев

**Детство, детство, детство — это летний ветер,
Парус неба и хрустальный звон зимы.
Детство, детство, детство — это значит дети,
Дети, дети, дети — это значит мы.**

Припев

Холмогорские косторезы

Владимир АНИЩЕНКОВ

Славные Холмогоры — ровесники Москвы — были столицей на Северной Руси, пока не заступил их место город Архангельск. Холмогорские костяники работали и на домашний обиход, и на церковное благоукрашение. Кресты, иконы резали и даже целые картины библейские — о том, как грешники, вкусившие запретный плод, лишились райского обетования, и еще многое, многое.

Об их искусстве сведали в столице. И лучшие резчики Семен и Евдоким Шешенины были вытребованы в кремлевскую Оружейную палату в качестве государевых мастеров. Сам царь Алексей Михайлович заказал холмогорцам десять прорезных гребней, и чтобы «в рези были у гребней травы, а в травах цветы». С тех пор пристали костяному рукомеслу холмогорскому державное благоволение и мода у дворцовой знати. Мастеровой царь Петр Алексеевич самолично ему покровительствовал. Императрица Елизавета Петровна всегда имела при себе резной «досканец» — маленькую коробочку для румян и булавок. То был золотой век холмогорских косторезов. Тогда-то и сотворен ими был кружевной узор, соединивший заморские барокко, рококо и русское узорочье, да такой мудреный... что и мурашу в нем заблудиться.

Припомним, в те же годы родился на Курострове, что через реку Курополку, напротив Холмогор, знаменитый «архангельский мужик» — ученый муж, поэт, историк и философ — Михайло сын Васильев Ломоносов.

Нет постоянства в этом мире, тем более у знати. Охладел высший свет к холмогорской резьбе. Преподнес холмогорец Иван Заозерный царю Александру в подарок костяную копию знаменитого памятника избавителям России Минину и Пожарскому. Государь же, почитавшийся человеком просвещеннейшим в свое время, при коем воины российские поили коней своих во всех великих реках Европы, «...соизволил жаловать сим монументом купца Ивана Чернышева августа 1 дня 1819 года в Холмогорах». По прихоти судьбы вернулся подарок в императорский дворец спустя почти сто лет к последнему российскому императору Николаю, но к тому времени и династия, и промысел стояли у роковой черты.

По шесть, по семь десятков лет отсчитали последние холмогорские резчики Гурьев, Узиков, Петровский, Перепелкин. И самим не прокормиться своим высоким искусством, и передать некому. Все. Что ж горемычные вас держит?

— Да жалко ведь. Старина все-таки. Ну и привыкли к тому же!

Неисповедимы пути Судьбы.

Чему жить, а чему умирать, не нам решать.

Случилась, по счастью, в одна тысяча девятьсот двадцать седьмом году очень, очень ко времени большая выставка искусств разных национальностей страны. В Москве, в Академии художественных наук наряду с другими показывали веками взлелеянное и вдохновленное последней надеждой престарелых косторезов искусство холмогорской резной кости. Работы эти не заметить было невозможно. Они и стали первым шагом к возрождению. Три года спустя в селе Ломоносове на Курострове артельщики открыли школу и цех резьбы. И что же? Как сотни лет назад прославились костяники холмогорские во многих землях, так и в наши дни их потомки снискали славу на всемирных выставках, увозя с собой на берега родной Курополки медаль серебряную из города

Продолжение на 4-й обложке.

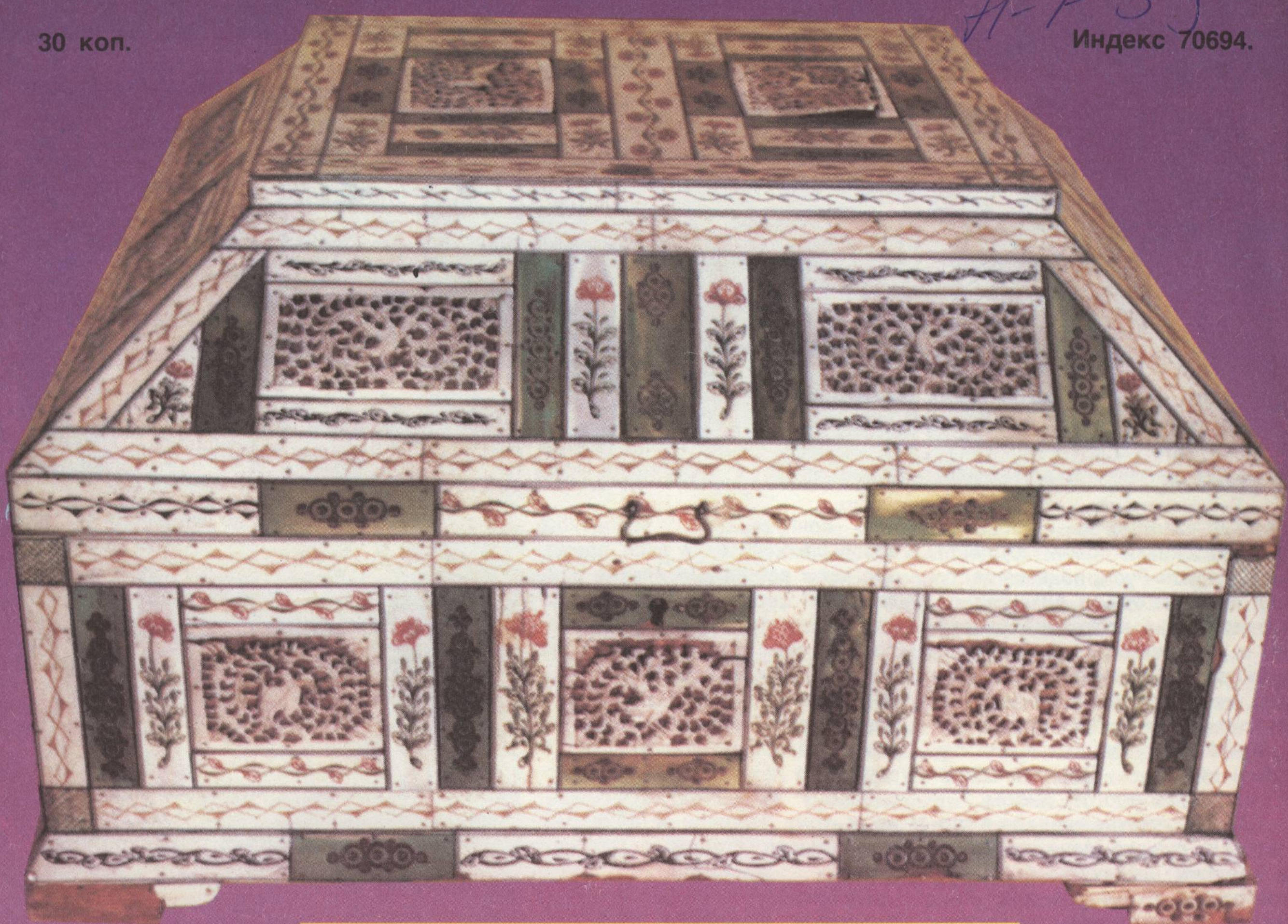
ЧИТАЙ В ДЕКАБРЕ:
окончание повести В. Малова «Девятнадцать мест в машине времени»; рассказ С. Летт «Павла»; очередные выпуски рубрик «Музей одной картины», «Сатириконччик», «Клип-клуб», «Планета детей».

Сдано в набор 04.09.90.
Подписано к печати 28.09.90.
Формат 60×84 ⅛. Бумага офсетная.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,44.
Усл. кр.-отт. 31,16. Учетно-изд. л. 9,00.
Тираж 1 820 000 экз. Заказ № 2810.
Цена 30 коп.

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, Москва, А-137, ГСП,
ул. «Правды», 24.

30 коп. Индекс 70694.

Фотографии А. КРУПНИКОВА.

Брюсселя и золотую из самого Парижа.

Вот какова история славного искусства холмогорского. А что же за рука те сказочные кружева костяные вырезывает, какой глаз все подметит и выверит, что за душа их согревает?

Сей труд сложнейший требует руки твердой, глаза верного и души возвышенной.

Костяные кружева суть рукотворное северное сияние. Коли любишь свою землю родимую, понимаешь ее — берись за резец, она тебе поможет. А начинается все с ремесла, с видения и чувствования сего благородного материала, с инструмента, который у каждого резчика свой, самодельный. До семидесяти инструментов имеет хороший мастер: втиральники, лобзики и проч. Между

Холмогорские косторезы

Читай на 3-й обложке.

иными резцами разницы неопытным глазом не различишь. Но рука костореза берет именно тот, что нужен, иначе поломаешь кость — и вся работа насмарку. Последние три десятка лет резчики взялись за бормашину. Но и боры те готовят сами — такой изощренности, что ни в сказке сказать, а лучше видеть. Самую тонкую работу резчик доверяет только своему глазу. Вон Гурьев, тот в очках читал, но когда за кость брался, очки откладывал. А узоры, что ж, их за сотни лет столько напридумано — выбирай любой, а коли сам ты в согласии с природой — создавай новый, лишь бы красотой не хуже прежних. Имя у всех этих узоров в старину было одно — холмогорское, потому как у русских художников не принято было подписывать свои творения. И лишь редкие источники письменные либо особо заказные работы открывают нам имена создателей. Среди замечательных резных кубков, шкатулок, гребней времени расцвета промысла одна «кружевная» кружка, с вырезанными портретами российских властителей Петра, Павла и Екатерины, сообщает нам имя творца — одного из лучших холмогорских резчиков: «сия крушка слонового зуба кости, костяных дел мастера Осипом Дудиным положена в святую обитель Соловецкую Лавру, будущим родам на посмотрение...»

ISSN 0130—8009. Пионер. 1990. № 11. 1—64.